

ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Территории истории

Софья Чуйкина

Дворянская память:
«бывшие» в советском городе
(Ленинград, 1920–30-е годы)

Санкт-Петербург
2006

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-28
Ч-87

Чуйкина С. А.

Ч-87 Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. — 259 с. + [32 с.] ил. — (Территории истории; Вып. 1).

ISBN 5-94380-055-7

На основе биографических интервью и воспоминаний дворян, родившихся в начале двадцатого века и проживших жизнь в СССР, в книге исследуется коллективная память о приспособлении к новым условиям в послереволюционное двадцатилетие. Память рассматривается как социальная практика, играющая роль в принятии решений, в профессиональных стратегиях, в воспитательном процессе и трансляции культурного наследия. Изучаются биографические и социальные последствия компромиссов, молчания и страха, присущих сталинской эпохе. Показывается, как рядовые, незаметные участники исторического процесса влияют своими решениями, тактиками, манипуляциями на формирование социальной структуры. Книга написана в жанре исторической социологии и может быть использована как пособие по применению биографических методов в социологическом исследовании. Она предназначена социологам, историкам, культурологам и широкой читательской аудитории.

**УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-28**

ISBN 5-94380-055-7

© С. А. Чуйкина, 2006

© Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2006

*Посвящается моей бабушке
Наталье Федоровне Зворыкиной*

содержание

Введение	8

Часть I. Приспособление и реконверсия

Глава 1. Реакция дворян на революцию	16
Протест и эмиграция: 1918–1922	17
Миграция внутри страны	25
Лояльность	27
Апатия	37
Глава 2. Дворяне на советском рынке труда	40
Ситуация на рынке труда	42
<i>Имидж дворян в прессе</i>	42
<i>Концепция государства в отношении трудоустройства «бывших»</i>	46
Профессионализация дворянских навыков	58
<i>Конвертируемые ресурсы: знания, навыки, умения</i>	58
<i>Конвертация ресурсов</i>	66
<i>Деклассирование и реклассирование</i>	78
<i>Профессиональные пути дворян 1910-х годов рождения</i>	85
<i>Реконверсия дворян как класса, их место в социальной и профессиональной структуре советского общества (на примере Ленинграда)</i>	91
Глава 3. От «бывших» — к «старой интеллигенции»	96
Язык советской прессы при описании социально-структурных изменений	97
<i>Понятие «интеллигенция»</i>	98
<i>«Старая интеллигенция»</i>	102
<i>«Новая интеллигенция»</i>	105
Язык для самоописания дворян 1910-х годов рождения	112

Часть II. Культурная инерция и компромисс: советская дворянская биография

Глава 1. Дворянское воспитание в послереволюционной России	130
Счастливое детство: мозаика памяти	131
Исключительность и исключенность	141
Ухаживание и матримониальные стратегии	147
От «дома» — к «семье»: новая модель частной жизни	151
От человека «этического» — к человеку «культурному»: новая модель воспитания	154
Глава 2. Трансляция семейной памяти	157
Проблема имени: скрыть, использовать, забыть?	160
<i>Парадоксы трансляции</i>	165
<i>Трансляция семейных моральных норм</i>	179
Семейная память как зеркало изменения статуса социальной группы	185
Заключение	192
Комментарий	198
Приложение. Методы сбора и анализа данных	213
<i>Автобиографическое повествование как социологический инструмент</i>	213
<i>Ценность, субъективность и (не)достоверность автобиографических</i> <i>повествований</i>	216
<i>Влияние момента воспоминания на интерпретацию событий</i>	218
<i>Источники</i>	221
<i>Схема интервью</i>	224
Использованные материалы и библиография	227
Тематический указатель	248
Указатель географических названий (кроме Петрограда/Ленинграда)	255
Именной указатель	255

Введение

В сталинский период советской истории в официальном дискурсе часто употреблялись слова «большой» и «великий». Масштабы экономической и политической трансформации поражали современников — обывателей, западных наблюдателей и самих лидеров страны.¹ Они впечатляли и ученых, поэтому описание событий послереволюционных лет как «великих», характерное для советской официальной идеологии, принято среди историков и социологов, изучавших эту эпоху. Они пишут о «великом отступлении» от революционных ценностей (Тимашев), «большом терроре» (Конквест), «большой сделке» Сталина с советским средним классом (Данэм). Присоединяясь к сложившейся традиции, мы исследуем ранний советский период как эпоху «большого компромисса».

Послереволюционное двадцатилетие было экстраординарной и противоречивой эпохой. Это было время страха, обманов и молчания, экспериментов, вдохновения и энтузиазма. Это были десятилетия смирения, принуждения и возможности почувствовать себя субъектом большой истории, участником социалистического строительства. В работах ученых, появившихся в последние годы, рассматриваются всевозможные аспекты этого столь многообразного социального контекста.²

Исчезновение в послереволюционные годы старого и традиционного, а также появление всего «нового» и «большого» потребовало, чтобы все люди, без исключения, пересмотрели свою старую биографию и семейную историю и создали новую, советскую. Процесс приспособления личной истории к требованиям новой господствующей идеологии охватил все слои населения — низшие и высшие, образованные и необразованные.

---

¹ Паперный В. Культура Два. М.: НЛО, 1996; Colton T. Moscow: Governing the Socialist Metropolis. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1995.

² О подходах различных школ истории советского периода см.: Shearer D. From Divided Consensus to Creative Disorder: Soviet History in Britain and North America // Cahiers du monde russe. N 39/4. 1998. P. 559–591.

Дискредитирующий эпизод имелся в биографии практически каждого гражданина, а в лояльной режиму семье мог обнаружиться родственник: эмигрант или «буржуй», кулак или депортированный, «социально опасный элемент» или «лишенец», исключенный из партии или «нетрудовой элемент» — кто-то, о ком не нужно было упоминать в анкетах, заполняемых на всех этапах жизненного пути. Правильное размещение фактов своей биографии так, чтобы скрытое не стало явным, было мастерством, необходимым для выживания. Искреннее незнание компрометирующих обстоятельств помогало успешному представлению своей биографии на публике, часто практикуемому в те годы. Поэтому некоторые факты семейной истории представители старших поколений во многих семьях предпочитали замалчивать.

Эта книга повествует о той части населения, которая в силу установок своей среды и дискриминационной политики Советской России 1920—1930-х годов наиболее болезненно переживала необходимость поиска компромисса между прошлым и настоящим. Речь идет о представителях дореволюционной элиты, ядро которой как в до-, так и в после-революционные годы составляли потомственные дворянские семьи.

Социологический анализ последствий «большого компромисса» для жизни российского общества только начинается, и исчезнувший за советский период слой дворян является наиболее очевидным объектом для такого исследования. Сегодня общество находится в поиске традиций и авторитетов, возрастает интерес к культуре дореволюционных элит, но жизненный путь дворян, переживших сталинское время, до сих пор остается непрочитанной и интригующей страницей нашей недавней истории.

Понятия «дворянин» и «дворянка» используются в этой книге в двух смыслах. Прежде всего речь идет о категории советского дискурса, которую необходимо было примерять к своей биографии и приспосабливать к обстоятельствам. Эта категория была не менее динамичной, чем другие появившиеся в то время идентификации (например, «пролетарии»), и, следовательно, обозначала не реально существовавшую статусную группу, обладавшую объективными социальными характеристиками, а возможность (или отсутствие возможности) представить себя в том или ином качестве. Неизбежность применения категории «дворянин» («дворянка») к биографии индивидуума не была напрямую зависима ни от его (или ее) самоощущения, ни даже от дореволюционного статуса. Это скорее определялось послереволюционной траекторией человека и конкретной ситуацией, в которой вспоминалось или забывалось социальное происхождение.

Говоря о «дворянах», мы также имеем в виду носителей дворянской культуры, то есть тех, кто получил дворянское воспитание и кто вел себя в соответствующих ситуациях как «дворянин» или «дворянка» — осо-

знанно или спонтанно. Здесь речь идет о тех, кто в дореволюционное время составлял, пользуясь термином Норберта Элиаса, «фигурацию»,^I то есть в ситуациях социального взаимодействия проявлял себя согласно своей позиции относительно других участников «социальных игр». Дворянская культура утверждала себя в динамичном взаимодействии с другими культурами — крестьянской, крупно- и мелкобуржуазной, разночинной. При этом категория «дворянство», дворянская фигурация, критерии настоящего дворянина, элементы дворянского воспитания, а также взаимоотношения дворян с другими слоями населения на протяжении XVIII—XX веков постоянно менялись.^{II} Революция 1917 года и последующие социальные трансформации, которые нанесли сокрушительный удар по дореволюционным элитам, все же не смогли в одночасье разрушить социальные связи, представления и нормы поведения. Процесс приспособления к новым условиям длился примерно два десятилетия и к середине 1940-х годов завершился исчезновением дворян с социальной сцены.^{III}

За судьбой дворянских семей просматривается более общая проблема — складывание социальной структуры в переходный период. Анализируя биографические траектории дворян в советском городе (на примере жителей Ленинграда 1920—1930-х годов), мы прослеживаем механизмы перехода из одной социальной группы в другую в ходе трансформации, исчезновение старых и появление новых символических границ^{IV} и оснований для социальных взаимодействий.

Социология элит уже внесла оригинальный вклад в изучение социальной структуры, сделав объектом анализа сообщества, для которых регламентация и стилизация повседневности являются нормой и в то же время — инструментами борьбы за светское пространство. Поместив в фокус исследования советские дворянские практики, мы изучаем те процессы, которые происходят, когда регламентация и стилизация повседневности разрушаются, то есть реконверсию,^V культурную инерцию, разрыв традиции, модификацию модели воспитания и появление новых форм трансляции семейной памяти. Случай советского дворянства дополняет и модифицирует социологическое знание об элитарной культуре, показывая ее скрытый потенциал, проявляющий себя в переломный момент.

Данная работа представляет собой попытку дать прагматическое объяснение социальных изменений. Это подразумевает изучение логики практики (или, иначе говоря, практического смысла) в ее столкновении с изменившимися условиями жизни.^{VI} Содержание практик сообщества, потерявшего институциональные возможности воспроизводства, определяется *воплощенной памятью* — привычками, коллективными представлениями, навыками и умениями.

Таким образом, «героиней» нашего исследования является дворянская память. После крушения прежнего социального порядка во время революции, унесшего в прошлое привычный образ жизни, память дирижировала личным усилием по созданию новой жизни в новых условиях. Это была прежде всего воплощенная память, то есть память, живущая в самих людях, в их душах, телах, жестах и языке. Это была память, материализованная в вещах и жилищных пространствах, это были моральные нормы, воспоминания и эмоции. Багаж памяти, перевезенный с собой из старого времени в новое, оказывался то положительным, то отрицательным капиталом. Материально-вещественная и генеалогическая память, символизовавшая принадлежность к сословию, оказалась объектом манипуляции, сжигания и забвения. Память, воплощенная в светских навыках, умениях и знаниях, оказалась полезной для осуществления реконверсионных стратегий двух поколений бывших дворян. Память о приспособлении к новым условиям сыграла роль в межпоколенной трансляции чувства социальной исключительности и в формировании новой социальной группы советского общества.

В нашем исследовании рассматриваются только те события и процессы, которые сохранились в коллективной памяти выходцев из дворянского сословия, родившихся до революции или сразу после нее и проживших жизнь в СССР. Книга основывается на автобиографических повествованиях (интервью, воспоминаниях, семейных хрониках), созданных поколением дворян 1910-х годов рождения. Эти люди еще застали быт и обиход дореволюционной формации. Они были воспитаны родителями, пытавшимися в новых условиях из разрозненных элементов воссоздать знакомое им дворянское воспитание, и некоторые элементы этого воспитания передавались по наследству и в дальнейшем. С трудом преодолевая дискриминацию, пытаюсь создать для себя комфортную нишу в профессиональной сфере и частной жизни, они пытались примирить в себе советского человека и дворянина. Время первой пятилетки с его «перегибами» и «переломами» оказалось наиболее мировоззренчески значимым периодом, формирующим личность, определившим дальнейший жизненный путь и ощущение принадлежности к поколению.

Исследование исходит из гипотезы, что в результате изменения внешнего контекста (и, как следствие этого, реконфигурации социальных практик) произошло изменение содержания коллективной памяти старых элит и появились новые символические основания для построения межгрупповых границ в советской социальной структуре. Мы изучаем, таким образом, влияние жизнедеятельности «обычных» (с точки зрения «большой истории») участников исторического процесса на формирование социальной структуры.^{VII}

В первой части книги исследуется реакция дворян на деклассирование в период Гражданской войны, профессиональный путь двух поколений в период между двумя войнами и поиск языка для описания их социально-структурной позиции в советском обществе. Вторая часть посвящена преобразованию дворянской модели воспитания в советский период, трансляции семейной памяти и особенностям советской дворянской биографии. В приложении содержится информация о ходе проведения исследования, о том, как собирался и анализировался материал, а также говорится о достоинствах и ограничениях использованных источников. Там же находятся более подробные социологические комментарии к основному тексту, которые, в частности, поясняют теоретический инструментарий, которым пользовался автор при написании книги.

Эта книга выросла из диссертации, подготовленной в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Творческая атмосфера факультета политических наук и социологии способствовала развитию диссертационного исследования и его превращению в новый интеллектуальный продукт. Воплощение этого замысла стало возможным при финансовой поддержке Фонда «Копе» (Финляндия) и Дома наук о человеке в Париже («стипендия Дидро»).

В предисловии, следуя обычаю, хочу воспользоваться возможностью и приятным правом назвать тех людей, которые оказали мне помощь в работе.

За прочтение последней версии рукописи и ценные комментарии я благодарна Д. А. Александрову, А. М. Семенову, О. В. Хархордину и О. В. Чепурной. Я также глубоко признательна научным руководителям моей диссертации Д. А. Александрову и Б. М. Фирсову и оппонентам В. Б. Голофасту и В. В. Радаеву за поддержку и конструктивную критику.

Важную роль сыграло сотрудничество с Моник де Сен-Мартэн и возможность обсуждения этой работы на ее семинаре по социологии элит в парижской Школе высших исследований в социальных науках. Дискуссии на семинарах по теории практик на факультете политических наук и социологии Европейского университета, а также беседы с издателями журнала «Ab Imperio» И. Герасимовым и М. Могильнер существенно повлияли на разработку концепции книги.

Мне бы хотелось поблагодарить финских коллег — Р. Алапуру, Т. Ви-хавайнена, Ю. Гронова, А. Роткирх, А.-М. Салми, Е.Хеллберг-Хирн за комментарии к статьям и отдельным главам и за разностороннюю поддержку во время моих стажировок в Финляндии. Я также благодарна всем участникам проекта хельсинкского Рэнвалл-Института «Нормы, ценности и перелом в советском обществе и культуре в 1920—1950-е го-

ды» и в особенности М. Витухновской и К. Герасимовой, с которыми мы работали в рамках этого проекта над статьями о социальной структуре Ленинграда 1930-х годов.

Я признательна Центру независимых социологических исследований за творческую атмосферу и новые идеи, особенно В. М. Воронкову, знакомство с которым оказало решающее влияние на мой выбор профессии социолога.

Незаменимую информацию о том, как женщина может добиться успеха в научной карьере, какие препятствия встречаются на этом пути и каким образом их можно преодолеть, я получила на лекциях и семинарах Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной. Спасибо им за это.

Не могу не вспомнить о моей работе в НИЦе «Мемориал» в самом начале моей профессиональной деятельности. Именно тогда я поняла ценность устной истории и ощутила вкус к проведению биографических интервью.

Я искренне признательна тем, кто фактически является соавторами этой книги, кто согласился рассказать свои семейные истории, поделиться воспоминаниями, фотографиями и документами из семейных архивов, а также тем, кто помог в организации интервью.

Эта работа могла быть написана только при всесторонней поддержке близких людей. Я благодарю моих родителей и моего друга Дидье Салье за понимание, всегда своевременную и незаменимую поддержку.

Я посвящаю эту книгу моей бабушке Наталье Федоровне Зворыкиной. Созданная ею двухтомная семейная история и ее рассказы о прошлом пробудили у меня интерес к дворянской памяти.

часть I. приспособление
и реконверсия

часть I / глава 1. реакция дворян на революцию

«Вы не представляете себе, что творилось во время революции. <...> Везде народ, взад и вперед, демонстрации, драки, все вооруженные, у кого пистолеты, у кого штыки. Разухабались все, матросы, солдаты. <...> Было очень напряженно. Много убийств всяких было. На улицах убивали, в квартирах убивали. <...> Очень сильно изменилась, в корне изменилась наша жизнь. Потому что, когда папа был жив, папа получал хорошее жалование, которого вполне хватало на содержание семьи и обслуживающего персонала. У нас всегда были хорошие большие квартиры, по шесть-семь комнат. И имели кухарку, горничную, няню, гувернанток, такая была жизнь. Мама не знала никогда никаких забот, папа обо всем заботился, обустроивал семью папа, а потом вдруг — папы нет, никаких средств нет, жизнь только на продажу вещей, того, что мы имели. Все золото, и все колечки, и так далее, все было снесено в Торгсин. И только на это мы жили. От горничных отказались. И мама должна была идти работать, а получала гроши. Ставки были низкие. Так что, конечно, радоваться было совершенно нечему. И потом, сколько перенесла мама, когда папа был в Севастополе! Мы знали о том, как поступали с морскими офицерами, привязывали им камни и спускали под воду. И она знала, что ему тоже придется проходить этот суд матросский, а чем он кончится? Причем выпускали газету, одно время было

в этих газетах, кого потопили: “полковника такого-то, лейтенанта такого-то, мичмана такого-то”. И мама хватала эти газеты и читала — нет там его? Сегодня нет, а завтра? Ей было, конечно, очень трудно».¹

В 1917 году напряженность, дискомфорт, волнение, нараставшие во время войны, достигли предела. Сцены бессмысленного насилия имели место все чаще и нагнетали страх. Наконец, последовавшие после Октябрьской революции экспроприация поместий, жилищный передел в городах, красный террор и Гражданская война, экономическая политика военного коммунизма, голод и эпидемии повергли население в хаос миграций. Изменение обстановки ставило вопрос о том, как быть дальше, что предпринять в ответ на драматическое изменение условий жизни.

Социолог Альберт Хиршман,² анализирувавший реакцию индивидов на проблемные жизненные ситуации с точки зрения концепции рационального выбора, пишет, что характерными способами реакции на кризис являются либо «уход» (полное устранение от ситуации и резкое изменение своей жизни), либо нежелание покидать «тонущий корабль» («лояльность»). Лояльность возможна, если есть надежда на изменение ситуации к лучшему, и она проявляет себя в форме пассивного ожидания или активного протеста.

Данные варианты поведения представляют собой потенциальные возможности реагирования в идеально-типической ситуации кризиса. Рассмотрение жизненных путей дворян в послереволюционные годы в рамках этой концепции дает возможность показать взаимосвязь выбора (рационального или нерационального), сделанного в первые годы после революции, и дальнейших жизненных стратегий, в частности взаимоотношений с государством.

Протест и эмиграция: 1918–1922

Открытая борьба представителей привилегированного в прошлом сословия против новой власти велась на территории России только в первые послереволюционные годы. Кроме сражения против большевиков в рядах Добровольческой (Белой) армии, предпринимались попытки конспиративной тайной борьбы с

¹ Интервью с Матвеевой Мариной Николаевной, 1906 г. р.

² *Hirschman A. Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations and States.* Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1970.

советским режимом. Из архивных дел и мемуаров известно о существовании тайных организаций в начале 1920-х годов, которые были раскрыты, а их участники — расстреляны.³

Бесперспективность протестов, неприятие новой власти, страх перед настоящим и будущим приводили к отъезду с территории России. До середины—конца 1920-х годов отъезд за границу, хотя и с большими трудностями, еще был возможен. С начала 1930-х годов, когда пересечение границы стало для большинства граждан недоступно, спасением от опасности стала миграция внутри СССР.

Во время Гражданской войны вопрос о возможности и необходимости эмиграции обсуждался практически в каждой дворянской семье. В одних случаях эмиграция была спонтанным решением, в других — результатом долгих размышлений и подсчетов. В некоторых семьях чемоданы собирали и разбирали несколько раз, до того как был сделан (или не сделан) окончательный шаг. Рассказы о том, каким виделось будущее в период Гражданской войны, различны. В интервью с эмигрантами решение об отъезде за границу описывается как шаг отчаяния, вызванный ощущением катастрофы, как побег, «спасение своей шкуры», временное отступление. В интервью с теми, кто не уехал и остался жить в СССР, это решение чаще описывается как рациональное и прагматичное, принятое в результате подсчета рисков и выгод: остаться в Советской России оказалось легче, чем уехать за границу. Для отъезда были нужны различные ресурсы, которыми многие не обладали.

Представителям титулованной аристократии отъезд представлялся единственным выходом из создавшейся ситуации. Известные в столицах и провинции, они подвергались агрессии в первую очередь. Громкая фамилия не давала возможности скрыться. Уже в 1918 году аристократические семьи понесли многочисленные утраты. Эмиграция представлялась вполне приемлемым решением. Обладая при старом режиме значительными средствами, аристократические семьи проводили зимы за границей, в совершенстве владели несколькими иностранными языками, имели за рубежом недвижимость и банковские счета, многочисленных знакомых и родственников. Наличие драгоценностей, тайно перевозимых за границу, также давало средства к существованию на первое время. Современные исследования⁴ показывают, что эмиграция для предста-

³ О единичных протестах дворян против советского режима см.: *Иванов В. А.* Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20–40-х гг.: на материалах Северо-Запада РСФСР. СПб.: ЛИСС, 1997. С. 93. См. также мемуары, например: *Голицын С. М.* Записки уцелевшего. М.: Орбита, 1990. С. 23–28; *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика. Нью-Йорк, Т. 2. С. 140–143.

⁴ *Иванов В. А.* Миссия Ордена...; *Дворянская семья: из истории дворянских фамилий России* / Под ред. В. П. Старка. СПб.: Искусство—СПб.; Набоковский фонд, 2000.

вителей титулованной знати была единственно верным решением, иначе говоря, спасением, тем более что аристократия, наиболее интернациональная группа дворянства, легче других приспособилась к жизни за границей. Из оставшихся в СССР выжили единицы.⁵

Примером может служить судьба представителей княжеского рода Оболенских. «Не успевших скрыться ждала тяжелая участь. Кн. Владимир Дмитриевич был убит в своем имении в Рязанской губернии в начале 1918 г., а его старший брат, кн. Александр Дмитриевич, расстрелян 30 августа 1918 г. в Петропавловской крепости в Петрограде. В феврале 1918 г. на станции Веймарн Ямбургского уезда революционная толпа убила местного помещика, председателя Ямбургской земской управы кн. Михаила Владимировича. В июне 1918 г. корнет 13-го гусарского Нарвского полка кн. Павел Иванович был расстрелян большевиками и оставлен ими среди убитых, но чудом выжил и сумел перебраться в Крым. В ноябре 1918 г. в имении Горки Могилевской губернии была убита и сожжена в своем доме вдова кн. Алексея Алексеевича (1856–1910), предводителя дворянства Чериковского уезда, кн. Елена Константиновна (урожденная Дитерихс). Погибли в тюрьме (в 1918 г.?) принадлежавшие к симбирской ветви рода братья князя Михаил и Николай Федоровичи... <...>

Оставшиеся... в России сполна испили чашу страданий. В годы массовых сталинских репрессий с такой громкой фамилией трудно было укрыться и уцелеть. Вот далеко не полный список князей, княжон и княгинь Оболенских, кончивших свою жизнь в тюрьмах и концлагерях: кн. Сергей Дмитриевич (1868–1946); княжна Софья Леонидовна (р. 1877), княжна Елизавета Васильевна (1875–1943), ее сестра княжна Прасковья Васильевна (р. 1883), в замужестве гр. Шереметева; их брат кн. Владимир Васильевич (1890–1940) и его жена кн. Варвара Александровна, урожденная графиня Гудович (1900–1938), княжна Кира Ивановна (1899–1936)».⁶

Отъезд предпринимали не только те, кто принадлежал к группе титулованной аристократии, но и те, кто не имел ни знаменитой фамилии, ни значительных средств. При прочих равных условиях этот путь чаще выбирали те семьи, которые находились ближе к границам, имели необходимый минимум ресурсов для эмиграции (визы, средства, связи) и кто по тем или иным причинам подвергся агрессии в период Гражданской войны и пережил трагические события.

⁵ Многогранное описание жизни аристократических семей в 1920–1930-е годы (на воле, в лагерях и ссылках) представлено в мемуарах трех авторов, родившихся в начале века и относящихся к клану Голицыных, — С. М. Голицына, его кузена К. Н. Голицына и брата жены последнего О. В. Волкова.

⁶ Дворянская семья: из истории дворянских фамилий России. С. 153–154.

Л. А. Успенская рассказывает о жизни ее семьи в период, предшествовавший удавшемуся нелегальному переходу польской границы: «Уехали главным образом из-за детей. Что будет, если родителей расстреляют или увезут заложниками... Тетю мою расстреляли, например. Почему людей расстреливали, было непонятно. В общем, за те два года, что мы прожили в Житомире, правительство там сменилось 14 раз. Так что мы повидали если не всех, то почти всех. <...> Петлюровцы — это было самое страшное, потому что они делали погромы. Громили жидов и москалей. А москалей — это мы были.

Папу взяли петлюровцы, потому что москаль и занимает место, не подобающее москалю. Расстрелять на месте его было нельзя, потому что его слишком все знали и любили, и могло быть неприятно. Поэтому его отвезли в Житомир, чтобы там расстрелять. И он сидел в тюрьме, и мы сразу поехали в Житомир. Тюрьма оказалась не очень страшной, и он все-таки смог оттуда ударить. <...> Тут мама помогла. Потому что у мамы был очень большой нюх — кому, когда и сколько. И она дала кому-то сколько-то, чтобы закрыли глаза... В общем, я не знаю. Тогда был еще беспорядок. А в Житомире у нас было много знакомых. Там были у нас знакомые, такие Вошинины, очень милые люди. Папа спрятался у них. А мы, когда приехали в Житомир, мы остановились, конечно, в той гостинице, в которой папа всегда останавливался. Она называлась “Минель”, самая лучшая. И в тот же вечер горничная, очень испуганная, сказала: “Знаете, тут будет у нас еремеевская ночь. Но вы не бойтесь, я вас закрою на ключ и скажу, что это у меня родня из деревни приехала, и никого к вам не пущу. Но только не зажигайте огня, не смотрите в окна, и чтобы дети не плакали”. И действительно. Поздно вечером началось. Топот по лестнице, страшные визги и крики убиваемых людей. Патроны экономили, убивали холодным оружием больше. Убивали всех. Погром в том и заключается, что приходит человек и убивает бабушку, дедушку, детишек и папу с мамой. Чтобы не было жидов и москалей.

И мы оттуда быстренько уехали, переехали к тем же Вошининым. А потом этот город заняли большевики. И тогда мы уже перестали скрываться, наняли квартиру и жили себе как ни в чем не бывало. Но потом начались все-таки перемены. <...>

Красные нас так особенно не трогали. Брали город одни у других, переходил город из рук в руки. От красных к зеленым, от зеленых к красным, от красных к петлюровцам. Выходили из дома и смотрели, какой у нас нынче флаг висит и какое у нас нынче правительство. Поляки тоже один раз как-то нас взяли. И потом в конце концов вселился к нам в квартиру комиссар. Так что мы уже чувствовали себя совсем не дома. Днем он уходил на службу, а вечером, когда все собирались как раз, надо было или шептаться, или что... Было неуютно. Были еще и обыски, конечно.

Когда уже комиссар к нам вселился, родители почувствовали, что дело плохо. Беда в том, что у каждого правительства был свой враг. У петлюровцев был свой враг — жида и москаля. У белых это были красные, у красных это были буржуи. Было не очень понятно, кто это были — “буржуи”. Под это определение подходили разные люди. Ну, и вот мы оказались в числе врагов. Тогда родители решили бежать.

Мама сказала: “Мы уезжаем, мы уже устроили всё”. И я отчаянно ревела. Она меня уговаривала, говорила, что ненадолго же, что вернемся же скоро... Я этому не верила. В душе чувствовалась безвозвратность».⁷

Для легального отъезда нужно было получить разрешение на выезд. Те, кто мог, получали визу официально, но во многих случаях переезд границы был нелегальным или для его осуществления предпринимали оформление фиктивных документов. В мемуарах и семейных историях рассказываются различные легенды о том, как удалось получить визу на отъезд или обзавестись фиктивными паспортами. Во всех подобных историях присутствует элемент счастливой случайности или совпадения обстоятельств.

В семье Зворыкиных один из четырех братьев смог выехать в Европу, используя разрешение на отъезд, полученное внезапно скончавшимся главой семьи. «Когда умер Анатолий Иванович в Москве (1918), то у него оказался документ, по которому он мог уехать за границу. Старший сын, Иван Анатольевич, взял этот документ и пошел в учреждение, которое его выдало. Там он сказал: “Вы выдали документ, но тут вкралась ошибка. Здесь написано Анатолий Иванович, а я Иван Анатольевич! Исправьте, пожалуйста!” Документ исправили, и он уехал».⁸

Эмигрировавших представителей дворянского сословия, бежавших от революции, можно было поделить на две группы. Одну группу составляли одиночки и семьи, самостоятельно предпринявшие отъезд из России. В другую группу входили уехавшие (или, пользуясь языком эпохи, «эвакуировавшиеся») корпоративно — в составе воинских подразделений и учебных заведений. Вместе с армиями в период Гражданской войны за границу ушли в полном составе несколько кадетских корпусов и институтов благородных девиц, а также преподавательский состав отдельных учебных заведений.

В дальнейшем значимым различием между эмигрантами стала траектория их отъезда. Одна из информанток отмечала, что в эмигрантских кругах считалось, что выехавшие через южные границы (из Крыма и Одессы в Константинополь) по политической ориентации — «правые», «монархисты», тогда как уезжавшие через северные границы (Финлян-

⁷ Интервью с Успенской Лидией Александровной, 1906 г. р.

⁸ Зворыкина Н. Ф. Записки: История семьи Зворыкиных. Рукопись. С. 16–17.

7 мая 1932.

Дорогие мои, вся объединенная
любовь к дорогой нашей устоявшейся; я не пере-
числяю вас по имени, тех, которых объединя-
ет сразу мысль и пребывающий среди вас не-
решен дух ее. — Сурганов то, голсу не имевший
и зред гит предельной протии каждаму из нас, ч
имыи, мощей войт, по мвдвешаму црмтрелю, огн
скоро. Благодарю Мату за потраченное мной
своей протиейт и тихой благосиейт соодуект.
Этот сидорки, проникнувший тихой, темной мо-
дью, говоря о Ямак и протосийт дуктовкой,
которую условно приобретаем, подверглась помян-
но в любви к Бичулану и враз с искривлениями.
Да, пребываю в гурдах и боренбах, вы идееввуд,
я не ждтв, шива только из себя, должен к сибку
сожматтв, тит дуктовного роийт в ситт не выжу,
и опасаеть, как вы вимтв сожртвантв не какама.
Вы разроуект и титтв. — Очень важно, родной
мой Маз, ты сказал о дуктовном калтвдт,
нам оставленном. Да, сперва отцу, а затем
матв, оставили нам богатое дуктовное на-
с-твдтв, каждтв в своем родтв, нас-твдтв,

сблудивающееся касатки жав хранитъ и
успокоить воспримътиъ дужкиъ цомкости
Божое, гитъ в, отпорвавшись ой семьи, не
кееъ тѣхрестей, но и радшеей Владимиро-от.
щениъ и сущениъ, растерел и расиратиъ
не малуо волю вѣтго камигѣъ. Горго
жрано, гитави Николенкоха не поспидвал
примитру отиъ и не отдалисъ ой вѣтх
вас, но подтверживал да пѣтское единениъ
со вѣтми вани, вѣдани и тѣткани, в млоу.
исаремей и жертвенной. Печаль же ой по-
стижишей нас утратѣи да сведитѣъ тѣм обидѣи
ѣтмигѣтвом, гитъ сущимъ оха погити гитъ перед
вогарсенкии Христѣвни; Христѣе воскрес и жив
и с нами жива въ вѣтующеъ в кеео, и я вѣтго
гитъ дух мамн, и дѣттих чѣтаних мамн, омщен-
ный ой Землѣи мамноуей, гитѣи и гитѣо, умиро-
творенный и просвѣтѣтвенный, поддерживаеъ нас гитъ
на Землѣ, если мы живем по Божьему. Иисусе
твое в вѣтх сущи гитѣиъ и переживаеъ и вѣтх
рѣд полугаид ой вас вѣтѣоу. мамѣи Чик. Коконовиъ
рѣвнигѣи мамн, гитѣи вѣтх переидѣи совѣтѣтвеннѣи.
Христѣе Восрес! Видимъ вѣтх вас ой вѣтго сѣтѣи
и да гитѣи вѣтх дѣтѣи мамнѣи сѣтѣи и утѣтвеннѣи
в пѣтѣи Христѣи над смертѣи. Шѣк.

Письмо Ивана Зворыкина из эмиграции, которое он написал своим братьям и сестрам в ответ на сообщение о смерти матери. Передано из-за границы через знакомых. Это письмо представляет собой образец ритуализированной внутрисемейной переписки, характерной для дворянских семей как в России, так и в других европейских странах в начале XX века (из архива Н. Ф. Зворыкиной)

дия, Эстония, Польша) — скорее «левые». Солидарность уехавших через южные границы считалась значительно большей.⁹

Такое представление связывают с тем, что через Крым в полном составе эмигрировали армии под командованием генералов Врангеля и Миллера. Около года после эвакуации военные жили в палаточных лагерях. Многих поселили на полуострове Галлиполи (юг Италии) и острове Лемнос (Греция). В дальнейшем «галлиполийское братство» спланивало бывших военных, организации бывших «галлиполийцев» были представлены во всех крупных эмигрантских центрах. Важную роль сыграла позиция Врангеля, который настаивал на том, что армия должна оставаться в состоянии боевой готовности, чтобы при удобном случае совместно с иностранными корпусами выступить против большевиков. После Генуэзской конференции (1922) надежды на то, что подобная возможность представится, практически не оставалось, но промонархистская и антибольшевистская идеология еще два десятилетия спланивала бывших офицеров и отдаляла их от «левых» и ассимилировавшихся русских эмигрантов. Вплоть до Второй мировой войны во всех крупных эмигрантских центрах существовали эмигрантские организации (наиболее известная из них — «Младороссы»), которые считали своей задачей восстановление монархии в России.¹⁰

У каждого крупного центра русской диаспоры была своя специфика. Например, Китай был в большей степени привлекателен для тех, кто мог работать на КВЖД рабочими и инженерами, и он оказался пристанищем лишь для очень небольшого количества деятелей культуры, как и для представителей бывшего российского света. Италия, в которой количество эмигрантов в целом было небольшим, около 3000,¹¹ наоборот, стала прибежищем в первую очередь для дворянских семей, представителей оппозиционных политических партий и деятелей культуры, стремившихся в страну, знакомую им по дореволюционным временам. По тем же причинам значительное количество дворянских семей оказалось в Финляндии, на Лазурном Берегу¹² и в

⁹ Интервью с Амилахвари Руссуданой Александровной, 1906 г. р.

¹⁰ *Raeff M.* Russia Abroad. A Cultural History of Russian Emigration, 1919–1939. New York: Oxford University Press, 1990; *Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel.* München: Verlag C. H. Beck, 1994; *Robinson P.* The White Russian Army in Exile, 1920–1941. Oxford: Clarendon Press, 2002; *Struve N.* Soixante-Dix Ans d'Emigration Russe, 1919–1989. Paris: Fayard, 1996.

¹¹ *Scandura C.* Rom: Russische Emigration in Italien // *Der große Exodus.* S. 282.

¹² *Ellis L. R.* Les Russes sur la Côte d'Azur: La colonie russe dans les Alpes-Maritimes des origines à 1939. Nice: Serre, 1988; *Kaurinkoski K.* L'émigration blanche. Les russes à Nice. Mémoire de D.E.A. Département d'Ethnologie. Faculte des lettres et des sciences sociales. Université de Provence (AIX — Marseille 1), 1992.

Париже.¹³ Болгария была подходящим временным пунктом пребывания для молодых людей, которые получали там возможность скопить начальный капитал физическим трудом и в дальнейшем осуществить другие планы, а также для высокообразованных людей, которые были востребованы болгарским государством. Наилучшие условия в начале 1920-х годов предоставили Чехия¹⁴ и Сербия — в этих странах благодаря пособию, выплачиваемому всем эмигрантам, и благожелательному отношению была возможность учиться, открыть свое дело и найти работу в сферах интеллектуального труда и в армии.

Однако в дальнейшем, уже через несколько лет после выезда из России, когда международные организации и государства, принявшие русских, перестали оказывать помощь и эмигранты должны были принимать стратегические решения относительно своего настоящего и будущего, многие выбрали в качестве страны постоянного проживания Францию, которая в те годы предоставила наиболее приемлемые условия для интеграции и с середины 1920-х годов до Второй мировой войны стала столицей русской диаспоры.¹⁵

Миграция внутри страны

К концу 1920-х годов эмиграция стала возможна лишь в редких случаях. Чаще всего просьбы о выезде встречали отказ. В «Письмах» Е. А. Свиньиной¹⁶ содержится хроника ее попыток уехать за границу к детям в начале 1930-х годов. Ей, одинокой семидесятипятилетней женщине, не получавшей продовольственной карточки и пенсии и выселенной из квартиры в неотапливаемую каморку, в выезде отказали, несмотря на хлопоты родственников. Отъезд

¹³ См.: *Menegaldo H.* Les Russes à Paris, 1919–1939. Paris: Autrement, 1988; *Johnston R.* New Mecca New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920–1945. Kingston, Montreal: McGill-Queen University Press, 1988; *Gousseff C.* Immigrés russes en France, 1900–1950: contribution à l'histoire politique et sociale des réfugiés. Paris: EHESS, 1996.

¹⁴ *Bobrinskoy O.* La Première République tchécoslovaque et l'émigration russe (1920–1938): la spécificité d'une politique d'asile // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 1995. N 1. P. 153–175.

¹⁵ *Johnston R. H.* Paris: Die Hauptstadt der russischen Diaspora // *Der große Exodus*. S. 260–278.

¹⁶ *Свиньиная Е. А.* Письма в Париж (1922–1938) // *Звезда*. 1997. № 11. С. 40–79.

стал неосуществим, тогда как репрессии, увольнения, выселения из квартир, ссылки возобновились с новой силой в конце 1920-х годов, когда хрупкое равновесие периода НЭПа было разрушено социалистической реконструкцией времени первой пятилетки.

Историки называют период 1928–1932 годов, отмеченный индустриализацией, коллективизацией, беспрецедентной в истории миграцией крестьян в города, репрессиями и экономическим кризисом, «сталинской революцией», которая превратила Советский Союз в «общество зыбучего песка». ¹⁷ Этот и последующий период характеризуются многочисленными добровольными или вынужденными переездами населения в другие города и области России. Бывшие дворяне были одним из многочисленных слоев советского общества, неоднократно предпринимавших смену места жительства, в том числе по собственной инициативе.

И. А. Шидловский в период первой пятилетки после окончания школы не был принят в ленинградский институт и, окончив курсы гравиристов-геодезистов, уехал работать в Казахстан, где пробыл несколько лет, став начальником отряда. Однажды, вернувшись в отряд после кратковременного отсутствия, он узнал, что «приезжал на легковой машине оперуполномоченный особого отдела ГПУ, устроил собрание и объявил всем моим подчиненным, что “ваш начальник — сын бывшего бая, а бай, по-казахски, это князь, дворянин, и он собирается сделать вредительство, и нужно его поймать и наказать”. Услышав это, “вредитель”, недолго думая, взял свой чемоданчик, сел в вагонку, которая ходила по узкоколейной железной дороге, до Гурьева было километров 90. Приехал в Гурьев, сел на пароход до Астрахани, а оттуда — в Ленинград. Удрал, одним словом. Бросил свое начальствование. Никому ничего не говоря». ¹⁸

Ю. Н. Данзас, в свое время фрейлина императрицы Александры Федоровны, а в начале 1930-х годов сотрудница Ленинградского военного округа «по хозяйственной части», уже отбывшая срок на Соловках, однажды, «придя на службу, нашла в своем столе конверт с запиской. В ней рукой Р. было написано только одно слово — “исчезай”. И она подалась на Кавказ». ¹⁹

Миграция внутри СССР открывала возможности спасения благодаря своеобразной социально-географической стратификации страны, сфор-

¹⁷ *Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. London: Methuen, 1985; Hoffmann D. Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca: Cornell University Press, 1994; Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999.*

¹⁸ Интервью с Шидловским Игорем Александровичем, 1910 г. р.

¹⁹ *Старк В. П. Данзасы // Дворянская семья: из истории дворянских фамилий России. С. 93.*

мировавшейся к началу 1930-х годов. В соответствии с официальными решениями и резолюциями страна была разделена на режимные и нережимные зоны. Население первых зон получало паспорта, контролировалось строже, было признано населением первого сорта и лучше снабжалось товарами. Население вторых зон было в большей степени свободно от контроля и имело меньше доступа к различным благам социализма.

Введение паспортов в режимных зонах в 1932 году повлекло за собой массовые миграции. Граждане, по тем или иным причинам опасавшиеся проверок, переезжали в наиболее экономически развитые нережимные зоны. Те, кто имел надежду на получение документов, оставались в крупных режимных городах или переезжали в эти города в надежде на лучшую жизнь. В менее развитые нережимные зоны «социально опасных» и «нетрудовых элементов» посылало государство. Поэтому своевременное самовольное перемещение внутри страны могло оказаться приемлемым решением при угрозе ареста или высылки.²⁰

Лояльность

Невзирая на многочисленные трудности и опасности, не все относились к революциям отрицательно. Не только художники, писатели и поэты,²¹ но и представители небогатых кругов смотрели на смутные времена с позитивным интересом и надеялись на то, что будут востребованы. Революции 1917 года вызвали больше энтузиазма, чем сталинское социалистическое строительство, хотя и это последнее было не лишено привлекательности, особенно для тех, кто был привлечен к работе и поощрялся государством.

Можно выделить несколько градаций лояльности дворян Советской России в послереволюционный период. Наиболее идейной, или гражданской, позицией представляется рациональный выбор в пользу своей

²⁰ Shearer D. Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932–1952 // *Journal of Modern History*. 2004. Vol. 76. N 4. P. 835–881; Полян П. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Kessler G. The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // *Cahiers du monde russe*. 2001. Vol. 42. N 2–4. Avril–Decembre. P. 477–504; Moine N. Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de d'identité sociale // *Cahiers du monde russe*. 1997. Vol. 38. N 4. P. 587–600.

²¹ Вихавайнен Т. Внутренний враг. СПб.: Коло, 2004.

страны при возможности отъезда за рубеж. Приверженцы такой позиции обосновывали свой выбор преданности земле, корням, русскому языку и культуре, своему семейному прошлому.

О. В. Волков описывает, что уже весной и летом 1917 года начался массовый исход друзей семьи, не доверявших временному правительству и опасавшихся повторной революции. «Звонили знакомые и родственники — все сообщали об отъезде. “Передай маме или папе, что мы уезжаем туда-то тогда-то...” Вечером я докладывал отцу: Ефремовы или Игнатьевы просили дать им знать в Новочеркасск, когда и куда мы соберемся; снова звонили от бабушки — она все же решила переехать “на время” к младшей дочери в Орел; такие-то обнимают и надеются на скорую встречу в Париже».

Отец Волкова, директор правления Русско-Балтийского завода, член правления Русско-Английского банка, обладавший значительными средствами и связями, «и слышать не хотел ни о каких отъездах — даже “временных”, как рисовалось тогда. Не то чтобы он оставался глух к предупреждениям... или сам не видел бессилия умеренных политиков спасти Россию от крушения, каким ему представлялся переход власти в руки крайних партий. Но крысы, покидающие обреченный корабль, — образ для российского интеллигента неприемлемый... Допустимо ли оставлять родину в беде?.. Были, кроме того, смутные упования на какие-то непредвиденные благоприятные обстоятельства — “авось да все образуется”, несомненное предубеждение к жизни эмигранта, боязнь лишиться родных стен, милой русской земли... Словом, целая цепь причин и обстоятельств, делавших для отца расставание с Россией невозможным».²²

Для специалистов высокого уровня отказ от отъезда был обусловлен приоритетом профессиональной самореализации. Они считали, что, оставшись в Советской России, будут иметь больше шансов для продолжения карьеры, чем в эмиграции. Можно привести в пример реакцию на революцию членов Академии наук. Жизненные траектории академиков, возможно, отражают расслоение образованного слоя России в целом в пред- и послереволюционные годы.

Из сорока шести академиков девятнадцать происходили из потомственных дворян, шестнадцать — из разночинцев и одиннадцать — из других слоев. Преобладающее большинство были детьми высокообразованных родителей. Их взгляды сформировались под влиянием атмосферы реформ 1860-х годов. Их политическая позиция определялась тем, в каких учебных заведениях они получили образование и где работали до избрания в Академию. В целом они критически относились к царскому правительству, однако никто не участвовал в революционном движении

²² Волков О. В. Погружение во тьму: из пережитого. Париж: Atheneum, 1987. С. 35.

и их отношение к активному противостоянию власти было отрицательным. Они участвовали в деятельности земств, профессиональных обществ, публично высказывали свое мнение по поводу общественно значимых вопросов (например, по еврейскому вопросу).

После Октябрьской революции восемь академиков предпочли эмиграцию, шестнадцать умерли до 1925 года, из них десять — в период Гражданской войны, двадцать два академика остались жить и работать в Советском Союзе. Отношение к обществу и власти различалось в зависимости от темперамента и научной специализации (представители технических и естественных наук, признанные властями более «полезными», чем гуманитарии, чаще позволяли себе открытую конфронтацию с властью). Как показывают личные архивы, академики относились к большевикам отрицательно, однако стремились к сотрудничеству с властями ради научной работы. Их политические взгляды отражали их профессиональное призвание: они считали, что разгром российской Академии наук будет потерей для мировой науки и что их задача — сохранить российские научные школы и институты.²³

Самый молодой в то время академик В. Н. Ипатьев, который до окончания войны возглавлял Химический комитет, ведавший снабжением армии и страны химическими продуктами, газовой борьбой и противогазовой обороной, в дальнейшем член промышленной секции Госплана, работавший на протяжении 1920-х годов на самых высоких должностях в химической промышленности и покинувший СССР в 1930 году, размышляет в мемуарах о причинах своей лояльности советскому режиму в 1920-х. Он описывает двойственное отношение к событиям 1917 года — неприятие программы большевиков и в то же время осознание того, что они являются единственно реальной политической силой: «Можно было совершенно не соглашаться с многими идеями большевиков. Можно было считать их лозунги за утопию (как это и подтвердил впоследствии жизненный опыт), но надо быть беспристрастным и признать, что переход власти в руки пролетариата в октябре 1917 года, проведенный Лениным и Троцким, обусловил собою спасение страны, избавив ее от анархии и сохранив в то время в живых интеллигенцию и материальные богатства страны. Мне часто приходилось, как в России, так и за границей, высказывать свое убеждение, что я в 1917—1919 годах остался жив только благодаря большевикам. Слухи о варфоломеевых ночах в Петрограде не переставали распространяться — и несомненно, что они имели бы место, если бы в стране оставалось временное правительство. Оно былось пролить каплю крови, как заявлял Керенский, — в то время

²³ Tolz V. Russian Academics and the Revolution: Combining Professionalism and Politics. New York etc.: St. Martin's Press. 1997.

когда уголовные каторжники, выпущенные из тюрем, спокойно разгуливали по всем городам и селам России и безнаказанно творили убийства и грабежи».²⁴

Свое мнение о том, что большевики — реальная и сильная власть, Ипатьев отстаивал в 1917 году и в Химическом комитете, и в Академии наук: «Некоторые старые академики ратовали за то, чтобы мы выразили немедленный протест против захвата власти большевиками, политическая программа которых была совершенно неприемлема для подавляющего большинства граждан. Я был в то время самым молодым академиком, недавно избранным, тем не менее решил высказать свое мнение для того, чтобы отвратить Академию от бесполезного выступления. Я стал на ту точку зрения, что в стране власть может перейти только в те руки, которые настолько сильны, что могут создать правительство, способное управлять страной. Если в стране найдутся силы, которые, видя полное недовольство масс этим правительством, будут в состоянии заставить существующее правительство капитулировать, то совершится переворот и новые лица придут к власти. Мы, интеллигенты, представляющие тонкую прослойку в толще масс, не имея за собой никакой опоры, не должны в настоящее время делать каких-либо выступлений и еще более усложнять и без того тяжелое положение — в особенности принимая во внимание, что мы находимся в состоянии войны. Что касается отношения каждого из нас к большевистскому правительству, взявшему ныне власть в свои руки, то это наше “святая святых”, и никто не заставляет теперь высказать нашу симпатию или антипатию к новой власти; и при царском режиме многие из нас не сочувствовали самодержавному правлению, но это не мешало нам честно выполнять наш долг перед страной и продуктивно работать».²⁵

Сам Ипатьев на протяжении 1920-х годов считал необходимым «честно выполнять ту работу, которая возложена новой властью».²⁶ Его точка зрения изменилась во время первой пятилетки после арестов нескольких ведущих инженеров, которых он близко знал. Он «стал очень пессимистически относиться к своему положению в СССР», его «настроение стало тревожным», он «ясно сознавал, что мы, и без того стесненные в свободе слова, будем в скором времени еще более стеснены в своих действиях», «все сильнее и сильнее крепло желание покинуть мою родину, так как я пришел к заключению, что никакой пользы ей принести я не могу, а имею, наоборот, все шансы в скором времени попасть в лапы ГПУ».²⁷ Благодаря известности в Европе и США, в част-

²⁴ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика. Т. 2. С. 37.

²⁵ Там же. С. 47–48.

²⁶ Там же. С. 143.

²⁷ Там же. С. 540–541, 595 и сл.

ности в результате работы на протяжении нескольких лет в немецких лабораториях, он смог своевременно покинуть СССР, избежав надвигающейся угрозы ареста.

Аргументация лояльного отношения к новому режиму специалистов с мировым именем в 1920-е годы отражает их патриотический настрой и в то же время осознание своей власти над новыми правителями и своей незаменимости для строительства нового общества. К. Бейлз предполагает: аресты инженеров в конце 1920-х годов явились следствием небезосновательных опасений Сталина, что корпорация технических специалистов дореволюционной выучки обладает слишком сильной властью в стране.²⁸ Аресты ведущих инженеров и сфабрикованные дела, создавшие атмосферу страха, изменили мироощущение специалистов, и можно предположить, что многие из них после культурной революции предпочли бы тихую жизнь в эмиграции, если бы имели возможность покинуть СССР и найти работу за границей.

Кроме лояльности из патриотических соображений, в дворянских кругах была распространена «оппортунистская» жизненная позиция. Особенно она была характерна для профессионалов среднего звена, чей символический статус и в дворянской, и в профессиональной иерархии до революции был невысоким и чьи доходы были небольшими. Они положительно относились к переменам, в случае если оказывались востребованы новой властью. Такой пример приводит в семейной хронике Г. А. Вахарловский: «Отец поставил своей целью сохранить материальную часть дивизиона и при развале армии сдать ее какому-то органу власти в далеком тылу. Он полностью выполнил это желание в Симбирске. Он мало разбирался в политике. Гнусность ленинской банды отнюдь не была для него ясной... поскольку собственности в смысле земли или какого-нибудь предприятия или вклада в банке у него не было. Когда 23 февраля 1918 г. вышел декрет Центрального советского правительства о формировании Красной армии и призыв в нее бывших офицеров, он немедленно воспользовался этим декретом не только потому, что вступление в Красную армию создавало для него какие-то нормы безопасности, но и потому, что это правительство было властью в двух столицах — Петрограде и Москве».²⁹

Некоторые представители дворянских семей приветствовали свержение старого режима из прагматических соображений, поскольку оно позволило им избавиться от пут сословных запретов и реализовать свои

²⁸ *Bailes K. Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941.* Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1978.

²⁹ *Вахарловский Г. А.* Написано для потомков Вахарловских. Рукопись из личного архива. С. 15.

желания в личных и профессиональных сферах. Например, Т. Б. Горбатовская вспоминала, что ее мать, которую в свое время выдали замуж без ее согласия, «говорила, что она все может простить большевикам, потому что она всегда мечтала избавиться от мужа. И как только большевики пришли к власти, она в тот же день побежала и попросила развод».³⁰ Подобная лояльность советскому режиму была ситуативной. Отдельные завоевания революции не скрашивали негативных сторон послереволюционной жизни и, как, в частности, в вышеописанном примере, не удерживали в дальнейшем от эмиграции.

Лояльность некоторых дворянских семей советской власти объяснялась не столько приверженностью новому режиму, сколько растерянностью и неприятием старого порядка, в том числе самодержавия, царствования Николая II, а в дальнейшем — правления Керенского. Такая позиция была свойственна и дворянам, и более широкому слою интеллигенции в целом.³¹

О таком отношении родителей к революции в первые ее месяцы рассказывает Л. А. Успенская: «Родители сперва не совсем понимали ситуацию. Было Учредительное собрание, и они думали, что это даст какой-то демократический образ правления. Потому что они не были монархистами и не почитали царскую семью. Поэтому когда захватили власть большевики, было непонятно, что будет, было совершенно неизвестно».³²

О сомнениях родителей по поводу отношения к советскому режиму, уже в 1930-е годы, рассказывает Н. П. Панаева: «Мы не знали, что хорошо. Даже от монархически настроенного дворянства, уже после революции я сама слышала такой отзыв о нашем дворе... Какой двор был, эта подлость, мелочность и ничтожество того, что там происходило. <...> Поэтому у дворянства, которое пережило это все, было здесь и видело какие-то отдельные вещи разумные... Легче всего сказать, что все плохо. Другое дело, что перевешивает. Отдельные вещи были неплохие. Потому что о свержении Керенского никто не сожалел. Его никто не принимал, никакой слой общества. С Корниловым было сложнее, это была фигура достойная... Конечно, масса делалась чудовищных вещей. Ну, если дворянин пришел от души работать, так его не надо посылать на Соловки, он знающий человек. Если уж он пошел работать, то его честь заставит... Все это было сложнее, чем теперь кажется. Конечно, легко сейчас все это разложить на красное и белое, черное и белое».³³

³⁰ Интервью с Горбатовской Тamarой Борисовной, 1913 г. р.

³¹ Вихавяйнен Т. Внутренний враг.

³² Интервью с Успенской Лидией Александровной, 1906 г. р.

³³ Интервью с Панаевой Ниной Платоновной, 1918 г. р.

Характерным отношением к советской власти было безыдейное ожидание лучших времен и надежда на то, что новая власть установилась ненадолго. Такая надежда теплилась до середины 1920-х годов у тех, кто был дальше от эпицентров революции. Они организовывали свою повседневную жизнь таким образом, чтобы она выглядела на первый взгляд «советской», но могла быть реорганизована в случае возвращения прежних порядков.

Наиболее консервативными, не принимавшими перемен и не верившими в долгосрочность советской власти были помещики. Исследование Джона Ченнона показало, что 10 756 (10–12 %) помещиков (с семьями 50 000 чел.) продолжали жить в своих родных местах до середины 1920-х годов,³⁴ ожидая возможного возвращения старого режима. Ченнон пишет, что «в целом помещики, оставшиеся в своих имениях с разрешения местных властей, могут быть отнесены к мелким землевладельцам, не имевшим квартир в городах или значительных финансовых резервов для эмиграции».³⁵ Они оставались жить в своих имениях, организовав в них либо трудовую коммуну, либо музей.³⁶

Г. А. Вахарловский рассказывает, как его тете удалось создать в поместье коммуну и не менять своего образа жизни до середины 1920-х годов: «Местные крестьяне отнюдь не торопились реализовать решение Совнаркома, ЦК РКПб отбирать землю у помещиков. Им она просто была не нужна, потому что в Вологодской губернии населения вообще было мало и у крестьян было земли столько, сколько они захотели когда-то взять и сколько могли обработать. Кроме того, Марья Михайловна (Вёдрова), владелица, еще будучи во владении, участвовала во всех полевых работах и в скотоводстве так же, как и любая женщина, нанятая для этой работы. Поэтому этот коллектив образовал коммуну, назвал себя коммуной. В этой коммуне она выполняла роль скотницы. Если бы победили белые, оно бы снова стало ее имением, а при наличии советской власти она была членом этой коммуны. Ее личные вещи и всякие там безделушки, которым не придавали значения, но которые были сделаны из серебра и золота, значительная библиотека на русском и иностранном языках — все эти вещи сохранялись за нею».³⁷

Н. Ф. Зворыкина в «Записках» рассказывает о том, как сестры ее отца, не желая покидать родных мест, выехали из своего имения и поселились в соседской усадьбе, превратив ее сперва в музей, а затем в

³⁴ Channon J. Tsarist Landowners after the Revolution: Former *Pomeshchiki* in Rural Russia during NEP // *Soviet Studies*. 1987. Vol. 39. N 4. P. 575.

³⁵ Ibid. P. 580.

³⁶ Ibid. P. 579.

³⁷ Интервью с Вахарловским Глебом Анатольевичем, 1908 г. р.

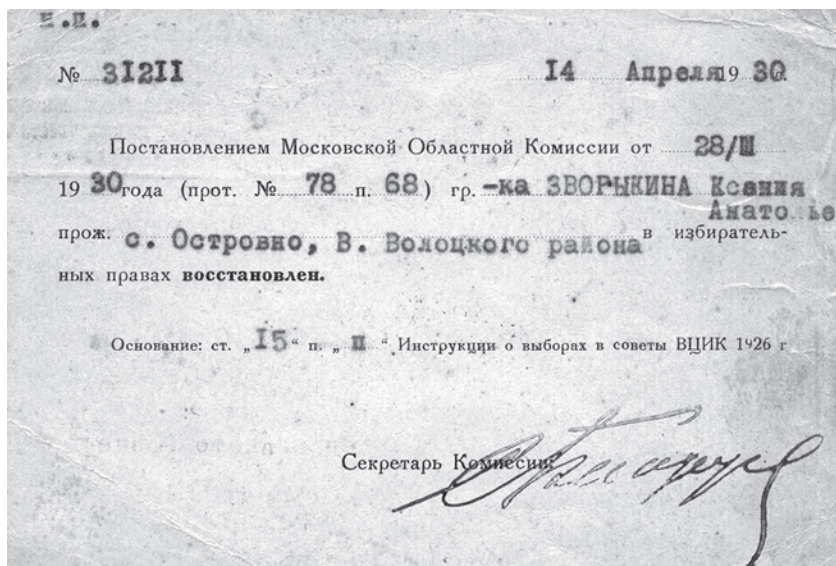
Дом отдыха работников искусства: «Революцию Надежда Анатольевна не приняла. Хотела эмигрировать, но не было денег, а работать “на большевиков” принципиально не желала. <...> Из Вышнего Волочка Надежда Анатольевна вместе с матерью, сестрой и приемной дочерью Гесей (Евгенией) переехала в имение Островно. Владелец имения, Николай Владимирович Ушаков, выселенный из своего дома, мирно жил тут же в маленькой избушке. Неподалеку обитала целая группа художников, в том числе Моравов и Бялыницкий-Бируля. Они написали письмо в Наркомпрос с просьбой сохранить Островно как художественную ценность. Такой “ценностью” Островно стало благодаря тому, что в нем провел лето 1894 года И. Левитан. Один из поклонников Ксении Анатольевны (большевик Морозов) устроил ей возможность жить в Островно, охраняя художественную ценность. <...>

Кому-то пришло в голову устроить в Островно что-то вроде дома отдыха для работников искусства. Наняли кухарку и горничную для уборки комнат и пригласили человек 10—12 отдыхающих из Москвы и Ленинграда. Были годы НЭПа, и частное предпринимательство не возбранялось. Приезжала арфистка Ольга Эрдели, профессор Николаи, были маленький толстенький врач Пикин и высокий тенор Пикок с женами. Подолгу жил (друг семьи) Крейслер с дочерьми и, кажется, ничего не платил. Тетушки старались обслужить своих постояльцев получше. Ксения Анатольевна доставала продукты, а Надежда Анатольевна ведала приготовлением блюд, сервировкой стола и т. д. Помню, что мое воображение поразило большое блюдо жареных птичек. <...> Гости не скучали — устраивали любительские спектакли... были прогулки, игры, шутки, мимолетные романы, конкурсы на самый красивый букет...»³⁸

Законодательно пребыванию бывших помещиков в имениях был положен конец, когда вышел декрет ЦИКа и Совнаркома от 20 марта 1925 года о лишении бывших помещиков права землепользования и проживания в принадлежавших им до Октябрьской революции имениях.³⁹ Те помещики, кто не повиновался и не выехал в 1925—1926 годах, были выселены в 1929 году с началом коллективизации, нередко став при этом «лишенцами». Поэтому ко второй половине 1920-х годов относится поток миграции помещиков из сельской местности в города, в том числе в Ленинград.

³⁸ Зворыкина Н. Ф. Записки: История семьи Зворыкиных. Рукопись. С. 92—94.

³⁹ О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах: Резолюция президиума ЦИКа и Совнаркома СССР от 20 марта 1925 г. // Сборник декретов по земельному законодательству СССР/РСФСР, 1917—1954. М., 1954. С. 19—20.

Документ о восстановлении в избирательных правах Зворыкиной К. А.
(из архива Н. Ф. Зворыкиной)

Многие дворянские семьи не приняли советский режим, не надеялись, что он будет свергнут, не стремились жить в советском обществе и не были против эмиграции. Однако они остались в России, потому что не имели возможностей как-либо изменить свою жизнь. Как отмечается в одном из интервью, «вопрос эмиграции прежде всего был связан с деньгами», и невозможность уехать определялась в первую очередь отсутствием достаточного количества средств. «Перед нами встал вопрос — ехать или не ехать. У нас не было мужчин. Решение было за бабушкой. Она сказала: “Мы не поедem, мы останемcя, потому что у нас нет средств”. У нас были какие-то мелочи, но говорить об этом нечего. Решили остаться. И остались».⁴⁰

В других семьях решение остаться было принято из-за боязни каких-либо перемен либо отказа оставлять в России близких родственников, желания держаться вместе. «У мамы двоюродный брат был, Эйлерс. Когда они собрались уезжать, он позвонил маме, встречу устроил. Они встретились, и он сказал, что они едут в Париж. Но мама сказала, что не поедет. Потому что мой брат Ника был в Средней Азии. Как же Ника останется? А собственно говоря, что бы мама там делала? Ведь то, что было у нас ценного, все пропало. Даже ресурса не осталось. Ну, приехали бы мы в Париж, и что...»⁴¹

Те, кто остался жить в советском обществе в силу обстоятельств, смирились с судьбой и стремились понять новые правила игры, приспособиться к новым условиям, по возможности обеспечить безопасное и комфортное существование. Е. В. Иванова рассказывает о том, как относились к своему положению ее родители: «Нас настраивали, что нужно жить так, как идет жизнь. Вписаться в эту жизнь. <...> Мы относились к этому как к неизбежности. Что ничего другого быть не может, что уже все рухнуло — то, что было. Теперь все будет так и никак по-другому, и не надо ничего искать... Это не была свободная, установленная, традиционная жизнь, как полагается людям. Это была борьба за жизнь, стремление приспособиться к тому, чтобы все было благополучно, чтобы чего-нибудь не случилось. Я уже не говорю, сколько мы торговали своими вещами на барахолках... Все, что можно, продавали, чтобы как-то существовать. Такая была жизнь, ничего нельзя было сделать, надо было терпеть. Это было великое терпение».⁴²

---

⁴⁰ Интервью с Ивановой Екатериной Владимировной, 1906 г. р.

⁴¹ Интервью с Матвеевой Мариной Николаевной, 1906 г. р.

⁴² Интервью с Ивановой Екатериной Владимировной, 1906 г. р.

Апатия

Французский социолог Ги Бажуа указывает на то, что концепция Альберта Хиршмана «уход, протест, лояльность» недостаточна для объяснения реакции на кризисы, поскольку она рассматривает исключительно рациональный выбор, тогда как для принятия решения большое значение имеют привычки и культурная инерция. Принятие решения в ситуации кризиса Бажуа определяет как заключение своеобразного *контракта*, невысказанного или формального, добровольного или нет, сознательного или нет, который имеет всегда двойное измерение. С одной стороны, речь идет о *кооперации* с социальным институтом, ответственным за кризис, с другой стороны — о *социальном контроле*, осуществляющемся этим же институтом.⁴³

Бажуа предлагает свою классификацию реакций на кризисную ситуацию, каждая из которых по-разному влияет на изменение этих двух аспектов социальных отношений: *уход* разрушает и кооперацию, и социальный контроль; *протест* подвергает сомнению контроль, но направлен на сохранение кооперации, то есть диалога во имя достижения общих целей; *лояльность* подразумевает сохранение и кооперации, и социального контроля; *апатия* потворствует воспроизведению социального контроля, но делает все возможное для уменьшения кооперации.

Последний способ построения отношений с государством и обществом — *апатия* — был характерным способом реакции на кризисные ситуации, особенно начиная с конца 1920-х годов, когда отъезд за границу стал невозможен, протест не имел смысла, а лояльность дворян советскому государству не встречала взаимности. Слово «апатия» не вполне созвучно описанию жизни людей в эпоху перемен, когда экстремальные условия вынуждают даже ленивых заниматься активной деятельностью. Однако это слово передает настроение членов общества, которые, ощущая недовольство жизнью, не в силах ее изменить.

Е. И. Воцинина сформулировала в интервью, что жизнь ее круга в советский период может быть охарактеризована как «разгром» и «приспособление».⁴⁴ Такого же взгляда придерживаются и авторы мемуаров,

⁴³ Bajoit G. Exit, voice, loyalty... and apathy: Les reactions individuelles au mecontentement // Revue française de sociologie. 1988. Vol. 39. P. 331.

⁴⁴ Интервью с Воцининой Екатериной Ильиничной, 1909 г. р.

о чем говорят их названия. Например, С. М. Голицын называет свои воспоминания «Записки уцелевшего».⁴⁵ И. В. Головкина, написавшая роман о жизни дворян в 1930-е годы, озаглавливает его «Побежденные».⁴⁶ Это название перекликается с заголовком мемуаров С. А. Волконской — «Горе побежденным».⁴⁷ Как считают мемуаристы, жизненная траектория дворян была двоякой: часть дворян была разгромлена и побеждена морально и физически, часть — уцелела и приспособилась.

Для того чтобы ощутить дух времени и атмосферу жизни уцелевших семей, приведем отрывок из воспоминаний О. В. Волкова «Погружение во тьму», выделив в них глаголы — описания того, что *делали* дворяне. Мемуарист описывает жизнь знакомой семьи, не подвергшейся репрессиям, мирно живущей и работающей, в 1929 году. «Для меня удивительно: они обе, как и их мужья, *служат*. Средняя, Наташа, *даже преподает* французский в Институте Красной профессуры. А живущая отдельно их старшая сестра Татьяна Ивановна *пристроилась* *гувернанткой* в семье Жукова — будущего маршала. Они, как и родственники их, как и обширный клан Осоргиных, *прилепились* к сложившимся обстоятельствам, как-то *приспособились*, хоть и на задворках, *втянулись в круговорот* текущей по новому руслу жизни, где, казалось мне, *не было для них места*. <...> Выгнанные из имения, сестры Татариновы вместе с матерью *осели* в Торжке. И не было в том богомольном городке более ревностных молеельщиц, чем эти девушки. *Усердно вышивали* они шелками по сохранившемуся великолепному “старорежимному” муару узоры и кресты для пасхального облачения архиерея. *Участвовали в крестном ходе*, разогнанном пулями...

Ни о чем подобном я *не дерзаю* заговаривать — чую заранее, как неуместно воскрешать эти прожитые страницы. Умная и чуткая Наталья *находит случай* вскользь, но очень четко *заявить о лояльности*, неотделимой от чести: раз нанялся работать, получаешь вознаграждение, изволь и без присяги служить честно. Что ж, вполне дворянское рассуждение!»⁴⁸

Приспособление к сложившимся обстоятельствам («выбор один: или помирай, или подвывай...»⁴⁹), судя по воспоминаниям очевидцев, в целом характеризует восприятие жизни «бывшими людьми» в советском обществе в 1920—1930-е годы. То есть эфемерное существо-

⁴⁵ Голицын С. М. Записки уцелевшего. М.: Орбита, 1990.

⁴⁶ Головкина И. В. Побежденные. М.: МП «Русло», 1993.

⁴⁷ Волконская С. А. Горе побежденным. Vae Victis. Париж: Oreste Zeluk. Без даты.

⁴⁸ Волков О. В. Погружение во тьму. С. 103–104.

⁴⁹ Там же. С. 103.

вание, настоящее без будущего, способность выжить и жить в постоянном страхе. Такое отношение к жизни можно назвать апатией, или вынужденной лояльностью.

То, как сказывалось отношение к окружающей действительности на выборе профессии и места работы, будет рассмотрено в следующей главе. В целом можно отметить, что лояльность советскому строю облегчала профессиональную интеграцию. Противоположная позиция — стремление остаться вне советской системы, избежать общения с чиновниками при устройстве на работу, нежелание повышать свой статус — влекла за собой предпочтение работы «вчерную», что помещало такого человека в позицию аутсайдера и подвергало опасности, что он будет выселен из квартиры и из города как «нетрудовой элемент».

Анализ реакции дворянских семей на драматическое изменение их жизни в первые послереволюционные годы показывает, что эмиграция, протест, лояльность и апатия — как обусловленные обстоятельствами выбор жизненной стратегии — определялись в равной мере объективными и субъективными причинами. Важнейшую роль в принятии решения сыграли наличие материальных ресурсов и место жительства, известность фамилии, возраст, наличие или отсутствие семейной солидарности, идейная позиция, качества характера.

часть I / глава 2. дворяне на советском рынке труда

Язык социологии оказывается слишком бедным для описания рынка труда в послереволюционное двадцатилетие. Привычные социологические понятия, такие как «социальная мобильность», «карьера», «класс», «деклассирование», «стратегия», «жизненные шансы» и даже «профессия» и «образование», здесь весьма условны и не вполне адекватно отражают ту реальность, которую предстоит описать с их помощью. Отсутствие свободного рынка, слабость профессиональной структуры, сила политических критериев социального продвижения и мощь случайных обстоятельств создавали сложные правила игры, в которых современное понятие успеха неуместно, а неудачам не всегда можно найти социологическое объяснение.

Деклассирование дореволюционного состоятельного слоя и попытки выдвижения новой элиты привели к формированию специфической системы социального неравенства. Дискуссии о том, какие термины следует использовать при описании социальной структуры раннего советского общества, ведутся уже несколько десятков лет.¹ На наш взгляд, сущность стратификационной политики советского государства в послереволюционное двадцатилетие

---

¹ Обзор дискуссии см.: *Радаев В. В., Шкартан О. И.* Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 222–282.

лучше всего раскрывает понятие «приписывание к классу»,² предложенное американским историком Шейлой Фитцпатрик. Она указывает на то, что после 1917 года представители всех слоев населения оказались «приписаны» государством к какому-либо «классу».³ Права и обязанности граждан перед государством были, таким образом, закреплены в соответствии с их социальным происхождением. Советские «классы» находились в послереволюционные годы в стадии формирования — население страны в соответствии с заказом государства приспособляло себя к «классу» (по возможности привилегированному), преобразуя биографическую информацию нужным образом.

Представители дореволюционных привилегированных слоев были «приписаны к классу», который в прессе именовался «буржуазным» («буржуи») и делился на два подкласса. Первый подкласс составляли так называемые бывшие (или «бывшие люди», «бывшие эксплуататорские классы»), в который входили дворяне (помещики, чиновники), все офицеры царской и Белой армий, дореволюционная буржуазия, служащие жандармерии, купцы, священники. Как «бывшие», все они подверглись дискриминации с начала революции, независимо от дореволюционных различий между этими группами. После 1929 года прибавилась вторая группа — «новая буржуазия» (нэпманы, кулаки). «Приписывание к классу» привело к существованию в 1918—1936 годах квазисословной системы стратификации.⁴

Представители «бывших эксплуататорских классов» пытались выжить, приспособиться к новым условиям и по возможности обеспечить себе комфортное существование. Многие, не надеясь получить его для себя, рассчитывали на преуспевание младшего поколения, которое только вступало в жизнь. Дворяне трех поколений — пожилые люди, среднее поколение, социализованное при старом режиме, и младшее, родившееся незадолго до революции или сразу после нее, — вынуждены были выстраивать свой профессиональный и жизненный путь в условиях дискриминации. Социологическое исследование профессиональных траекторий бывших дворян в послереволюционное двадцатилетие позволяет детально изучить механизмы реконверсии социальной группы в условиях трансформации и дискриминации.

В социологических исследованиях уже описаны общие для всех исторических условий обстоятельства реконверсии элит в переходные периоды. Реконверсия, как правило, является вынужденной и затрагивает

² Fitzpatrick S. *Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia* // *Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. N 4. P. 750.

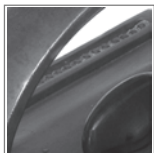
³ Этот «класс» имеет мало общего с социологическим понятием класса.

⁴ Fitzpatrick S. *Ascribing Class*. P. 750.

не всю группу, а лишь самую активную ее часть. Возможность реклассирования, то есть обретения эквивалентной новой позиции, определяется наличием конвертируемых ресурсов. Важнейшим залогом успеха (или неудачи) является социальный капитал: для успешной реконверсии знакомства должны быть как можно более разнообразными; если же социальная сеть не разнообразна, реконверсия состояться не может. Матримониальные стратегии сужают перспективы реконверсии или же расширяют их. Негативную роль играет узость кругозора, в том числе отсутствие опыта жизни в других регионах. Важна также адекватная оценка символического капитала, его позитивных и негативных составляющих и уместности его использования.⁵

Обстоятельства реконверсии старых элит в советском обществе по сравнению с другими европейскими странами в XX веке беспрецедентны, особенно по количеству репрессий и их протяженности во времени. Профессиональные пути дворян в 1920–1930-е годы многообразны, хаотичны и парадоксальны. Но социологический взгляд может уловить социальную обусловленность личного усилия и социально-структурные рамки, направляющие его.

Ситуация на рынке труда

Имидж дворян в прессе

Как чувствовал себя носитель социального клейма, проживавший в бывшей имперской столице, можно представить себе, читая публикации ленинградских газет. В них «бывшим эксплуататорским классам» уделялось много места. Были публикации общетеоретического характера, разбор конкретных жизненных ситуаций, конфликтов в учреждениях и коммунальных квартирах, отчеты о чистках, фельетоны, карикатуры. Лексикон прессы со временем менялся, одни уничижительные понятия менялись на другие и порой начинали употребляться в противоположном смысле.

Долгое время в ходу было слово «буржуй», которое употреблялось в первой половине 1920-х годов по отношению к выходцам из дореволю-

⁵ Saint-Martin M., de. Vers une sociologie des aristocrates déclassés // Cahiers d'histoire. 2002. Vol. 45. N 4. P. 785–801.

ционных состоятельных слоев, но во второй половине оно стало использоваться по отношению к нэпманам. Понятием «дворянин» (или «дворянка») обозначались люди, до революции не работавшие или жившие на ренту, выпускники элитарных учебных заведений или родственники высокопоставленных чинов. По отношению к лицам дворянского происхождения, о которых подробности такого рода в статьях не уточнялись, употребляли термины «из бывших», «бывшие люди» или просто «бывшие». Слово «бывшие» относилось ко всем выходцам из «эксплуаторских классов», но обычно во всех прочих случаях уточнялась природа «бывшести», например: «бывший поп», «бывший заводовладелец», «бывший помещик». Словом «аристократ» обозначали тех, кто вел несоветский, в разных смыслах, образ жизни. Бывшую титулованную знать и тех, кто с ней общался, часто называли во множественном числе «князья», «графы», «бароны». По отношению к тем, кто служил в царской или Белой армии употреблялось слово «офицеры», тогда как по отношению к служившим в Советской армии это слово обычно не использовалось.

Наибольшую дискриминацию пресса предвещала тем, кто до революции был наиболее знатен и богат. Например, менее чуждыми советскому строю считались те дворяне, кто не имел собственности. Обычно журналисты не задавались целью иерархизировать представителей «социально чуждых» групп населения, часто их смешивали в статьях без какого-либо принципа, например: «Повсюду одна цель, одно устремление: вычистить из аппарата “бывших людей” — офицеров, помещиков, попов, дворян и т. п.».⁶

Слово «бывшие» употреблялось чаще всего во множественном числе, когда речь шла о какой-либо группе. Если дело доходило до конкретизации, перечисления имен, то старались из возможных «званий» дать как можно более одиозное, например: «Вот проверочная комиссия начинает свою ювелирно-реставрационную работу, и штрих за штрихом, краска за краской ложатся на выцветшие лица и оживают мертвые черты. <...> Шидловский А. Ф. — в прошлом губернатор... Я. Н. Ростовцев — в прошлом граф, гофмейстер двора Николая II и заведующий канцелярией Александры Федоровны, помещик Любощинский, имевший 1000 десятин земли в Тамбовской губернии, камер-юнкер, обер-прокурор Сената Граве... <...> Все эти “тени минувшего” промелькнули вчера, как в кино, на общем собрании сотрудников Академии».⁷

В период Гражданской войны образ дворянства в газетах — преимущественно сатирический. Как и другим буржуям (богачам, дармоедам),

⁶ О чистке советского аппарата // Красная газета (далее — КГ). 1929. 23 февраля.

⁷ Проверка аппарата Академии наук: губернатор, шпион и «дьякон с психозом» — в академическом аппарате // КГ. 1929. 20 августа.

им приписывается разлагающий праздный образ жизни в уютных апартаментах. Типичный буржуй, герой газетных статей, «пьет в тепле кофе и расписывает немецкие успехи», у него «только и дела за день, что пить чай с шоколадом», он «размяк от удовольствия в тепле, свете и сытости» и «ждет торжества контрреволюции» и т. д.

Журналисты старались представить как можно более оригинальные и запоминающиеся образы уходящего в прошлое дворянского сословия. Так, в конце Гражданской войны, после разгрома Белой армии, большую популярность приобрела идея о гибели дворянства вместе со старой эпохой. В 1922 году появилась статья, где заявлялось, что «российское дворянство умерло от сифилиса». «Да, да, не удивляйтесь — именно от сифилиса. В истории бывали такие случаи, когда целые классы, целые общественные группы заболели сифилисом, — конечно, в переносном смысле, — сифилисом умственным, нравственным, этическим — и умирали медленно, трагически, мучительно, страшно».⁸

В период НЭПа внимание привлекается к деградации дворян, потере ими социального статуса. Объектами внимания становятся работающие в торговле, в особенности на черном рынке. В фельетонах особенно подчеркивается знатное происхождение их героев. Вот, например, стихотворение «Конкуренты»:

*В коридоре совучреждения:
Баронесса фон Ринке в кружевной пелеринке
И в вельветовой юбке, перешитой из шубки,
У подъезда торгует оладьями.
Старый граф Шереметьев, вкусы тонко подметив,
Держит «Яву» — замзаву, регистраторам — «Славу»,
А курьерам — махорку осьмушками.
А действительный статский, князь Путята-Путятский,
Для секретных посылок: 8 полубутылок
Незаметно проносит подмышками.⁹*

В конце 1920-х годов сатирические издательские публикации в целом прекращаются, уступая место отчетам о том, «куда пролезли бывшие», поискам скрывавших происхождение и махинаторов, их разоблачениям, увольнению и выселению из города. Эти темы особенно активизировались во времена массовых ссылок — в период культурной революции и в середине 1930-х годов после убийства С. М. Кирова.

Кроме описания дворянства как подавленного, уходящего, исчезнувшего класса, оно рассматривается в некоторых статьях как соперник

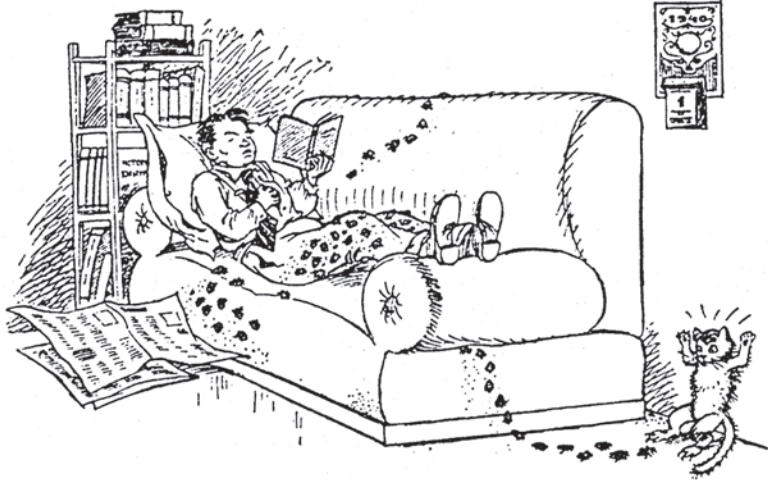
⁸ Меньшой А. Сифилис // КГ. 1922. 14 января.

⁹ Д'Актиль А. Конкуренты // КГ. 1928. 28 апреля. Вечерний выпуск.

О ДВОРЯНСКИХ ТЮФЯКАХ...

«Я понимаю борьбу за культурность в самом широком смысле слова, чтобы, например, из крана не текла вода, чтобы в Москве поменьше было клопов в квартирах и т. п. Клопы — это же нетерпимая вещь, это позор, а люди в это время задают себе вопрос: каким должен быть человек при коммунизме, какими свойствами он будет отличаться? (Смех). Люди разглагольствуют о воспитании детей, а у себя в квартире устроила клоповник. Ну, что это такое! Разве это культурные люди? Это — дворянские тюфяки, сохранившиеся от старого русского общества. (Смех)».

Из доклада М. И. Калянина «О коммунистическом воспитании».

— У меня всего много,—сказал он упрямо,—за всяким клопом не усмотришь, в шелку к нему не влезешь.

А сам, кажется, думал: «Да и что за спанье без клопа?»

(И. А. Гончаров, «Обломов»).

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА.

Карикатура на дворян («тюфяков», «обломовых») из газеты «Комсомольская правда» от 2 ноября 1940 года

пролетариата. В качестве бывшего господствующего класса оно предстает как эталон для подражания и соревнования с ним. «Дворянство в свое время, чтобы заставить своих сторонников выполнять даже трудные вещи, говорило: “знатность обязывает”. Рабочий класс России является правящим классом, и в качестве такового он должен твердо знать, что его задачей является забота о всех сторонах народного хозяйства, а не только о промышленности: “положение обязывает”».¹⁰

Тема соперничества пролетариата и дворянства рассматривается на примере Красной армии, в статьях, где анализируются события Гражданской войны. «...История перед рабочими и крестьянами поставила задачу — доказать, что они лучше потомственных столбовых дворян, из поколения в поколение обучавшихся и служивших в кавалерийских частях, сумеют быстро построить нужную вооруженную силу. <...> Крестьянин Буденный и рабочий Ворошилов стали во главе первой конной армии и, противопоставив дворянской муштре свою рабоче-крестьянскую сметку и таланты, разбили конные массы противника, руководимые опытными и образованными генералами. <...> Класс против класса. Старый мир против мира нового. И в борьбе за власть созданием красной конницы рабочие и крестьяне показали свое первенство, свое право на власть перед старыми и особенно дворянскими слоями буржуазии».¹¹

Итак, «дворянство» стало одной из одиозных категорий в советской политической и повседневной риторике, синонимом которой было определение «бывшие люди». Официальную дискриминацию зачастую принимали во внимание и использовали в личных целях враги и недоброжелатели в учебных заведениях и на рабочих местах. При удобном случае они попрекали своих коллег «бывшестью».

Концепция государства в отношении трудоустройства «бывших»

Дворяне, которые добровольно или вынужденно сделали выбор в пользу жизни в Советской России, оказались в составе дискриминируемого слоя («класса») и, следовательно, столкнулись с необходимостью преодолевать преграды на пути к профессиональной реализации. Эти преграды, как будет показано в дальнейшем, не являлись непреодолимыми, но представляли собой испытание на приспособляемость к переменчивым требованиям рынка труда.

¹⁰ Положение обязывает // КГ. 1922. 15 января.

¹¹ Пролетарии на коне // КГ. 1922. 23 февраля.

Основополагающая концепция советской идеологии — то, что советское государство является диктатурой пролетариата, — подразумевала, что в идеале представители «эксплуататорских классов» должны остаться в стороне от управления страной и занятия ответственных должностей, поскольку в силу своего воспитания и прошлого опыта эти люди идеологически чужды пролетарскому государству. Приветствовались участие в управлении и партийная карьера только тех выходцев из чуждых «классов», которые участвовали в революционном движении до Октябрьской революции, так называемых пролетариев по призванию. Однако с самого начала революции стало ясно, что замыслы о диктатуре пролетариата в реальности невоплотимы. Гражданская война, интервенция, тяжелый внутренний кризис потребовали, чтобы на работу были приняты образованные люди, которые являлись по советским меркам «буржуями».

В. И. Ленин обращался к вопросу о приеме на работу «буржуазных специалистов» во многих статьях и речах.¹² Основные его идеи по этому поводу, которые он отстаивал в борьбе с левыми уклонистами, сводились к следующему: использование буржуазных специалистов («подчинение себе враждебного для полезной работы») является одной из форм классовой борьбы,¹³ и прием на работу буржуазных специалистов — временное отступление, которое является необходимым этапом для полной победы революции. Однако в переходный период специалистам следовало платить более высокую зарплату, чем рабочим, и требовать от последних подчинения первым. Роль «буржуазных специалистов» в развитии советского общества была закреплена в программе партии, принятой в 1919 году.¹⁴

Первыми призвали на службу (в принудительном порядке) командный состав царской армии, а также военных чиновников, врачей и фельдшеров.¹⁵ Также были приняты на работу бывшие служащие поли-

¹² См., например, работы В. И. Ленина (цит. по изданию: Полн. собр. соч.: В 55-ти т. М., 1958–1965): Государство и революция // Т. 33. С. 1–120; Удержат ли большевики государственную власть? // Т. 34. С. 287–339; Как организовать соревнование // Т. 35. С. 195–205; Очередные задачи советской власти // Т. 36. С. 165–208; О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Т. 36. С. 283–314; Московская губконференция 29–31 октября 1921 г. Доклад о новой экономической политике // Т. 44. С. 191–200.

¹³ Ленин В. И. О диктатуре пролетариата // Т. 39. С. 259–268.

¹⁴ Программа Российской Коммунистической партии (большевиков) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2.

¹⁵ О призыве на действительную военную службу бывших офицеров, врачей, фельдшеров, лекарственных помощников и военных чиновников: Декрет СНК от 29 июня 1918 г. // Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1964. Т. 3. С. 111. См. также: О порядке призыва на действительную военную службу всех бывших офицеров: Декрет СНК от 23 ноября 1918 г. // Известия народного комиссариата по военным делам. 1918. 3 декабря.

К о п и я

В ПУОКР.

Резолюция замнач. Пуокра
т. Файвилович. Прошу вас
выслушать т. Калугина и ока
зать возможн. содействие в
вопросе об оставлении его
на бирже труда
Подписал: Гусев
29/V - 224

Бывшего начальника Учет
но-Справочного Отдела/на
правах Управления/ Штаба
РККА Калугина Николая Ива
новича, жит. по просп. Карда
Либлихта д. № 51/2

Резолюция Замнач Пуокра:

Зав. Биржей Труда
Прошу оказать возмож
ное содействие т. Ка
лугину в вопросе об ос
тавлении его на бирже
Труда.

Подписал:
Замнач. Пуокра Гусев

9/VI - 24

С момента Октябрьской революции я,
не прекращая службы, прослужил в Крас
ной Армии непрерывно вплоть до Дека
бря прошлого 1923 года, когда я был
демобилизован Штабом Л.В.О. в порядке
приказов Р.В.С.Р. № 255 и 1099, в след
ствие расформирования вверенного мне
Управления. По демобилизации я был
направлен на Биржу Труда, где был за
регистрирован безработным I катего
ри и как неимеющий никаких средств к су
ществуванию зачислен на пособие в

размере 10 р. в месяц.

В настоящее время председатель домоуправления решил снять меня с Биржи Труда, как безработного, мотивируя свое решение, что я бывший генерал и как таковой не имею права состоять на Бирже Труда. При этом он упорно не желает обращать внимание на то, что я прослужил шесть лет в Красной Армии, оставаясь на своем посту все время, когда большинство саботировало и каждая пара рук была на счету. Результатом моей многолетней военной службы было лишь то, что ялишился на девять десятых своего зрения и остался без всяких средств к существованию кроме небольшого пособия по-лучаемого мною по безработице. То что у меня нет ре-шительно никаких средств к существованию и я всю свою жизнь служил, могут подтвердить почти все жильцы дома, в котором я живу свыше 20 лет, и мои сослуживцы из ко-торых часть служит и в настоящее время.

Настоящим прошу Политическое Управление Вокруга защитить мои права как бывшего военнослужащего, демобилизованного Штабом Л.В.О.

29 Мая 1924

Заявление от Н. И. Калугина в политическое управление Ленинградского военного округа, протестующее против его дискриминации как бывшего генерала. В этом заявлении Н. И. Калугин использует типичную для того времени риторическую стратегию — указывает на то, что он всегда был лоялен и приносил пользу обществу (из архива Н. Б. Ветошниковой)

ции.¹⁶ Все бывшие военные, чиновники, врачи, которые стали работать в гражданской сфере, были взяты на учет,¹⁷ уклонение от службы стало практически невозможным и разрешалось только в отдельных случаях, когда присутствие какого-либо человека на гражданской работе было необходимо. Кроме того, 2 июня 1920 года был издан декрет «Об освобождении от ответственности за совершенные в прошлом преступления против трудового народа бывших офицеров, которые окажут содействие в ликвидации белогвардейских отрядов»,¹⁸ что фактически явилось призывом для воюющих в рядах Белой армии переходить в Красную армию. Служба в Красной армии в период Гражданской войны была испытанием на верность и полезность советскому государству. Прошедшие это испытание получили статус воина Красной армии и имели привилегии, тем самым избавившись от клейма «бывших». Заслуги офицеров и генералов царской армии в Гражданской войне были официально признаны; пресса писала, что хотя «красноармейские массы недоверчиво относились к военспецам, бывшим царским генералам и офицерам... нужно было, чтобы красноармейцы шли в бой с ними, потому что у нас еще не было тогда своих красных военспецов в достаточном числе. <...> Бывшие офицеры все более сживались с нашей средой, и большинство из них честно и самоотверженно исполняли свой долг. Среди них было немало героев».¹⁹ На протяжении 1920–1930-х годов участники Гражданской войны пользовались льготами, недоступными для других людей «из бывших». Во многих случаях статус воина Красной армии обеспечивал безопасность при выселениях и чистках.

Гражданских представителей дореволюционной элиты «в интересах самозащиты трудящихся масс» также стали «учитывать». 23 сентября 1919 года был издан декрет «Об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности при царском и буржуазном строе»,²⁰ где отмечалась необходимость «открыто установить определенный и тоже регулируемый законом контроль над бывшими помещиками и капиталистами, выяснить их налич-

¹⁶ О порядке приема бывших чинов полиции на службу в советские учреждения: Постановление президиума ВЦИК от 11 февраля 1919 г. // Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1968. Т. 4. С. 358.

¹⁷ Об учете красных командиров (инструкторов), бывших офицеров, юнкеров, военных чиновников, чиновников военного времени, унтер-офицеров и старших писарей: Постановление Совета обороны от 20 ноября 1919 г. // Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1973. С. 297.

¹⁸ Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1978. Т. 9. С. 7–8.

¹⁹ Муралов Н. Красная армия к ее четвертой годовщине // КГ. 1922. 23 февраля.

²⁰ Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1973. С. 124–125.

ность, местопребывание и их нынешнее занятие» с целью «установить: оказывают ли эти бывшие эксплуататоры народа своими специальными знаниями действительную помощь трудящимся массам, как это делает громадное большинство военных специалистов-офицеров царской армии, добросовестно защищающее Советскую Россию». Согласно этому декрету, на основании особой инструкции «указанные элементы» должны были быть зарегистрированы. Уклонявшихся от регистрации следовало подвергнуть конфискации имущества и обвинить в государственной измене.

Вплоть до начала первой пятилетки ленинская концепция отношения государства к буржуазным специалистам оставалась в силе. От последних не требовали политической лояльности, но ожидали профессиональной компетентности, честной работы и полной самоотдачи. Например, во время перевыборов в Академию наук в 1928 году «Красная газета» писала по этому случаю следующее: «Несмотря на то что и до сих пор в академии находят себе приют некоторые бывшие люди, советская власть поддерживала и впредь будет поддерживать академию и дает ей все более и более крупные материальные средства для работы, но предъявляет к ней одно требование: честно и лояльно вести свою работу, бросить остатки своих заплесневевших традиций, пополнить свой состав живыми, активными людьми, идеологически связанными со всей нашей советской общественностью. <...> Мы не требуем от ученого-специалиста, чтобы он разделял нашу идеологию, мы требуем, чтобы он честно работал вместе с нами, а не против нас».²¹

Концепция Сталина в отношении старых специалистов расходилась с концепцией Ленина. Сталин относился к специалистам с большим подозрением, и наступление на «старую интеллигенцию» началось практически одновременно с его победой над правой оппозицией.²² Первая пятилетка (1928–1932) ознаменовалась показательными процессами против инженеров,²³ ученых,²⁴ бывших офицеров, обвинявшихся в шпионаже, саботаже и вредительстве, и, кроме того, чисткой партии и государственных учреждений и более сильной, чем в предыдущий период, дискриминацией абитуриентов из образованных семей при приеме в вузы.²⁵

²¹ Выборы новых академиков // КГ. 1928. 14 апреля. Вечерний выпуск.

²² *Bailes K. Technology and Society under Lenin and Stalin.*

²³ *Bailes K. Op. cit.; Fitzpatrick S. Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington, 1978.*

²⁴ *Tolz V. Russian Academicians and the Revolution: Combining Professionalism and Politics.* P. 55–60; *Перченко Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья / Под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М.: Прогресс; Феникс; Atheneum. С. 163–238.*

²⁵ *Bailes K. Op. cit.; Fitzpatrick S. Op. cit.*

Жилищное Товарищество

Выдано для представления

дома № 51/2
по пр. Н. Либкнехта
г. Ленинград

Удостоверение.

№ 106
1925 г.
Выдано настоящее Правлением Жилищного Товарищества д. № 51/2 по пр. Н. Либкнехта
гр. Колыбасову Н. И.

в том, что он исключен и
торговлей не занимается
и находится на службе
детей
что
подписями и приложением печати удостоверяется.

Председатель Правления

Секретарь
В. И. Либкнехт

Форма одобрена Жилищсоюзом и согласована с Губоткомхозом.

З. № 397.

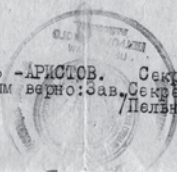
В Н П И С К А из протокола № 8 заседания Рабочей Тройки Райлизбиркома
ПЕТРОГРАДСОВЕТА.
от " 4 " Января 1929 г.

С л у ш а л и: _____ П о с т а н о в и л и: _____

1. Ходатайство гр-на КАЛУГИНА, Н.И. прож. пр. Н. Либкнехта, 51 об исключении из списков лишенцев, включенного в таковые, как б. помещик.

1. Исключить из списков лишенцев как ошибочно включенного. Помещиком не был, имеет трудовой стаж.

п.п. Председатель - АРИСТОВ. Секретарь - ТИХОНОВ.
С подлинным верно: Зав. Секретариатом:
Пелляницкий

Тихонов

Российская Федеративная
Советская Республика

В. В. Д.
Всероссийский
ГЛАВНЫЙ ШТАБЪ.
Управление
по командному составу.
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ОТДЕЛЪ.
Общий отдел.

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е .

ОСОБОЕ ОТДѢЛЕНИЕ
по сбору свидѣній о потеряхъ
въ дѣйствующихъ арміяхъ.

Столъ 1.

Управление по командному составу

4 декабря 1918 г. Всероссийскаго Главнаго Штаба настоя-

№ 880
Петроградъ.

щим удостоверяет, что пред"явитель сего
Николай Иванович . . . К . . . А . . . Л . . . У . . . Г . . . И . . . Н . . .
действительно состоит на военной службѣ,
а потому, на основании обязательнаго по-
становления Центральной Коллегии по жи-
лищнымъ деламъ при Петроградскомъ Совдепе
от 28 октября 1918 г., все принадлежащее
ему имущество реквизиции и конфискации
не подлежит, и квартира, занимаемая *по 130050*
Корова, Либенко 51 кв. 2 освобождается от принуди-
тельнаго вселения, что подписями с прило-
жением печати удостоверяется.

Заместника Начальника Управления
по командному составу
Начальника Отделения *Керманов*
Комиссар *Михайлов*

Справки генерала Н. И. Калугина, подтверждающие его гражданский статус. Документы показывают, что потребность в подтверждении статуса возникала у него многократно — в 1918, 1925 и 1929 годах (из архива Н. Б. Ветошниковой)

Начиная с первой пятилетки страх перед государством и чувство незащищенности от произвола властей стали неотъемлемой частью мироощущения советских специалистов «из бывших».

С ликвидацией частного сектора в конце 1920-х годов работа в государственном учреждении стала единственным средством заработка, за исключением работы «вчерную». Но и в период НЭПа государственная служба с точки зрения интеграции в общество была предпочтительнее работы в частном секторе. Устройство на работу или учебу в государственное учреждение и получение статуса трудящегося было верным способом облегчения проблем повседневной жизни. Трудящиеся имели льготы при оплате квартиры, получении продовольственных пайков, при устройстве детей в образовательные учреждения. Уже в 1918 году было издано постановление, утверждающее, что трудящийся не является «буржуем»: «Под понятие буржуа входят все лица, живущие или доходами от капитала, или торговыми, промышленными предприятиями с наемным трудом. Служащие и вообще труженики под это понятие не подходят».²⁶ Таким образом, одним из способов избавиться от клейма «буржуя» (или «бывшего») было приобретение статуса трудящегося.

С 1918 года основным документом, удостоверяющим личность, была трудовая книжка.²⁷ В ней фиксировались профессиональные перемещения. Для тех, кто не работал на государственных предприятиях, были созданы специальные трудовые книжки «для буржуазии». Таким образом, негосударственных служащих изначально выделяли в отдельную категорию, менее престижную в системе координат социалистического государства.

С 1932 года, когда в Ленинграде, Москве и других крупных городах были введены паспорта, работа в государственном учреждении стала одним из способов получения прописки и жилья.

Несмотря на то что государство обязывало «буржуазных специалистов» работать, поощряло успешных и наказывало неработающих («нетрудовых элементов»), было создано немало барьеров на пути трудоустройства и профессиональной карьеры «бывших». Их жизненные шансы определялись не только профессиональной квалификацией, но и способностью обходить препятствия, используя знакомства, своевременные переезды, подделку документов, взятки. Исключительно

²⁶ Кто же буржуи? // КГ. 1918. 3 марта.

²⁷ О трудовых книжках для нетрудящихся: Декрет СНК от 5 октября 1918 г. // Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1964. Т. 3. С. 396–397; см. также: О введении трудовых книжек в гг. Москве и Петрограде: Декрет ВЦИК и СНК от 25 июня 1919 г. // Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1971. Т. 5. С. 304.

Трудовая книжка Пикиной С. К. (из архива семьи Ходотов)

важным качеством была также способность к освоению нового языка общения и новых правил игры. Последнее подтверждалось во время чисток на рабочих местах, когда представители рабоче-крестьянской инспекции предоставляли трудящимся право самим предлагать кандидатов на увольнение. Удержаться на своем рабочем месте удавалось прежде всего тем, кому давали хорошую рекомендацию (положительную характеристику) коллеги, — следовательно, наиболее уживчивым, способным общаться и расположить к себе коллектив и чья профессиональная пригодность и незаменимость могли быть убедительно доказаны начальством.

Государство, со своей стороны, в руководствах по чисткам придерживалось в первую очередь критерия полезности и инструктировало комиссии «вычищать» прежде всего ненужных, оставляя на рабочих местах ценные кадры «из бывших». Таким образом, чистки советского аппарата являлись зачастую профессиональной переаттестацией, замаскированной идеологическими декорациями. Отчеты о чистках, публикуемые в газетах, иллюстрируют разрыв между идеологией и практикой: в теории все «бывшие» должны были быть «вычищены» и заменены специалистами новой формации, но на практике зарекомендовавшие себя профессионалы оставались на местах, как в данном примере: «ЦК союза сотворгслужащих определил, что в советском и кооперативном аппарате не имеют права работать бывшие помещики, капиталисты, высшие чиновники царского и белого правительства, а также лица, извращающие советские законы, бюрократы, растратчики и т. д. Однако из советского аппарата не должны механически увольняться лица хотя и происходящие из социально чуждых групп, но проявившие себя на советской работе как добросовестные, преданные советской власти работники».²⁸ «Вычищать» следовало тех «бывших», которые «сидят в учреждениях, делают умные лица и ничего не понимают в порученном им деле. А в анкете у них значится и высшее образование, и знание иностранных языков».²⁹

Начиная с 1932 года, после того как угас пожар сталинской культурной революции, положение «бывших» улучшилось даже по сравнению с их положением в период НЭПа. Дискриминация на рабочих местах практически прекратилась, был облегчен доступ непролетарской молодежи к высшему образованию. Вторая пятилетка (1933—1937) вспоминается современниками как благополучный с экономической точки зрения период. Увеличение количества предприятий и учебных заведений, отказ от радикальных принципов культурной революции открыли возможности

²⁸ «Бывшие» не имеют права работать в советском аппарате // КГ. 1929. 4 апреля.

²⁹ О чистке советского аппарата // КГ. 1929. 23 февраля.

Ленинградский Совет Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов
С М О Б Н Ы Й

Кому: 0234-49 Тел. № 170-59

Выписка из
Пленум Совета
от 23/УЛ-1936г.
Президиум Совета

Слушали | Постановили
Ис повеления опубликовано без подписания
Секретариата Президиума Совета | Дата .. 19 г.

3. Ходатайство о восстановлении в избирательных правах гр-н ГУДОВИХ, Зинаиды Константиновны, рожд. 1903 г. и сестры Ольги Константиновны, 1915 г. рождения, прожив. Ленинград, М. Пosaдская д. № 14 кв. 14. СРАВКА: Детгородской районной Коммунального хозяйства подделка. Дело № 3 прощ. № 131 от 1 июля 1936 г./.

ИСКЛЮЧИТЬ из списков лиц, лишенных избирательных прав, как неправильно включенных.

П.п. Зам. Председателя Ленинградского совета РК и КД - ИВАНОВ.
Секретарь Ленинградского Совета РК и КД - КАСПАРОВ.

В е р н о:
oe/4

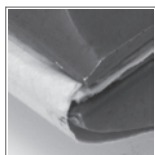
Справка о восстановлении в правах
(из архива З. Г. Вахарловской)

трудоустройства для всех, и в начале второй пятилетки на короткое время дискуссии о «бывших» затихли. Однако после небольшой передышки репрессии 1935 года в Ленинграде, направленные против дворян, снова сделали социальное происхождение критерием высылки из города и основанием для дискриминации на рынке труда.

В 1936 году была принята новая сталинская Конституция, уравнивавшая в правах всех граждан, независимо от их происхождения, однако еще некоторое время дискриминация людей «из бывших» продолжалась по инерции, что отразилось в числе прочего во время массовых репрессий 1937–1938 годов.³⁰ Только Вторая мировая война окончательно положила конец «дворянскому вопросу», и дворяне, как и «бывшие люди», исчезли из публичной культуры советского общества.

Политику государства в отношении трудоустройства людей из дворян в довоенный период можно описать как сложный контракт: были созданы многочисленные препятствия на пути профессиональной самореализации «бывших», но каждый барьер предполагал наличие обходного пути. Подобная политика способствовала тому, что сильнее — те, кто имел силу и творческий потенциал для преодоления трудностей, — работали на нужды государства. Выживание и повышение социального статуса определялись способностью мобилизовать имеющиеся ресурсы, прежде всего культурный капитал и полезные знакомства.

Профессионализация дворянских навыков

Конвертируемые ресурсы: знания, навыки, умения

Начиная с 1918 года «бывшие», как и другие слои населения, столкнулись с необходимостью освоения трансформирующегося рынка труда, который характеризовался нестабильностью и нехваткой квалифицированных специалистов. Последним обстоятельством был обусловлен большой спрос на образованных непрофессионалов, способных тем не менее выполнять «чистую» работу (как в период НЭПа, так и в

³⁰ Советская власть — народная власть? / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб.: Европейский дом, 2003; Нормы и ценности повседневной жизни / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 2000.

период социалистической реконструкции). Неграмотность большинства населения и усилия властей по ее ликвидации и поднятию культурного уровня масс повышали престиж образованных людей. Образовательный и культурный уровень представителей дворянского сословия был очень неровным — среди них были как столичные эрудиты, так и «недоросли» различного возраста. Однако большинство дворян были образованнее наводнявших города крестьян и городских рабочих, что открывало для них лучшие возможности для трудоустройства.

Преобладающее большинство мужчин и часть женщин из дворян, переживших революцию в среднем возрасте, имели какую-либо профессию. Наиболее распространенными профессиями для мужчин были юрист, военный, инженер, врач, специалист в области естественных и гуманитарных наук, для женщин — преподаватель. Профессионалы среднего звена (врачи, учителя, ученые, инженеры, мелкие чиновники) были востребованы и пережили не столь драматичное изменение образа жизни, как другие группы дворянства. Новый режим, как и старый, нуждался в подобных специалистах, их было нечем заменить, поэтому многим профессионалам была предоставлена возможность работать по специальности, они также легко находили новую работу в случае увольнения. Больше рисков после революции выпало государственным служащим в армии и гражданской сфере, имевшим ранее высокие чины. Многие из них подверглись репрессиям, а в случае увольнения у этих людей было мало возможностей найти устраивающую их работу привычного им высокого уровня, так как при старом режиме они инвестировали все силы и время лишь в одну профессиональную сферу. Кому-то выпадала счастливая карта — быть востребованным и остаться на прежнем уровне, кто-то, не вынеся изменения статуса и потери работы, умирал «с горя». В нашем распоряжении нет статистики подобных смертей, однако, как показывают семейные истории, смерть от сердечного приступа бывших управленцев высокого звена не была редкостью в первые годы после революции.³¹

Поиск работы был хоть и сложен, но необходим для всех, в том числе для тех, у кого не было дипломов, кто никогда в жизни не работал и прожил всю жизнь в сельской местности. Все, кто мог, пытались устроиться на государственную службу, чтобы обеспечить минимум безопасности, в частности избежать попадания в категорию «буржуазии» (начало 1920-х годов) и «нетрудовых элементов» (конец 1920-х и 1930-е годы), что затрудняло финансовую и жилищную ситуацию и образование детей. Наиболее важным качеством в эти годы была способность к перемене места работы и области деятельности. Из-за дискриминации

³¹ Волков О. В. Погружение во тьму: из пережитого.

«бывших» и чисток, а также добровольных и вынужденных миграций лишь в редких случаях удавалось продержаться на одном и том же рабочем месте длительное время. Поэтому в период 1917–1941 годов для дворян обоих полов и всех возрастов была характерна интенсивная профессиональная мобильность, частая смена мест работы и даже областей профессиональной деятельности. Нередко переход в другую профессиональную сферу осуществлялся лишь на время, что не препятствовало в дальнейшем возвращению к прежней профессии. Для того чтобы «держаться на плаву», необходимо было обладать широким спектром различных навыков, умений и знаний, которые можно было бы профессионализировать.

Дворянский статус до революции располагал к овладению многими навыками и умениями, большинство из которых были приобретены в процессе личного общения с учителями и не были сертифицированы государственными дипломами. Обычная дворянская биография включала практическое знание нескольких пространств, жизнь в которых требовала разных навыков. Это были имения, родственные квартиры и дома в Москве, Петербурге, европейских столицах, закрытые учебные заведения, гимназии, департаменты и министерства.

Жизнь в имении предполагала хотя бы элементарные знания в области сельского хозяйства и животноводства. Об участии в управлении сельским хозяйством в поместье с раннего детства повествуют многие мемуаристы. Н. В. Волков-Муромцев вспоминает: «Все знали, где меня искать, на скотном дворе. Хотя мне тогда было 7 или 8 лет, мы вдвоем с моим лучшим другом Васькой, сыном скотника Андрея, разрабатывали, как улучшить хмельницкое стадо».³² С. Е. Трубецкой также пишет, что «исключительно рано стал интересоваться сельским хозяйством» и ежедневно объезжал с дедушкой деревни и хутора, принадлежащие к «экономии».³³ В. А. Оболенский «особенно увлекался... птичьим двором, где... вылуплялись цыплята, утята и индюшата».³⁴

Несмотря на то что сельскохозяйственные навыки приобретались с детства, дворянское сельскохозяйственное образование было преимущественно практическим, а систематических теоретических познаний в области стратегии хозяйственного развития многие помещики не имели. На это жалуется в публицистических заметках Л. Нелидова: «К сожалению, мне самой совершенно неизвестно, как же, собственно, нужно вести хозяйство, чтобы в нем был путь. В памяти шевелятся ничем не

³² Волков-Муромцев Н. В. Юность от Вязьмы до Феодосии (1902–1920). Париж: Имка-Пресс, 1983. С. 22.

³³ Трубецкой С. Е. Минувшее. Париж: Имка-Пресс, 1989. С. 26.

³⁴ Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. Париж: Имка-Пресс, 1988. С. 49.

связанные, бог весть откуда попавшие отрывки сведений: что-то о севооборотах, что-то о травосеянии, о черном паре... В мое время не слышно было еще о женском сельскохозяйственном образовании».³⁵

В мелких хозяйствах помещики сами участвовали в сенокосе, посадке и сборе урожая. В более богатых поместьях это не практиковалось, и участие в хозяйственной деятельности ограничивалось контролем, координацией, обсуждением с управляющим, оплатой счетов, заказом сельскохозяйственных машин и пород скота за границей. Л. Нелидова иронически пишет, что «приезжие гости у соседних помещиков, гуляя мимо и встречая нас на работах, заподозревают нас в увлечении толстовскими идеями. Но в трудные времена хозяйственной жизни не до увлечений хозяевам. Как это нередко бывает, люди ищут далекой и хитрой разгадки для простого и естественного дела, хотя она у всех на виду. В страдную пору сенокоса и жнива в малосильных помещичьих, как и в крестьянских, хозяйствах наступают времена, когда делается ценным малейший плюс рабочей силы, получает значение работа и помощь старух, подростков и даже маленьких детей».³⁶

В поместьях были расположены заводы и фермы разного профиля, сыроварни и маслобойни, фабрики (текстильные, алкогольные), гончарные и кирпичные мануфактуры. Кроме общих для всех сельскохозяйственных и скотоводческих познаний, каждый помещик имел свои собственные эксклюзивные умения, необходимые для управления имевшихся в его владениях производств.

Кроме знакомых с детства «помещичьих» навыков, приобреталось дипломированное профессиональное образование. Традиционным для мужчин было юридическое или военное образование, получаемое в закрытых учебных заведениях. В конце XIX—начале XX века популярным среди некоторой части дворян стало университетское образование: не только юридический, но и естественный, исторический, медицинский факультеты. Юридический факультет считался самым легким, «кроме того, этот факультет более других давал нужные познания для административной и судебной карьеры... поэтому на него поступали все молодые люди, не имеющие определенных научных интересов».³⁷ Юридический факультет был более «правым», естественный и медицинский факультеты — преимущественно «левыми», и программа в них была самой насыщенной и сложной. Также легкими и «правыми» были некоторые из военных училищ, куда поступали менее успевающие в учебе студен-

³⁵ *Нелидова Л.* Современная помещица Коробочка и ее хозяйство // Мир Божий. 1901. № 1–3. С. 128.

³⁶ Там же. С. 177.

³⁷ *Оболенский В. А.* Моя жизнь, мои современники. С. 67.

ты. Такими заведениями были Николаевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище в Петербурге.³⁸

Женское образование — и домашнее, и институтское — было ориентировано на выполнение роли жены, матери, хозяйки дома и светской дамы. Мемуарист В. А. Оболенский рассказывает, что его мать (1830 г. р.), основавшая в дальнейшем женскую гимназию в Петербурге, в детстве «училась, как тогда полагалось, знанию языков (главным образом французского), немного истории (главным образом древней) и неизбежной греческой мифологии для светских разговоров. Математики, кроме четырех правил арифметики, она совсем не знала».³⁹ Поверхностное гуманитарное образование дополнялось рукоделием. К концу века эта тенденция сохранялась. В 1870-е годы появились первые женские гимназии, программы которых примерно соответствовали мужским гимназиям, и чуть позже — высшие женские курсы. Однако число дворянок, получивших традиционное домашнее или институтское образование, было в начале XX века по-прежнему значительным.

Особый комплекс навыков получали девушки в институтах благородных девиц.⁴⁰ Несколько лет учебы в институтах выдерживали не все. Жизнь в них была до крайности аскетичной: скудная еда, плохо отапливаемые помещения, регламентированное общение под надзором воспитательниц («синявок») и одинаковые платья. Впрочем, мемуаристки, закончившие институты, оценивают свое пребывание там как суровую, но полезную школу подготовки к любым условиям существования.

Мария Башмакова, поступившая в 1881 году в возрасте одиннадцати лет в Екатерининский институт благородных девиц, напишет через много лет в эмиграции: «Я думаю, что институт дал мне очень многое: твердость характера, настойчивость, готовность к любому испытанию и большой запас терпения. Кроме того, он дал мне верных подруг. В настоящий момент, возглавляя ассоциацию выпускниц петербургского Екатерининского института, я очень довольна тем, что те из выпускниц, кого я знаю, смогли организовать свою жизнь достойно. Почти все были замужем. Когда мы встречаемся, мы чувствуем свое родство и вспоминаем прошлое с теплотой».⁴¹ Е. И. Воцинина рассказывает о навыках, полученных в Смольном институте ее матерью: «Смолянки были очень приспособлены к жизни, всё умели. И шить умели, и готовить умели, дежурили

³⁸ Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. С. 61.

³⁹ Там же. С. 21.

⁴⁰ Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Под ред. В. М. Боковой, Л. Г. Сахаровой. М.: НЛО, 2003.

⁴¹ *Marie de Baschmakoff. Mémoires: 80 ans d'épreuves et d'observations.* Paris: Besson et Chantemerle, 1958. P. 40–41.

на кухне с удовольствием, потому что тогда они хорошо кушали. Потому что режим был очень в Смольном институте суровый. И не только кушали, но и грелись, потому что там и температура была довольно низкая. Вообще, полагалось в мужских заведениях 14 градусов в дортуарах, а в Смольном, кажется, 16. И этот режим очень заковал девушек. Они вышли оттуда закаленными и терпимыми удивительно». ⁴² Но качество институтского образования бывшие институтки оценивают не очень высоко. По мнению мемуаристок, можно было приобрести хорошие знания лишь в том случае, если институтское обучение накладывалось на домашнее образование.

К числу умений, которых требовал дворянский статус и образ жизни, необходимо отнести светские навыки и аристократические хобби. Как отмечает О. С. Муравьева, «многие светские люди, конечно, что-то “делали” и в нашем, современном, понимании: состояли на военной или государственной службе, занимались литературным трудом или издательской деятельностью. Но при этом жизнь, не связанная непосредственно со службой или работой, была для них не вынужденным или желанным промежутком между делами, а особой деятельностью, не менее интересной и не менее важной. Балы, светские рауты, салонные беседы и частная переписка — все это в большей или меньшей степени носило оттенок некоего ритуала, для участия в котором требовалась специальная выучка». ⁴³ Эта выучка должна была включать в себя обладание такими комплексами навыков, как-то: внешняя ухоженность и привлекательность, предполагающая искусство одеваться (изящно и просто); физическая сила и выносливость, ловкость; умение танцевать и знать правила бала; ⁴⁴ знание хороших манер (*bon ton*) и умение держаться; образование: владение иностранными языками, понимание высокой культуры и искусства, игра на музыкальных инструментах; искусство общения: умение скрывать обиды, огорчение, знаменитое умение не «быть, а казаться», особенно в общении с посторонними; способность избегать неприятных людей, ситуаций и разговоров, не вызывая скандала; умение держаться просто, в том числе с вышестоящими и нижестоящими; поддерживать беседу и быть приятным собеседником.

Аристократические хобби культивировались в кругах аристократии, богатой буржуазии, поместного дворянства. В столицах законодателями моды на любительские увлечения был двор и столичная знать, в провинции — владельцы крупных поместий.

⁴² Интервью с Воцининой Екатериной Ильиничной, 1909 г. р.

⁴³ Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. М.: Linka-Press, 1995. С. 101–102.

⁴⁴ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства XVIII–нач. XIX в. СПб.: Искусство—СПб., 1994.

То, что приветствовалось в качестве аристократического хобби, как правило, не могло стать профессиональной (практикуемой вне дома и «света» и оплачиваемой) деятельностью. Непрофессиональные увлечения были самыми разными. Это были карточные игры, игра на музыкальных инструментах, сочинение музыки, романсов, литературных произведений, журналистика, моделирование одежды, рисование, участие в домашних оркестрах и спектаклях, охота, коллекционирование оружия, живописи, насекомых.

Барвара Долгорукая вспоминает, что ее отец был страстным коллекционером старых вещей и водил детей ко всем своим друзьям-антикварам. Во время этих визитов она всегда пыталась догадаться, что на этот раз привлечет его внимание, и считает, что эти упражнения ума привили ей художественный вкус. Другим страстным увлечением ее отца было оснащение поместья различными техническими новинками и сельскохозяйственными приспособлениями.⁴⁵

Степень значимости аристократического хобби и оплачиваемой деятельности, количество времени и сил, затрачиваемых на то и другое, варьировались в разных кругах и находились в зависимости от дохода и статуса. В целом можно отметить, что государственные служащие, ориентированные на поступенчатую карьеру и увеличение дохода за выслугу лет (чиновники, военные чины в армии и флоте), имели меньше склонности к наличию всепоглощающего хобби. В отличие от них помещики, рантье, «салонная аристократия» предпочитали иметь хобби как главное занятие, а основную деятельность, если она была, считали чем-то вторичным.

Эпохой расцвета аристократически-бездеятельного образа жизни мемуаристы считают середину XIX века, когда поместья еще приносили солидный доход, позволявший излишества, путешествия и праздность. Ведущие светский образ жизни «декоративные люди» (эпитет В. А. Оболенского) в конце XIX века уже считались несовременными, исчезающими типажам. В то же время они еще встречались, и их считали воплощением аристократизма.⁴⁶ «Декоративные люди» наслаждались путешествиями, общением, ведением дневника, были мастерами эпистолярного жанра.

Наконец, многие дворяне имели опыт участия в различной организационной деятельности, спектр которой был очень широк, — от работы в земских комиссиях, патронажа школ, церквей, жизни деревни до деятельности в различных военных ведомствах, на санитарных поездах, в госпиталях во время Первой мировой войны. Считалось, что знатность

⁴⁵ *Dolgorouki V. Au temps des Troikas—Russie. 1885–1919. Paris: Editions France-Empire, 1978. P. 31–33.*

⁴⁶ *Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. С. 35–36.*

обязывала к благотворительности. Опубликованные некрологи свидетельствуют о том, что стремление и способность реализовать себя в общественной деятельности были обязательными с точки зрения сословной морали.

Например, Ольга Леонтьевна Штаден — «женщина, знающая себе цену и привычно относящаяся к оказываемым ей знакам уважения», «генеральша, аристократка, пожалуй, привыкшая к поклонению», «яркий тип барыни доброго старого времени и вместе с тем дамы современного аристократического круга» — была знаменита организаторской деятельностью в области образования и здравоохранения. «Переезжая из города в город по требованиям службы мужа, она в каждом новом месте являлась носительницей той гуманной и культурной среды, в которой выросла; все свободное время и все силы она отдавала на дела благотворительности и просвещения, устраивая приюты, школы и т. п.»⁴⁷ На счету благотворительных дел О. Л. Штаден — работа в качестве вице-председательницы, а затем председательницы «Комитета о сестрах милосердия Красного Креста», в том числе в действующей армии, заведование эвакуационным госпиталем, пересылка родственникам погибших денег и помощь в получении пособий, оказание материальной помощи из личных средств, участие в создании Михайловского артиллерийского училища.

Тридцатилетняя Наталия Николаевна Мейендорф была известна деятельностью по благоустройству жизни крестьян. Она участвовала в работе нескольких комиссий земской управы, занималась вопросами образования, инициировала создание земской общественной библиотеки и внесла солидное пожертвование для ее основания; проявила себя в деятельности уездных комитетов попечительства о народной трезвости, основала народную чайную; состояла попечительницей оситнянской и войтовской земских, томашовской и оситнянской церковно-приходских школ. «Главной заслугой покойной Наталии Николаевны следует считать организацию и устройство кустарного дела в Уманском уезде. <...> Ею были приобретены первые станки-самолеты взамен крестьянских старых, приглашена была инструкторша для изящных и художественных работ, организован сбыт кустарных произведений и в 1910 году открыто отделение Киевского кустарного общества в с. Томашовке, где в настоящее время работает 16 ткачей и 80 вышивальщиц, которым баронесса отвела этаж в своем доме».⁴⁸

⁴⁷ Памяти Ольги Леонтьевны Штаден // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Март, 1914. Т. 35. С. 913–923.

⁴⁸ Памяти баронессы Наталии Николаевны Мейендорф / Сост. А. Левитский. Умань: Тип. «Порядок», 1912.

Конвертация ресурсов

Исследование показало, что дворянское воспитание и образ жизни дореволюционной элиты располагали к овладению многими различными навыками, умениями и знаниями на протяжении жизненного пути и, следовательно, давали возможность для адаптации в переходный период людям «из бывших» всех возрастов.

Наибольший потенциал выживания в советском обществе имели потомки обедневших, но знатных (следовательно, имевших при старом режиме значительный капитал знакомств) дворянских семейств. Благодаря родительским связям они получали образование (мальчики — в закрытом учебном заведении или университете, девочки — в институте благородных девиц и/или на курсах) и осваивали профессию, выбранную для них родителями. Кроме этого, зачастую они имели опыт управления помещьем, следовательно, владели навыками сельскохозяйственного предпринимательства, садоводства и т. д. Также они владели навыками, привитыми им в семье в результате домашнего воспитания (знание языков, музыка, танцы), имели непрофессиональные увлечения, которые больше отвечали их способностям и склонностям, чем выбранная для них профессия. После революции представители таких дворянских семей имели возможность найти работу, поскольку обладали наибольшим количеством конвертируемых навыков. Они могли использовать формальное образование, навыки, полученные в процессе домашнего воспитания, другие самостоятельно приобретенные знания. Имея широкий диапазон умений, они легче, чем многие другие, могли приобрести новую профессию.

Конвертация навыков дворянства являлась вынужденным шагом, необходимостью для выживания, обусловленной изменением социального контекста. Поэтому процесс конвертации сравним с медленным поступательным движением вперед, шаг за шагом. Если прежние способы заработка становились неактуальными, то для того, чтобы справиться с жизненными трудностями, в первую очередь актуализировались те навыки, профессионализация которых наименьшим образом меняла привычный порядок жизни. Сначала шли в ход материальные ресурсы: продавались мебель, украшения, картины, посуда. Нередко материальные ценности родители конвертировали в образование детей. Освоение новых специальностей, новых профессиональных навыков предпринималось лишь после того, как были опробованы попытки «продать» уже имеющиеся культурные навыки и умения.

Превращение аристократического хобби в профессию. В этой модели конвертации находит свое отражение такая особенность дореволюционной жизни дворянства, как культ любительства. После революции

аристократы-любители, не имевшие профессии или уволенные с работы, использовали предоставленную им советской властью возможность профессионализировать свое хобби. Этот способ конвертации был оптимальным, поскольку приносил и деньги, и творческое удовлетворение. Например, то, что в царской России не могло стать профессией дворянина (или дворянки) в силу предрассудков среды, после революции приобрело свою легитимность в дворянских кругах в качестве неплохого варианта профессии.

К. Н. Голицын рассказывает об увлечении его матери театром, которое она в 1920-е годы решила превратить в профессию. «**1905—1906:** Вечерами... в соседней с детской комнате иногда шли репетиции. Родители, уже имевшие порознь некоторый “актерский стаж”, теперь сообща возрождали театральные начинания. К ним присоединились и другие энтузиасты, о которых я скажу ниже. <...> Первым из них был князь Николай Феликсович Юсупов. <...> Он задумал создать драматическую труппу не из актеров-профессионалов, а из людей своего круга. <...> Иными словами, он видел труппу своего театра не только великосветской по составу, но и профессиональной по своей сути. Другим участником кружка “черных людей” был артист Александринского театра Юрий Михайлович Юрьев, уже известный тогда артист и “солист Его Величества”. <...> Не зная истории возникновения юсуповской затеи, могу предположить, что Юрьев был призван для придания ей артистической солидности и что для него было сделано исключение в классовом принципе подбора исполнителей. Третьим был Николай Николаевич Евреинов. <...>

Чтобы исчерпать театральную тему, забегу на десять с лишним лет вперед. В **1922 году**, когда нарождалась уже “новая экономическая политика” (НЭП), когда деньги стали постепенно обретать ценность и острее стала чувствоваться их нехватка, мать решила, что она должна зарабатывать и что лучшим и наиболее достижимым способом для этого будет театр. В осуществлении этого проекта я был наделен письмом к упомянутому уже Ю. М. Юрьеву и уполномочен, буде потребуется, вести с ним переговоры от имени матери. <...> [Юрьев] без колебаний заверил меня, что сможет устроить маму в труппу Александринского театра.⁴⁹

Другой интересный пример приводится в «Записках» Н. Ф. Зворыкиной, которая пишет о своем дяде Николае Анатольевиче Зворыкине. Он получил образование в Петербургском училище правоведения, однако не работал юристом, а занимался общественной деятельностью и жил большую часть времени в городе Вышний Волочок Тверской губернии. «Это был настоящий охотник, прошедший на охоте чуть ли не

⁴⁹ Голицын К. Н. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М.: РДС, 1997. С. 37–42.

всю жизнь, изведавший всю глубину, силу и остроту этой могучей страсти. Сколько ночей провел он у костров в весеннем бору, дожидаясь своего любимого глухариного тока, сколько лесов и болот исходил в поисках тетеревов и дупелей с красавцем-лаверакom, сколько истребил волков на веселых зимних облавах!.. В нем до старости жила юная душа странника, жадно влюбленного в природу. Старый следопыт и птицелов не мог без волнения слушать первых чаек, круживших над городом в голубом весеннем небе, не мог хладнокровно смотреть на медный помятый рог, сохранившийся от его молодых охот с гончими в родных “уснувших дубравах”... Вместе с тем этот дремучий “лесовик” был большим знатоком искусства во всех его проявлениях, неизменным поклонником всего того прекрасного, что обогащает и украшает человеческую жизнь».⁵⁰

После революции Н. А. Зворыкин превращает свое хобби в профессию — становится профессиональным охотником на волков, специалистом по охотничьим собакам и начинает писать об охоте теоретические работы, публицистические статьи и художественные произведения. «В начале 1920-х Николай Анатольевич работал в Лесосоюзе на ст. Максатиха. <...> Начиная с 1925 года ряд рассказов Николая Анатольевича печатался в охотничьих журналах, но с 1929 года беллетристики он больше не писал... Видимо, писательский заработок был не очень надежен, поэтому Николай Анатольевич брался натаскивать охотничьих собак, и всегда у него были красавицы-собаки, свои или чужие. В 1934 году на Кавказе расплодились волки, и Николай Анатольевич вместе с другими специалистами ездил на Кавказ организовывать борьбу с волками по правительственному заданию. Но главным его занятием в ту пору было писать об охоте. Его работы в этой области довольно многочисленны и среди специалистов высоко ценились. Некоторые из его книг объемисты, другие — совсем небольшие статьи или брошюры. Список публикаций Николая Анатольевича содержит 34 названия».⁵¹

Конвертация светских навыков. Светские навыки, усваиваемые в процессе социализации, — знание языков, умение танцевать, петь, играть на рояле, уметь изящно и грамотно выражать свои мысли устно и письменно и т. д. — не были задуманы как инструментальные знания для устройства на работу и заработка. Воспитание дворянства имело другую прагматику: эти знания делали человека соответствующим его статусу, позволяли дворянину быть своим в определенных кругах, иметь связи.

⁵⁰ Зворыкина Н. Ф. Записки: История семьи Зворыкиных. Рукопись. С. 24–25.

⁵¹ Там же. С. 23–32.

Но после революции эти навыки (особенно знание иностранных языков) стали наиболее важным и, можно предположить, наиболее часто конвертируемым ресурсом для профессиональной интеграции.

Знание иностранных языков чаще всего использовалось в профессии преподавателя школы и вуза. Например, мать Н. П. Панаевой, Е. Б. Георгиевская, знала три языка. Она «окончила Петершуле с золотой медалью. После этого она поступила в Alliance Française. Она знала французский с детства. Потом, уже при советской власти, она закончила Боянусовские курсы английского. Она сначала пошла преподавать в институт Механобр, а потом перешла в Военно-Артиллерийскую академию и уже преподавала там и немецкий и английский».⁵²

Бывали и другие применения знания иностранных языков. М. Н. Матвеева рассказывала о своей тете В. А. Рихтер, которая до революции никогда не работала и закончила Смольный институт, а в советское время «25 лет проработала в Эрмитаже, в отделе нумизматики с монетами. Она описывала их на иностранных языках».⁵³

Не имея профессии, возможности устроиться на желаемую работу или поступить учиться, бывшие дворяне устраивались на работу, где требовалась грамотность — умение читать, писать, считать, печатать на машинке. В годы НЭПа, когда появилось много частных лавочек, контор и бухгалтерий, был спрос на грамотных конторских служащих. Такая работа могла приносить неплохой заработок, однако она не считалась ни привлекательной, ни интересной, поскольку была чисто инструментальной. «Что касается женщин нашей семьи, они после революции стали работать кто кем, большей частью машинистками, бухгалтерами. И я сама стала бухгалтером. И отчим мой был бухгалтером. Муж мой, он был на 17 лет меня старше, в 1914 году как дворянин в обязательном порядке пошел на войну. Ускоренный выпуск был. А в то время он учился в Петербурге на третьем курсе юридического факультета университета. И всё, не закончил. Тоже стал бухгалтером. Просто потому, что это доступно человеку, который просто грамотный. Легко понять, легко разобраться и стать бухгалтером».⁵⁴

Один и тот же человек мог использовать различные типы конвертации ресурсов, сочетая их с основным (высшим, профессиональным) образованием. Чаще всего это было именно так, особенно у старших поколений дворян. Вот, например, несколько отрывков из биографии Бориса Владимировича Любá (1892 г. р.), рассказанных его сыном Юрием в воспоминаниях.⁵⁵

⁵² Интервью с Панаевой Ниной Платоновной, 1918 г. р.

⁵³ Интервью с Матвеевой Мариной Николаевной, 1906 г. р.

⁵⁴ Интервью с Медведской Ксенией Дмитриевной, 1910 г. р.

⁵⁵ Люба Ю. Б. Воспоминания. Часть 1. Рукопись из личного архива.

1) До 1917 года:

«Трагична судьба отца. Происходил он из обедневшего дворянского рода. Моя бабушка (его мать) рассталась с мужем, который вел разгульную жизнь — пил, играл в карты. Работая воспитательницей в сиротском институте в Гатчине, она не в состоянии была одна поднять и воспитать дочь и сына. Ей пришлось воспользоваться какими-то заслугами родственника-генерала и отдать их на казенный счет в закрытые учебные заведения: дочь — в Смольный институт, сына — в кадетский корпус. Оттуда была прямая дорога в юнкерское артиллерийское училище. Это и определило дальнейшую карьеру отца. Надо сказать, что совсем о другом мечтал он с детства. Обладая абсолютным музыкальным слухом и страстно любя музыку, хотел стать музыкантом. Но консерватория осталась лишь несбыточной мечтой. И все же музыка всю жизнь была его увлечением, а в конце концов стала и профессией. Довольно скоро отец отличился в боях, был ранен, получил Георгия и был направлен в Академию Генерального штаба. Окончив ускоренный курс Академии, в чине штабс-капитана, был оставлен преподавателем в юнкерском училище. Здесь и застала его Февральская революция...»

2) Примерно 1918—1919 годы:

«Семья увеличивалась, а время было голодное, жить не на что. И вот, когда советское правительство приняло решение эвакуировать на Урал артиллерийское училище и приглашало ехать туда всех его преподавателей, отец согласился».

3) Примерно 1921 год, в тюрьме:

«Отец начал отбывать свои принудработы. Тогда в Иркутске стали возникать различные культпросвет-организации. <...> Люди музыкальные, хоть как-то умеющие руководить, были на вес золота. Их искали повсюду, даже... в тюрьме. А так как отец еще до войны, будучи молодым офицером, организовал из солдат в Гатчине любительский великорусский (как тогда называли) оркестр, он имел некоторый опыт дирижирования. Ему предложили руководить струнным оркестром при Рабочем Дворце».

4) Примерно 1922 год:

«Однажды на какой-то большой вечер в Рабочий Дворец были приглашены шефы — командование Иркутского военного округа. <...> И вот, за кулисы к отцу пришел высокий худощавый командир-артиллерист. Не сразу узнал папа в инспекторе артиллерии округа бывшего поручика Черемисинова — щеголеватого адъютанта, командира дивизиона, в котором они оба воевали на фронте Первой мировой войны в Галиции и были довольно дружны. Никак не ожидали они оба такой встречи в Сибири. Отец рассказал о своих злоключениях, и Черемисинов, зная, что за плечами отца Академия Генштаба, преподавание в училище и солидный фронтовой опыт, тут же предложил ему место преподавателя так-

тики в артшколе, так как на эту должность долго не могли найти человека... [Там он обучал военному искусству курсантов-артиллеристов, до того как его сразила долгая серьезная болезнь]».

5) 1923 год:

«Это кончался 1923 год. Выздоровевший отец нашел себе работу. Начав со счетовода... постепенно постигая эту премудрость, он становится бухгалтером. С началом НЭПа в большом количестве расплодилось всюду всевозможные акционерные общества. В одно из таких частных предприятий отец был принят бухгалтером. Название у этой фирмы было многообещающее — “Живое дело”. Занимались этим делом три еврея — нэпманы Кун, Каган и Каплан».

6) Переезд в Ленинград, около 1925 года:

«Как-то в одно из воскресений папа подошел к ларьку артели инвалидов на углу главной улицы Советской и проспекта 25 Октября, чтобы купить папирос. Приглянувшись к продавцу, он узнал в нем бывшего подполковника Луганина, служившего до революции в 23-й артиллерийской бригаде вместе с отцом. Разговорились. Вспомнили службу, войну в Галиции. Отец, рассказывая о своих злоключениях, пожаловался, что не может найти работу. Луганин обещал поразузнать что-нибудь. <...> В следующее воскресенье (или раньше, не помню точно) отец побывал у Луганина. Тот не обманул наших ожиданий. По его рекомендации отцу удалось очень быстро устроиться счетоводом в райфинотдел».

7) 1927 год:

«Очень скоро отец бросил давно опостылевшую работу счетовода и по рекомендации своего старого товарища, служившего в отдельном зенитном дивизионе... устроился вольнонаемным капельмейстером духового оркестра 4-го артполка 4-й туркестанской стрелковой дивизии, квартировавшего в тех самых казармах Александровской слободы, где он начинал свою службу в 1912 году молодым подпоручиком... Была осень 1927 года».

Приведем еще один пример — биографию Федора Анатольевича Зворыкина, рассказанную в «Записках» его дочери Натальей.

1) До 1917 года:

«Федор Анатольевич (1876 г. р.) получил юридическое образование в училище правоведения, как и его три брата. Не имея склонности к юридической деятельности, он, женившись на богатой наследнице, намеревался развивать хозяйство в поместье, инвестировав в него приданое жены, однако его планам помешала Первая мировая война. Во время войны он работал управляющим на санитарных поездах.

Его любимым занятием было сочинение музыки и игра на рояле. После отбывания воинской повинности, одновременно со службой в министерстве, на которую, видимо, не тратилось много времени, Федор Ана-

тольевич серьезно увлекся музыкой. Он имел абсолютный слух, и музыка настолько захватила его, что он поступил на композиторское отделение консерватории... В консерватории Федор Анатольевич учился у Глазунова и Лядова. Однако скоро разочаровался в своих способностях, признав их недостаточными для композитора, и, не кончив, ушел из консерватории. Тем не менее с этих пор музыка становится его постоянной любовью. Где бы он ни жил, у него всегда был инструмент — пианино или рояль, взятый напрокат, иногда очень старый».

2) Начало 1920-х годов:

«Кто-то из вышневолоцких знакомых устроил Федора Анатольевича в Саково (в Калининской области). Там ему предоставили небольшой флигель, видимо, в бывшем имении, с огородом, которым в основном и кормились. Зарплаты он не получал, но давали паек из ржавых селедок, да иногда пшена. Федор Анатольевич должен был заниматься политпросветительской работой в клубе и заведовать библиотекой. Просветработы сводилась к руководству хором. Иногда устраивали концерты, и тогда Ольга Александровна (его жена) пела и имела успех. В Саково прожили два года, до тех пор пока кому-то из имеющих власть не пришло в голову, что Федор Анатольевич — беспартийный и “из бывших” — не самая подходящая фигура для политпросвета. Пришлось переезжать с насиженно-го места. Отправились на лошадях в Сигово (неподалеку). Считалось, что Федор Анатольевич должен в Сигово руководить шкохозом, который, однако, пока не существовал, а только предполагался. <...> Через два года пришлось покинуть и Сигово».

3) Середина 1920-х годов:

«Папа изыскивал пути, чтобы как-то заработать на жизнь. <...> Удачнее других его начинаний было разведение пчел. В саду стояло 5 ульев. Папа с увлечением занимался ими. <...> Затем решено было переехать в Окуловку Новгородской области».

4) 1926—1927 годы:

«Федор Анатольевич собирался прочно устроиться и учить детей в Ленинграде, поэтому, временно оставив семью в Окуловке, он уехал в город. Там, при помощи поклонника Ольги Александровны — инженера Константина Васильевича Мухина — ему удалось устроиться счетоводом в стройконтору. Платили в стройконторе не так мало, но очень нерегулярно, постоянно и надолго задерживая выплату жалованья.

В Ленинграде, кроме работы в стройконторе, Федор Анатольевич пытался подзаработать и для этой цели сочинял музыку — романсы и модные в то время фокстроты. Об этом он пишет своей жене: “Сегодня носил 4 вещи директору кинематографа «Сплэндид». Он сказал, что все четыре ему подходят и чтобы я оркестровал их. Это уже удача, но пока только моральная... Потом еще одна балерина желает купить мои фокст-

роты. Завтра отнесу ей. Если она возьмет, это лучше, потому что заплатит деньги сразу” (19.10.1926). “Думаю, что несколько рублей заработаю скоро. Одна певица мой романс споет, она мне это обещала, но пока сама сидит без работы. <...> Затем фокстрот я предложил одному певцу, который сказал, что вещь ему нравится, но, во-первых, слова совсем не нравятся, а во-вторых, вещь не для широкой публики, и он согласен ее спеть только в своем концерте, где бывает только избранная публика, а это мне никакого профита не даст. Затем еще предлагал фокстрот оркестру в кинематографе. Нашли, что музыка не подходит к фильму, которая идет, на будущее же время — пожалуйста. Вот я и жду будущего. Но я еще наметил целый ряд действий и не сдаюсь, так как убежден пока, что музыка моя не хуже того, что теперь в моде. Надо только уметь всучить ее куда-нибудь, и я этого буду добиваться, а тебе известно мое упорство, и продолжаю писать. Написал еще два романса и еще фокстрот — удивительно красивый» (5.12.1926).

5) Конец 1920—начало 1930-х годов:

«Разочаровавшись в счетоводной профессии, Федор Анатольевич поступил на курсы иностранных языков. Курсы были очень хорошие. Впоследствии диплом этих курсов приравнивали к институтскому. Обучение было рассчитано на пять лет, но знающим язык разрешалось поступать сразу на любой курс для усовершенствования. Федор Анатольевич пручился один год. <...>

Окончив курсы, Федор Анатольевич стал преподавать английский язык в Лесотехнической академии, на геофаке Университета и в Институте водного транспорта. В Лесотехнической академии ему вскоре присвоили звание доцента и поручили составить учебник английского языка для слушателей лесотехнических вузов. В 1933 году учебник вышел в свет. Жизнь наконец стала налаживаться. Наступило более или менее обеспеченное существование».

Конвертация ресурсов и обретение новой идентичности. Биографии Бориса Люба́ и Федора Зворыкина иллюстрируют характерную особенность профессионального пути дворян в послереволюционный период — многократную смену видов деятельности, мест жительства и работы. Борис Люба́ только на протяжении десяти лет, с 1917 по 1927 год, меняет место работы восемь раз, чаще всего не по собственному желанию. При этом он пробует себя в трех различных профессиональных сферах, имеет три профессии: преподаватель военного дела, музыкант и руководитель оркестра, счетовод (бухгалтер). Продолжает быть актуальным полученное до революции высшее образование, конвертируется в профессию хобби, в промежутках между этими «удачными» периодами исполь-

Цена 6 коп.

Вопросы Труда

Вопросы Труда

ТРУДОВОЙ СПИСОК

Фамилия: Климова

Имя: Варя

Отчество: Александровна

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ВОПРОСЫ ТРУДА»
Москва - 1927

ДБ 149 А 210

Лист № 1

№ п/п	ПЕРВЫЕ ОБЩИЕ ДАННЫЕ		ПОСЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ			
	ВОПРОС	ОСНОВАНИЕ	Дата	Изменение	Основание	Отм.
1	Дата рождения	1881 году				
2	Пол	Женский				
3	Социальное положение	Средний				
4	Самое образование	Училище Александровское в Моск.				
5	Профессия	Учитель				
6	Воспитательные организации	Всесоюзный				
7	И в профессии	Учитель				
8	На личном учете	С 1927 года				

Подпись лица, дающего сведения: В. Варя 1927 г. Александровна

ВТОРОЙ ДАННЫЕ О ПРОХОДЕ				РАЗДЕЛ ЖИЗНИ СЛУЖБЫ	Лист № 5
С государственной регистрацией фамилии, имени, отчества, рождения, брака и вдовства, рождения и смерти				Удостоверение личности и должности, выполнение работы, выслуги, пенсионная служба (гражданская и административная), отпуск.	
№ записи	ДАТА		ФАКТ	ОСНОВАНИЕ	ПРИМЕЧАНИЯ
	Год	Мес. Числ.			
1	2	3	4	5	
28	1921	Июль 1	Введен в службу в Печоры Кавказского военного округа на должности секретаря	Циркуля № 204000 от 1/7/21	
28	1921	Июль 1	Назначен секретарем Печоры по делу - только месяц	Циркуля № 34 от 26/7/21	
29	1921	Июль 1	Восстановлен от болезни в должности секретаря № 1-1/21	Распор. № 100 от 1/7/21	
29	1921	Сентябрь 13	Восстановлен от болезни в должности секретаря Печоры - только месяц	Распор. № 97 от 13/9/21	
29	1921	Сентябрь 13	Назначен секретарем в Печоры на должность секретаря от Печоры - только месяц	Распор. № 112 от 13/9/21	
29	1921	Сентябрь 20	Восстановлен от болезни в должности секретаря в Печоры - только месяц	Распор. № 112 от 13/9/21	
28	1921	Июль 1	Введен в службу в Печоры Кавказского военного округа на должности секретаря	Циркуля № 204000 от 1/7/21	
29	1921	Сентябрь 27	Переведен в Печоры на должность секретаря от Печоры - только месяц	Распор. № 112 от 27/9/21	
30	1921	Сентябрь 11	В Печоры - только месяц		

ВТОРОЙ ДАННЫЕ О ПРОХОДЕ				РАЗДЕЛ ЖИЗНИ СЛУЖБЫ	Лист № 5
С государственной регистрацией фамилии, имени, отчества, рождения, брака и вдовства, рождения и смерти				Удостоверение личности и должности, выполнение работы, выслуги, пенсионная служба (гражданская и административная), отпуск.	
№ записи	ДАТА		ФАКТ	ОСНОВАНИЕ	ПРИМЕЧАНИЯ
	Год	Мес. Числ.			
1	2	3	4	5	
31	1921	Июль 1	Введен в службу в Печоры Кавказского военного округа на должности секретаря	Циркуля № 204000 от 1/7/21	
30	1921	Июль 9	Введен в службу в Печоры Кавказского военного округа на должности секретаря	Циркуля № 204000 от 9/7/21	
33	1921	Июль 7	Введен в службу в Печоры Кавказского военного округа на должности секретаря	Циркуля № 169 от 7/7/21	
34	1921	Июль 10	Введен в службу в Печоры Кавказского военного округа на должности секретаря	Циркуля № 167 от 7/7/21	
35	1921	Июль 6	Введен в службу в Печоры Кавказского военного округа на должности секретаря	Циркуля № 99 от 6/7/21	
36	1921	Июль 7	Введен в службу в Печоры Кавказского военного округа на должности секретаря	Циркуля № 66 от 7/7/21	
37	1921	Июль 7	Введен в службу в Печоры Кавказского военного округа на должности секретаря	Циркуля № 9 от 7/7/21	
38	1921	Июль 21	Введен в службу в Печоры Кавказского военного округа на должности секретаря	Циркуля № 7 от 21/7/21	

М. П. Заведующий отделом
 Секретарь
 М. П. Секретаря
 (подпись)

Трудовой список Бологовского Б. П.
(из архива семьи Ходотов)

I. Фамилия, имя и отчество		Иванов Андрей Кудачин	
II. Место рождения, какой местности проживал (город или губерния, уезд, волость и т. д.)		1897 года 30 августа г. Черныш	
III. 1) Класс национальности. 2) Какой язык считают родным. 3) Какими другими языками владеет.		русский и неи	
IV. Социальное происхождение: 1) Профессия до поступления на военную службу. 2) Профессия родителей: а) до Октябрьской революции, б) в настоящее время.		Врач - терапевт чиновник учеб.	
V. О Б Р А З О В А Н И Е	Общее	а) нижее, б) среднее, в) высшее.	Высшее в Черныше в 1898 году
	Среднее	а) нижее, б) среднее, в) высшее.	Черныш Киевской губ. в 1901 г.
	Партийн.	а) нижее, б) среднее, в) высшее.	неи
В о с п и т а н и е	Какое военное или военно-политическое учебное заведение (училище, курс или школа), где и когда окончил.		неи
	Каково образование для раннее с высшее военно-учебное заведение (сколько курсов), высшее военно-политическое курс или какую высшую военную или военно-политическую школу (2-й ступени) и когда окончил.		неи

Ш И Р О К О П О Л О С К А Т О М О Ш И Н О М О В О Е	1) С какого года и губернии поименно или фамилии	Клев
	2) Какой организации и № партбилета или кандидатской карточки.	Клев
	3) Прислуживал ли в других партиях, в каком звании и с какого времени и по какому.	Клев
	4) Какую партийную и политическую работу вел до Февральской революции.	Клев
	5) Какую партийную и политическую работу вел с Февральской до Октябрьской революции.	Клев
	6) Подвергался ли наказаниям за политическую работу, когда и кем именно.	Клев
	7) Какое принимал участие в Октябрьском перевороте и где.	Организационную работу в Клев-Г Александровском уезде.
	8) Подвергался ли партийным выкалывкам, когда, кем и за что.	Клев
VII. Семейное положение. Холост или женат; имя, отчество, фамилия и возраст жены; имена и время рождения детей; имя, отчество, фамилия и возраст лиц, находящихся на иждивении.	Женат, в Мухоморовской волости, Александровском уезде. Жена: Софья Ходотова Вершинина. Родилась 1878 г. в Мухоморовской волости Александровского уезда. На иждивении: Мать Ходотова Любовь Петровна 72 лет.	
VIII. Состояние здоровья и в каком роде службы пригоден (одно-двое выписки из постановления врачебного свидетельства, число, месяц, год и №).		

Типичный образец анкеты («послужного списка») середины 1920-х годов (из архива семьи Ходотов)

зуется общее образование. Федор Зворыкин в период с 1918 по 1938 год меняет область деятельности пять раз: он руководит клубом, занимается пчеловодством, сочиняет и продает романы, работает счетоводом, преподает иностранный язык и пишет учебник. В отличие от Бориса Любá, Федор Зворыкин не использует после революции свое профессиональное (юридическое) образование. Но как и Борис Любá, он пытается превратить хобби в профессию, в период безработицы трудится счетоводом и в конце концов успешно конвертирует в профессию знание иностранного языка. Жизненные траектории этих людей иллюстрируют сложный путь профессиональной адаптации, профессиональную гибкость и способность к переменам в зрелом возрасте. Однако это не спасло их обоих от репрессий в период Большого террора.

Попытки реконверсии, предпринимавшиеся на протяжении 1920—1930-х годов теми, кто прожил половину жизни при старом порядке, способствовали изменению их мировоззрения, представлений о себе и окружающих. При всех сложностях послереволюционного периода процесс приспособления к новой жизни не воспринимался ими однозначно в черном свете. Советское время предоставило некоторым дворянам возможность профессиональной самореализации в том деле, которым они раньше могли заниматься лишь как любители, когда жили в рамках своей прежней дореволюционной системы координат. Необходимость профессионализации светских навыков способствовала формированию новых идентичностей. Повышенная концентрация представителей дореволюционного образованного слоя на рабочих местах способствовала сближению тех, кто ранее принадлежал к различным его «фракциям». Бывшие светские люди, помещики, земские деятели, аристократы, профессионалы, радикалы стали советскими специалистами. Лишь периодические репрессии снова и снова напоминали о дореволюционной сословной принадлежности, и в связи с этим понятие «дворянин» стало негативно эмоционально окрашенным для тех, чье благополучие было непосредственно связано с избавлением от этого статуса.

Деклассирование и реклассирование

Наименее социально защищенной группой среди «бывших дворян» были те, кто не считал возможным или не мог устроиться на государственную службу. Это были прежде всего пожилые люди и женщины средних лет, не имевшие до революции опыта работы, лишённые права встать на учет на бирже труда и не получавшие пенсий и пайков. Пожилые дамы «из бывших» являлись символом деклассирования старой элиты, который активно использовался в пропаганде.

О тяжелой одинокой жизни свидетельствуют письма Е. А. Свинойной 1859 года рождения (вдовы генерала, члена Государственного совета А. Д. Свинойна), которая до 1942 года жила одна в Ленинграде. «Я же занята здесь у “Спасителя” (часовня в домике императора Петра I на Петровской наб., дом 6. — С. Ч.). Работаю на огородах чернорабочей. Шью, чиню белье и присматриваю за квартирой (чужой). Стряпаю, стираю, даю уроки французского языка. Два раза на похоронах помогала нести тяжелые гробы, читаю псалтырь у покойников. Кормят, дают хлеб. Я довольна» (1922 год).⁵⁶ «Французский язык помогает мне много. У меня всю зиму прошлую были взрослые ученицы для практики языка, и теперь подыскиваю. Рукоделье все время меня выручает, я вышиваю по заказу священные принадлежности: оари для диаконов, ленты, пелены, воздухи и т. д. Теперь дают там же, у “Спасителя”, другие работы — отделки для платьев, шапочки, мешочки».⁵⁷ «[Раньше] я, как и другие, имела право на маленький кусок хлеба. На угол... Сейчас меня, как и множество других, уже лишили этого права и не дали нам хлебных карточек! Основываясь на том, что я и они — или безработные, или нетрудовой элемент, или же хуже того — бывшие люди» (1932 год).⁵⁸

В прошлом почтенные общественные деятельницы, хозяйки салонов, трудолюбивые помещицы или светские дамы, теперь оказавшиеся одиночками, бесправными, нищими и гонимыми, составляли местный колорит центра Ленинграда. Современники вспоминают, что «интересным элементом того рыночного быта были интеллигентные дамы, которых называли “старыми барынями” или “бывшими”. Прямо на земле, на скатерти или куске материи они раскладывали всякие мелочи — кружева, веера, лайковые перчатки, бусы, бинокли и лорнетты, разрозненные части сервизов, рюмки, бокалы, вазы для цветов. Такие же “бывшие” робкие и застенчивые дамы ходили по дворам и пели романсы, оперные арии или просто песенки. Из окон высовывались зрители, и некоторые из них бросали певицам монетки, завернутые в бумажку».⁵⁹

Чуть в лучшем положении были те женщины, кто имел работу на дому. Преимущества надомной работы для тех, кто воспринимал ее как временную, были в том, что она не требовала встречи с советской администрацией, давала возможность привыкнуть к изменившимся условиям и сориентироваться.

⁵⁶ Свинойна Е. А. Письма в Париж. С. 42.

⁵⁷ Там же. С. 44.

⁵⁸ Там же. С. 72.

⁵⁹ Левина В. Г. Воспоминания. Из личного архива. С. 27.

Е. В. Ив́анова вспоминает о жизни семьи в начале 1920-х годов: «Мама училась у хорошей портнихи, чтобы обеспечить материально семью. Брат работал кассиром в театре, в котором я танцевала, а в свободное время помогал маме. Они научились делать “плиссе гофре”. Мама научилась хорошо шить и имела много заказов, у нее даже были ученицы, которые ей помогали. Основным источником средств была, конечно, мама с ее мастерской, но тогда на деньги мало что можно было купить, и мама часто за работу получала продукты. Самый сложный вопрос был с одеждой и обувью. Мама шила мне платья из чехлов с мебели (которой уже не было), из оставшихся дедушкиных рубашек и чесучовых костюмов, но этого оставалось уже очень мало, все ушло на рынок в обмен на продукты».⁶⁰

Поскольку экономика переходного периода не обеспечивала всем необходимым, то обмен услугами был широко распространен, и найти себе применение мог практически каждый.

Одним из видов деятельности были частные уроки. Причем уроками (музыки, рисования, математики, иностранных языков, танцев, начальной грамоты) подрабатывали «бывшие» всех возрастов. Е. И. Вощинина вспоминает, что «были очень распространены гувернантки. Была масса евреев, которые очень хотели научить детей. И я помню, вся молодежь, вся интеллигенция занималась тем, что воспитывала малышей. <...> За урок я получала десять рублей и обед».⁶¹

Такие уроки запечатлелись в воспоминаниях не только дворян, но и представителей других слоев населения, которые были потребителями этих услуг. «Очень много оставалось бывших. Бывших и по происхождению, и по... своим данным, и не знаю, как еще назвать... И они очень высоко ценили тарелку супа. Это смешно, но это факт. А именно: за тарелку супа можно было получить урок французского языка. За тарелку супа можно было получить урок музыки. <...> Чаще все договаривались так, чтобы это было близко... не особенно далеко ходить. Вот, предположим, в этой квартире и в соседней квартире. Вот, договорятся и пожалуйста — придут, дадут урок французского и получают тарелку супа. <...> Лично я занималась французским языком за тарелку супа».⁶²

Сосуществование соседей с различным социальным статусом и уровнем образования способствовало обмену знаний на продукты питания. М. Н. Матвеева вспоминает, что когда их квартиру уплотнили, в одну из комнат поселился матрос. «Он поступил в Морское училище, хотя у него никакой подготовки не было. Ему было очень трудно учиться, главным

⁶⁰ Ив́анова Е. В. Все, что я помню о своей жизни. Из личного архива. С. 41.

⁶¹ Интервью с Вощиной Екатериной Ильиничной, 1909 г. р.

⁶² Интервью с Тамарой Алексеевной В., 1913 г. р. (из архива Рэнвалл-Института (Хельсинки), интервьюер К. Герасимова).

образом было трудно по литературе. Писать сочинения, разбор произведений классиков. И ему мама помогала. И он был страшно доволен. Он получал по другим предметам двойки-тройки. А как только сочинение — пятерка. Мама ему писала домашние сочинения. А если ему говорили, что в классе будет сочинение, она ему набросает, что там надо примерно. Опять пятерка. Таким образом он держался там. Зато когда он уезжал в отпуск к себе в деревню, он всегда привозил огромного гуся. Он делал так — делил пополам. Полгуся — нам, полгуся — себе. И мешок черного хлеба, сухарей нам отваливал».⁶³

Бывали случаи, когда взаимно выгодный обмен с соседями по квартире приводил к полуродственным отношениям, и в тяжелые моменты чисток и угроз выселений пролетарии заступались за своих знакомых-«бывших». Партийная работница завода М. И. Шамлиан вспоминала, что ей выделили комнату, принадлежавшую ранее пожилой дворянке Е. П. Измайловой, ее соседке по квартире. Это соседство сыграло не последнюю роль в том, что Измайлова до глубокой старости занимала пост директора музыкальной школы. «Очень благородная была. Я очень много у нее переняла благородства. Она была очень долго директором музыкальной школы. Школа была очень хорошая, ученики хорошие, и дома она имела частные уроки, на пианино. Меня в райком вызывали несколько раз — все-таки директор школы из бывших — я всегда давала положительную оценку».⁶⁴

Одинокие пожилые женщины и официально безработные люди всех возрастов были первыми кандидатами на выселение из квартир и из города как бесполезные для общества элементы. Однако в некоторых случаях им могла прийти помощь с неожиданной стороны. Возможность такого счастливого случая определялась тем, насколько разносторонней была их социальная сеть. Соседи по квартире или по двору, дальние родственники, случайно встреченные на улице старые знакомые, крестьяне из прилежащих к поместью деревень могли оказаться спасителями и помочь «бывшим» стать полноправными гражданами нового общества.

Социальные связи были важнейшим капиталом и для работающих людей, потому что только благодаря помощи коллег можно было уменьшить риск увольнения в периоды чисток. Например, В. В. Никольская, урожденная княжна Голицына, вспоминала, что в Институте электроприборов, где она работала чертежницей, солидарность со стороны коллег по отношению к кандидатам на вычищение проявлялась в том, что их старались заблаговременно убрать из поля зрения проверочной ко-

⁶³ Интервью с Матвеевой Мариной Николаевной, 1906 г. р.

⁶⁴ Интервью с Марией Ивановной Шамлиан // На корме времени: интервью с ленинградцами 1930-х годов. СПб.: Журнал «Нева», 2000. С. 48–71.

Никакая Анастасия Зворыкина я знаю царно. Таинно скрывает характерные его личности.

В 1905 году, когда Зворыкин из ссылки на родину у меня и у моего брата Г. В. Тулунова полицией был произведен обыск. (Филограф народоубийцев - «Славянская типография»!). Моему и брату была обнаружена, не легальная литература, и они были арестованы. Моему, я согласился временно освободить брата под денежный залог. Я обратился к правительству Н. А. Зворыкину одолжить мне нужные деньги этой цели деньги. Н. А. Зворыкин был арестован арестом моего брата и узнал, что хотя не имеет своих денег, но найдет кому-то сумму, если бы освободил брат мой. Деньги мне были вручены. Н. А. Зворыкин и брат мой был освобожден.

По освобождению из Петропавловской крепости, я уехал на родину устроить кооперативную швейцарскую лавку. С этой целью я обратился к Н. А. Зворыкину, который оудивило мнеся в своей индивидуальности и не смотря на то, что графская земля и помещичьи были земля родовые Н. А. Зворыкина, местному торговцу, он вудействивал на своих условиях и договор был расторгнут, - графская земля и помещичьи были возвозможно уступлены кооперации.

Н. А. Зворыкин лично не владеет и не распоряжается т. н. производящей собственностью сестры до самой революции мать его.

Н. А. Зворыкина я знаю за очень хорошего и отзывчивого человека

Целем общества политкаторжан (включений в 1911)

Москва 12 сент. 31 г. Подпись г-на М. Е. Тулунова
Ст. обсерв. Уездный уезд-ва политкаторжан Кавказе
13/IX-31

Положительная характеристика на Н. А. Зворыкина от члена общества политкаторжан М. Е. Тулунова. Написана с целью добиться восстановления избирательных прав для Зворыкина (из архива Н. Ф. Зворыкиной)

миссии. «Обычно главный инженер ГИДЭПа узнавал о (проверке) заранее и зачислял меня в состав группы, которая ехала куда-нибудь в длительную командировку».⁶⁵

В случае арестов родственников или выселения из квартиры, а также в случае увольнений использовались знакомства в партийных верхах. В дворянских кругах существовало даже специальное понятие «ручной коммунист», обозначавшее своего человека во власти, как правило, знакомого с дореволюционных времен.⁶⁶

Важным ресурсом, помогавшим избежать деклассирования и даже просто выжить, были знакомства в других городах и регионах. Мультилокальность, характерная черта образа жизни состоятельных слоев до революции, сыграла большую роль в тяжелые послереволюционные годы. Во время голода в период Гражданской войны жители Петрограда и Москвы спасались у родственников и знакомых в деревнях и небольших городках.

Е. И. Вощина вспоминает о том, что ее семья, которая жила в начале 1920-х годов в Вышнем Волочке Тверской губернии, привечала «гонимых правоведа», то есть выпускников училища правоведения, знакомых ее бабушки из Петрограда. Этим правоведам устраивали по знакомству работать в вышневолоцкое лесничество.

В 1920-е годы жизнь в провинции была более сносной, чем в крупных городах; там активно шел обмен вещами и услугами со знакомыми крестьянами на более выгодных условиях, чем на рынках в городе. С середины 1920-х годов бывших дворян стали вытеснять из провинций, и тогда для них исключительно важным оказывалось наличие родственников в городах, к которым можно было подселиться на первое время или насовсем, и друзей, которые к их приезду подыскивали работу.

Во время массовых выселок дворян в 1935 году ленинградцы снова прибегли к помощи знакомых в провинциях, и это было существенно, потому что основную массу высланных составляли пожилые люди. Диверсификация социального капитала и опыт жизни в других регионах оказались неоценимыми, и многие из тех «бывших», кто не имел этого ресурса, оказались за чертой бедности или погибли в один из очередных переходных периодов.⁶⁷

Одной из стратегий адаптации, особенно для женщин, был брак по расчету. Он оказывался спасительной возможностью поменять фамилию и уменьшить внимание к своему происхождению. Союз красивой дамы «из бывших» с мужчиной, имевшим прочное общественное поло-

⁶⁵ *Никольская В. В.* Воспоминания. Рукопись из личного архива. С. 13.

⁶⁶ *Голицын С. М.* Записки уцелевшего. С. 25.

⁶⁷ *Вощина Е. И.* Детство и родные. Рукопись из личного архива.

жение и высокий доход, не был редкостью. Иногда подобные союзы были стратегией выживания для всей семьи. О такой семье соседней по даче вспоминает в интервью Н. П. Панаева: «Георгиев, он был как раз специалист, уже старик, женат он был лет на тридцать его моложе женщине, вот она была из “бывших”, потому что она была урожденная Воронцова-Вельяминова, Анастасия Павловна. Он был очень богат, хорошо очень зарабатывал, будучи начальником лаборатории. А она выписывала своих далеко не процветающих сестер с мужьями на дачу. Они купили всю дачу — и нижний и верхний этаж. И там они все существовали. <...> Она, в общем-то, продалась, потому что ей надо было как-то всю эту семью держать, а они с голоду помирали. Он ею пленился, а она за него пошла, чтобы поддержать всю эту очень дружную семью».⁶⁸

Смелость и предприимчивость близких спасали от деклассирования, грозившего при каждой волне чисток. М. Н. Матвеева вспоминает, что когда ее вместе с матерью и тетей обязали срочно выехать из Ленинграда в 1935 году, им помогло вернуться через год вмешательство ее мужа Олега Раппапорта, находившегося в момент высылки в длительной командировке. Он, хотя был тоже «из бывших», считался ценным специалистом и имел возможность благодаря этому подать жалобу в Москву и повернуть ситуацию в свою пользу.

Как правило, семейная жизнь «бывших» включала как эпизоды счастливых спасений со стороны второй половины, так и немалые жертвы ради любви, особенно если «бывшими» были оба. Брак с представителем известной дворянской фамилии оказывался чаще всего препятствием для получения образования и поиска работы, но даже в эти тяжелые времена сила любви, как и сила традиции, бывали сильнее чувства самосохранения, и, вступая в брак, молодые женщины брали фамилию мужа вопреки рациональным соображениям, или наоборот, девичья фамилия сохранялась, для того чтобы поддержать отца. Последствия таких символических проявлений семейной солидарности не заставляли себя долго ждать. Например, И. В. Арнольд вспоминает, что ее младшей сестре «дворянство было не скрыть, потому что она вышла замуж за Достоевского, а происхождение Достоевского было известно. В те времена анкета с Достоевским была плохой анкетой». Сама она, обладая менее приметной фамилией, сумела скрыть социальное происхождение при поступлении в вуз, «не написала в своей анкете того, что было в действительности, а написала “из мещан”».⁶⁹

В имеющихся источниках о жизненных путях «бывших» в 1920—1930-х годах обязательно содержится описание хотя бы одного периода

⁶⁸ Интервью с Панаевой Ниной Платоновной, 1918 г. р.

⁶⁹ Интервью с Арнольд Ириной Владимировной, 1908 г. р.

деклассирования (безработицы, увольнения, крайней бедности, высылки или ареста). Но кому-то удавалось подняться со дна, а кто-то оказывался за бортом привычной жизни без всякой надежды на возвращение. Как правило, длительных периодов деклассирования удавалось избежать тем, кто вовремя сумел мобилизовать материальные и культурные ресурсы, родственные связи и знакомства и кто интуитивно смог изменить свою жизнь до того, как в нее ворвутся непрошенные обстоятельства и повернут ее безвозвратно. Интуиция была важнейшим капиталом, имевшимся у тех, чей жизненный опыт был более разнообразным, умственный горизонт — более широким и кто был готов пожертвовать частью своих привычек и убеждений ради новой жизни.^{VIII}

Профессиональные пути дворян 1910-х годов рождения

Для поколения дворян 1910-х годов рождения реконверсионную стратегию определяло образование. Диплом советского высшего учебного заведения защищал во многих случаях, а если увольнение все же имело место, помогал найти новую работу. Кроме того, учеба давала значительный капитал социальных связей. Однако для поступления в вуз было недостаточно приобрести знания; требовались настойчивость и смекалка, полезные связи и удача.

Обычно профессиональная карьера молодежи из «бывших» была столь же сложной и многоступенчатой, как и карьера их родителей. Порой она включала в себя и обучение в вузе, и исключение из него за происхождение, работу вчерную после исключения (или перед поступлением), дальнейшее обучение на государственных курсах или в училищах или же карьеру без образования.

Высшее образование молодежи из «бывших», то есть людей, родившихся в дворянских семьях незадолго до революции и прошедших советскую школу, было в центре внимания государства с первых дней революции. Преимущественное право поступления в вузы молодежи пролетарского и крестьянского происхождения и, соответственно, дискриминация выходцев из образованных семей были законодательно закреплены и оставались в силе в 1918—1936 годах.

В 1918 году постановлением СНК «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства»⁷⁰ было решено принимать в вузы всех — без экзаменов и без предъявления аттестатов о среднем образовании. Считалось, что

⁷⁰ Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1964. Т. 3. С. 137.

прием в вузы без экзаменов облегчит доступ к высшему образованию пролетариям. Однако эта мера не привела к искомому результату. Поэтому в том же 1918 году были созданы рабочие факультеты (рабфаки), предназначенные для восполнения пробелов в образовании у политически активной заводской молодежи.

В 1921 году были выработаны новые правила приема, которые «устанавливали принцип командирования на учебу, а не свободного поступления». ⁷¹ Молодые люди могли командироваться на рабфак или сразу на первый курс. Система командирования, то есть направления в вузы по командировкам от предприятий либо партийных организаций, подразумевала, что для попадания в вуз претендент должен быть работающим, предпочтительно заводским рабочим и коммунистом. Учеба в вузе со школьной скамьи не поощрялась. При приеме в вуз проводились приемные испытания, которые выявляли, «обладает ли действительно кандидат, с одной стороны, кругом необходимых знаний, с другой — гражданско-политическим развитием». ⁷² При всех равных условиях преимущество давалось лицам пролетарского происхождения. По данным Фитцпатрик, в 1927 году конкурс для рабочих/крестьян был 2 или 3 человека на место, для детей «белых воротничков» — 5 человек на место в провинции и 10 человек на место в столицах. ⁷³

Одним из способов регулирования социального состава поступающих в вузы было введение платы за учебу (постановлением от 11 ноября 1922 года). Плата была дифференцированной для различных групп студентов. Например, лица непролетарского происхождения, живущие на нетрудовой доход, а также их иждивенцы вносили плату в повышенном размере. ⁷⁴ «Правила приема в вузы» 1923 года давали подробный перечень категорий лиц, зачисленных на бесплатные места. В первую очередь они отводились учащимся рабфаков. Затем шли другие группы в следующем порядке: члены РКП(б), члены РКСМ, рабочие и дети рабочих, беднейшие крестьяне и их дети, активные участники Гражданской войны, дети заслуженных революционеров, дети служащих в Красной армии и флоте, дети инвалидов Красной армии и флота, члены профсоюзов и их дети, дети профессоров и преподавателей вузов, дети обслуживающего персонала данного вуза, школьные работники и их дети, круглые сироты, находящиеся на государственном обеспечении, лица, командированные

⁷¹ *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917–1925). Л.: Наука, 1984. С. 127.

⁷² Там же. С. 128.

⁷³ *Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1979.

⁷⁴ *Купайгородская А. П.* Высшая школа... С. 136–137.

партийными организациями, рекомендованные наркоматами и их отделами.⁷⁵ Таким образом, те из «бывших», кому удалось приобрести профессиональный статус и связанные с ним привилегии, имели возможность обеспечить образование и своим детям. Для «бывших», не нашедших работу на государственной службе и работавших вчерную, возможность дать образование детям была затруднена.

Одним из очевидных путей преодоления препятствий на пути к высшему образованию было скрытие социального происхождения. Однако по разным причинам по этому пути шли не все. Скрытие происхождения было связано со многими рисками. Например, считалось, что обман мог быть раскрыт, а обманщик наказан. В каждом случае внимательно взвешивались все «за» и «против», и решение было плодом рационального подсчета рисков и выгод.

«Кончив школу (1927 год), Кока (Николай) Леман поступил в Университет на заочное отделение физического факультета. Поступлению предшествовал такой разговор:

Кока заполняет анкету для поступления и говорит матери:

— Мам, я не буду указывать про дворянское сословие. Если напишу, то ведь не примут.

— Нет, — отвечает Ал. Ал. — Надо написать. Если утаишь, а потом откроется, тебя исключат.

— Но ведь если напишу — не примут!

— Да, может быть, не примут.

— Не может, а наверняка, — сердится Кока.

— Но, если потом исключат, не хуже ли будет?

Это положение — и так плохо, и этак не хорошо — преследовало в те годы многих. <...> Александра Александровна железно настаивала, что надо написать честно. Написали. В результате Н. Леман был принят в Университет только на заочное отделение, несмотря на очень хорошие способности. Кроме того, он поступил на работу в нефтяной институт техником».⁷⁶

Самым острым периодом дискриминации, когда было особенно сложно преодолеть преграды на пути к высшему образованию, был период сталинской культурной революции 1928—1931 годов. Те, кто пытался поступить в вузы в это время, обычно терпели фиаско — не помогали ни блестящие знания, ни полезные связи.

И. А. Шидловский, который пытался поступить в вуз в самый разгар культурной революции в 1929 году, вспоминает, что он не нашел никаких возможностей решить проблему своего происхождения. «Тогда пугали,

⁷⁵ *Купайгородская А. П.* Высшая школа... С. 137.

⁷⁶ *Зворыкина Н. Ф.* Матвеевы. История семьи. Рукопись из личного архива. С. 80–81.

что если обнаружат сокрытие происхождения, накажут тюрьмой. Ну вот, и понимаете, что мне было делать? Я держал экзамены в Электротехнический институт. А там был профессор двоюродный брат моего отца. Профессор Ринкевич. Он пошел в комиссию: «Почему не приняли моего племянника, он же сдал хорошо?» А ему знаете, что ответили? — «Если вы будете протаскивать своих дворянских родственников, мы будем с вами другим языком разговаривать»⁷⁷.

В. В. Бурлакова, поступавшая в вуз в 1930 году во время культурной революции, вспоминает, что «в вуз принимали по анкете. И даже никаких экзаменов не было. Никого не принимали. Раз дети служащих, в вуз поступить было нельзя. Поэтому некоторые шли работать на завод, чтобы идти как рабочие. А я этого не сделала. Значит, я училась на курсах»⁷⁸.

Интервью показывают, что для тех, кто не мог поступить в вуз, эти два пути — на завод с целью обретения статуса «рабочего» или на государственные курсы — были самыми очевидными.⁷⁹ Государственные курсы были одной из возможностей, предоставленной государством молодежи из «бывших» для получения образования. Сеть курсов и школ возникла еще в начале 1920-х годов; она была разветвленной и охватывала все возможные специальности. Она же стала трамплином, благодаря которому «бывшие» смогли проникнуть на советский рынок труда.

М. Н. Матвеева рассказывала, что ее муж Олег Раппапорт, поступивший в 1917 году в Морское училище (бывший Морской корпус), был изгнан оттуда в 1920 году за происхождение. Вскоре ему удалось поступить в школу морских летчиков-наблюдателей, штурманов. «Туда его приняли, потому что это было не высшее заведение, а школа. В высшее не принимали. И он был сначала летчиком, потом преподавателем, потом сотрудником арктического института научно-исследовательского»⁸⁰.

Профессиональный путь поступавшего в вуз десятью годами позже Б. С. Михайлова был сложным; он включал учебу на курсах, работу на заводе и успешную карьеру недипломированного инженера-практика. «Я выдерживал три года подряд экзамены в три института, и меня не принимали каждый раз. И в 1932 году я поступил в заочный институт, строительный. Биржа труда меня направила чертежником, то есть в школу чер-

⁷⁷ Интервью с Шидловским Игорем Александровичем, 1910 г. р.

⁷⁸ Интервью с Бурлаковой Варварой Васильевной, 1913 г. р.

⁷⁹ Ступенчатое получение образования, через приобретение статуса «пролетария», описано Д. Берто в статье «Трансмиссии социального статуса в экстремальной ситуации» (Судьбы людей. Россия XX век: Биографии семей как объект социологического исследования / Под ред. В. Семеновы, Е. Фотеевой. М., 1996. С. 207–239).

⁸⁰ Интервью с Матвеевой Мариной Николаевной, 1906 г. р.

тежников, в которой я проучился три месяца и нахально пошел сдавать на биржу на чертежника. И сдал. Меня послали на завод Сталина, Металлургический завод, я туда пошел с удовольствием. Потому что завод Сталина — это был завод-вуз, там можно было учиться. Но, к моему сожалению, когда я пришел туда, подал заявление в институт и в биографии написал “дворянин”, мне сказали: “Нет, вам надо поработать три года хотя бы, чтобы мы вас узнали, и тогда мы сможем принять”. Три года мне проработать не удалось, потому что нашу строительную бригаду перевели в Промстройпроект, в котором я на всю жизнь остался и проработал там до самого конца. Я начал там чертежником, кончил заместителем главного инженера, заместителем директора филиала нашего института в Новокузнецке, а потом вернулся сюда в наш институт. Несмотря на то что я дворянин, я имел высшую степень секретности. Я работал только на военное ведомство. Проводка жидкого топлива на корабли, проводка жидкого топлива подводным способом на Кронштадт и сооружение топливных складов в Ораниенбауме, которые простояли всю войну, снабжая топливом наши корабли».⁸¹

Такую же успешную карьеру инженера-практика без получения высшего образования удалось сделать брату Е. В. Ивановой Леониду. «Брат стал инженером, начальником Водоканала, он фактически сам приобрел образование. Потому что, вы понимаете, что при условии высылки он никуда не мог поступить. Он поступил чернорабочим на Водоканал, там освоил всю технику водоснабжения, все изучил детально, стал инженером, получил звание инженера и потом был начальником всего Водоканала».⁸²

В некоторых случаях работа на заводе давала возможность оформить необходимые документы и получить от предприятия «командировку» на учебу. Этому особенно способствовали связи в руководстве предприятия. Е. И. Воцинина вспоминает о том, как ее брату Алексею удалось получить образование через работу на предприятии: «Мы по глупости писали (в анкетах): “дворяне”. А дворян тогда не принимали (в вузы). И тогда мой брат очень смело пошел работать к дяде на завод. Дядя, В. Е. Эмме, его взял к себе, а он был очень большим инженером, корпусником на кораблестроительном заводе. И он взял его к себе на завод как бы рабочим, а на самом деле он был чертежником, откровенно говоря. И он проработал на заводе и очень полюбил его даже. И проработал он там 5 лет. И поэтому он имел возможность написать, что он рабочий. И поступил в вуз, в Кораблестроительный институт».⁸³

⁸¹ Интервью с Михайловым Борисом Сергеевичем, 1908 г. р.

⁸² Интервью с Ивановой Екатериной Владимировной, 1906 г. р.

⁸³ Интервью с Воцининой Екатериной Ильиничной, 1909 г. р.

«Легкость», с которой некоторые представители поколения 1910-х годов рождения смогли, вопреки дискриминации, преодолеть препятствия на пути к получению образования и обретению высокого социального статуса, была не случайной. Хотя многие информанты сообщали о том, что учились в школе лишь эпизодически, без всякого рвения и бессистемно, в их жизни большую роль сыграли домашнее образование и поддержка родителей. Уже с начала 1920-х годов они стали продавать мебель, картины, одежду, сервизы, украшения, сувениры, ради того чтобы обеспечить детям возможность учиться. Конвертация материальных ресурсов семьи в образование — стратегия, направленная в будущее (в то время туманное), — осуществлялась многими родителями и, как показывают интервью, в дальнейшем себя оправдала.

Балерина М. Н. Матвеева вспоминала: «Школу я закончила и устроилась к Вагановой частные уроки брать. Мама продала сервиз кузнецовский шикарный, и на несколько месяцев хватало. А я у нее училась год. К ней приходили артисты Мариинского театра, одна школьница и я. Мы занимались у нее на квартире. Она великолепно преподавала. Каждый раз уходишь отсюда и думаешь — теперь я знаю, как сделать перекидное *jeté* или *pas de basque*». ⁸⁴

Схожую ситуацию описывает ее сокурсница Е. В. Иванова: «В 1924 году в Севастополь приехала женщина из Ленинграда. Она знала, что в хореографическом училище открыли вечерние курсы, куда принимают в возрасте 16–18 лет. Она предложила мне поехать в Ленинград к ней, чтобы получить академическое балетное образование. Мы с мамой понимали, что моих знаний недостаточно, что нужно приобретать профессию, и решили, что я поеду с этой дамой. Продали мою кровать и еще что-то и начались сборы». ⁸⁵

Однако многим дворянам 1910-х годов рождения не удалось справиться с препятствиями, постоянно возникавшими в их профессиональной жизни. Поэтому в одной и той же семье можно было встретить людей одного возраста с различным профессиональным статусом. В одной компании встречались успешный советский специалист и грузчик с одинаково галантными манерами.

В. В. Бурлакова вспоминала о судьбе двух братьев Нелидовых: «Старший брат был Иван, блестящий физик, которого потом арестовали и расстреляли и который читал лекции в Университете. Я помню, он как-то пришел и сказал: “Когда тенор получает аплодисменты, это что, а вот я закончил лекцию, студенты разразились аплодисментами”. Это, конечно, о многом говорит. И у него был младший брат, совершенно необра-

⁸⁴ Интервью с Матвеевой Мариной Николаевной, 1906 г. р.

⁸⁵ Иванова Е. В. Все, что я помню о своей жизни. Рукопись. С. 55.

зованный человек, он не смог получить образование. Он работал грузчиком. Из-за происхождения. Не смог добиться. Воспитан он был прекрасно. То есть он целовал руку, вскакивал, подавал пальто, но работал грузчиком и был без образования».⁸⁶

Попытки приспособления к новой жизни дворян старших поколений (1870–1890-х г. р.) можно лишь условно назвать «успешной реконверсией». Во-первых, многие из них воспринимали свои профессиональные усилия как вынужденные. Во-вторых, даже лояльные и полезные специалисты становились жертвами террора. В-третьих, уровень жизни, по сравнению с дореволюционным периодом, в целом изменился не в лучшую сторону. И главное, даже став уважаемыми представителями нового общества, они не могли забыть о многочисленных, дорогих для них потерях — родственниках, друзьях, фамильном доме.

Однако можно сказать, что реконверсия активной части выходцев из дворянского сословия 1910-х годов рождения была успешной. Многие люди достигли социального статуса, эквивалентного дореволюционному статусу семьи. Достижение высокой социальной позиции сопровождалось позитивным и патриотическим чувством, ощущением принадлежности к элите и возможности воспроизводства статуса в последующих поколениях.

Реконверсия дворян как класса, их место в социальной и профессиональной структуре советского общества (на примере Ленинграда)

В 1920–1930-х годах бывших дворян в Ленинграде можно было встретить практически в любом месте и на любой должности — это могли быть как руководители высокого уровня, так и неквалифицированные и низкооплачиваемые работники. Но существовали определенные профессиональные сферы, отдельные учреждения и места города, которые, как информировали «Красная газета» и «Ленинградская правда», были известны тем, что «бывшие люди» в них преобладали. Это, в первую очередь, старые учебные заведения (особенно Университет, Институт истории искусств) и все учреждения Академии наук,⁸⁷ театры, а также школы и музеи (особенно выделялись Эрмитаж,⁸⁸ Кунсткамера, Зоологический музей, Ботанический сад).

⁸⁶ Интервью с Бурлаковой Варварой Васильевной, 1913 г. р.

⁸⁷ Tolz V. Russian Academicians and the Revolution. P. 49.

⁸⁸ Кантор Ю. З. Реальность и соцреализм: Эрмитаж в 1917–1941 гг. // Звезда. 2003. № 5. С. 182–194.

К примеру, социальный состав служащих Ботанического сада считался одиозным. В 1928 году для «обследования личного состава» служащих была создана специальная комиссия. Выяснилось, что «из 116 научных работников (всего служащих 250 человек) выявлено 79 человек дворян, 24 человека невыявленных (скрывающих свое происхождение), 14 потомственных почетных граждан, 4 купца и 2 священника».⁸⁹

О преподавательском составе школ сообщается, что «примерно одна пятая часть учительства состоит из выходцев и из детей дворян, духовенства, чиновничества. <...> Не секрет и то, что именно отсюда несет антисоветским духом».⁹⁰

Местом прибежища «бывших» был и мир исполнительных искусств. «Красная газета» в 1928 году отмечала, что «совсем не странно», что в составе слушателей художественных учебных заведений — музыкальных и театральных техникумов, балетных студий — «процент рабочих колеблется от 30 до 5. Рабочий не может попасть в музыкальный техникум потому, что там требуется уметь играть на рояли. Рабочий не может платить за уроки в оперной студии».⁹¹

«Засилие бывших людей» в этих учреждениях было раскрыто в период чистки советского аппарата 1929 года. Многие выходцы из чуждых классов были «вычищены», изгнаны с мест работы. Однако, как показывают и газетные публикации, и воспоминания, нередко место «вычищенных бывших» в конечном итоге занимали другие (иногда замаскированные) «бывшие», а изгнанные находили себе эквивалентную должность. Именно у «бывших» имелись необходимые для работы в сфере культуры профессиональные навыки. Кроме того, «бывшие» стремились работать в учреждениях культуры и прилагали к этому все свои усилия.

В советское время в дворянских кругах сложилась иная, по сравнению с дореволюционным периодом, иерархия престижа различных профессий, сфер занятости, мест работы. До революции удачной карьерой считалась военная или административная работа, социально одобряемой альтернативой такой карьере было управление помещьем и сельскохозяйственным предпринимательством. Профессиональные занятия искусством не приветствовались и в некоторых кругах считались дурным тоном. Научную карьеру, преподавание и врачебную деятельность нередко выбирали представители левого, демократического (то есть анти-традиционалистского) крыла дворянства, так называемая дворянская интеллигенция.

⁸⁹ Гнездо «бывших» // КГ. 1929. 1 марта.

⁹⁰ Бисярин В. Об учительстве, «чистке» и самокритике // КГ. 1929. 2 апреля.

⁹¹ «Бедные родственницы» профобра // КГ. 1928. 28 апреля. Вечерний выпуск.

В 1920—1930-е годы многие остерегались работать на административных, управленческих должностях. Предпочтительными были профессиональные сферы, где коллеги были социально близкими, то есть происходили из дореволюционных образованных слоев. Считалось, что чем более специальной является работа, тем более она недоступна для понимания неспециалиста и тем меньше требует контактов с представителями властей, осуществляющими контроль. Важными критериями привлекательности работы были содержание труда и круг общения.

К. Н. Голицын достаточно точно высказывает общее мнение об иерархии престижа профессиональных сфер. Он пишет, что «с первых же лет революции искусство стало полем деятельности для многих и многих “бывших”, и этот почин отцов принял даже форму некой традиции для последующих поколений. Обращение к искусству как к роду деятельности естественно вытекало из той подготовки, которую давала общая система воспитания, существовавшая в культурных дворянских семьях, где обучение музыке и рисованию было обязательным для всех детей, независимо от способностей. <...> ...Наука и искусство позволяют держаться на известном расстоянии от “опасных” зон, где надо либо скрывать свои идеологические симпатии и антипатии, либо — что хуже всего — притворяться своим в кругу чужих».⁹²

В этой цитате дается прежде всего политическое и практическое обоснование выбора искусства и науки как предпочтительных занятий. В других источниках встречаются эстетические оправдания такого выбора. Е. В. Ива́нова вспоминала: «Вот этот слой населения дворянского, которое потеряло почву под ногами, все ринулись в искусство, потому что это был единственный путь к высокому существованию. Все остальное было очень плохо, а это был какой-то просвет. Дворянское сознание, дворянское стремление к чему-то возвышенному подтолкнуло людей к искусству».⁹³

Люди «из бывших», особенно старшее поколение, по возможности старались дистанцироваться от реалий общества, создав для себя с помощью профессионального выбора комфортный мир, куда можно было полностью погрузиться, и сохранив при этом дореволюционный круг общения. Некоторым из них удавалось получать высокую зарплату, реализовывать творческие замыслы, то есть быть социально успешными и по стандартам советского общества, и с точки зрения своей референтной группы.

Многие офицеры царской армии после окончания Гражданской войны стали профессиональными военными в Красной армии, в том числе в

⁹² Голицын К. Н. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. С. 133.

⁹³ Интервью с Ива́новой Екатериной Владимировной, 1906 г. р.

войсках НКВД, включая карательные отряды. Некоторые пошли служить в эти войска для того, чтобы отомстить крестьянам и рабочим за разгром своих родовых поместий. Подобный выбор стал предметом рефлексии и осуждения со стороны мемуаристов.⁹⁴

Мечты о возвышенном, но обеспеченном существовании, далеком от столкновения с советской действительностью (его идеальным воплощением являлась работа в сферах науки, образования и искусства), реализовались лишь для части дворян. В силу отсутствия квалификации и обстоятельств далеко не все имели возможность работать в сфере культуры. Не редким был выбор непрестижных, не требующих специального образования и поэтому малооплачиваемых профессий, позволявших «раствориться» в массе людей.

Исследование показало наличие неравенства по гендерному признаку и гендерных различий в профессиональной интеграции бывших дворян. Мужчины 1910-х годов рождения предпочитали обрести статус пролетария, чтобы в дальнейшем получить более интересную работу. Женщины, как молодые, так и преклонного возраста, в силу специфики своего образования и воспитания, дореволюционного жизненного опыта и установок семьи чаще выбирали работу на дому либо по частному соглашению (преподаватели иностранных языков, танцев, швей). Они чаще попадали в категорию «нетрудовые элементы» и чаще использовали в качестве единственно возможного способа адаптации матримонимальную стратегию.

Итак, на выборе профессий и мест работы отражались отношение к новому режиму; желание или нежелание работать на советскую власть; стремление сохранить дворянские традиции и следовать нормам своего круга или, наоборот, желание полностью ассимилироваться и сделать карьеру при новом режиме; смирение с дискриминацией; желание «забиться в угол» и остаться незамеченными либо несогласие и тихое сопротивление дискриминации (например, скрытие происхождения) и т. д. Однако как случайные шаги, так и рациональные решения в профессиональной сфере были возможны только в рамках, определенных социальной структурой общества, а также возможностями трудоустройства и социальной мобильности, которые существовали на рынке труда.

Исследования реконверсионных стратегий дворян в европейских странах обращают внимание на различия путей реконверсии этого класса в зависимости от специфики исторической ситуации, национальных традиций, законодательства и положения других слоев населения.^{1X} Сравнение результатов исследований показывает: представители социальных групп, имеющих в своем распоряжении схожие ресурсы, в разных стра-

⁹⁴ Об этом пишут: *Волков О. В.* Погружение во тьму; *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика.

нах использовали их противоположным образом и попадали в разные профессиональные сферы, в зависимости от того социального контекста, на фоне которого происходила конвертация. Профессиональными сферами, «зарезервированными» для бывших дворян в СССР, оказались области, связанные с хранением и передачей традиции. Если формирование советской административной бюрократической системы было обусловлено восхождением выдвиженцев, выходцев из рабочих и крестьян, получивших ускоренное высшее техническое образование,⁹⁵ то формирование советской высокой культуры и интеллектуальной традиции происходило при участии старых элит.

---

⁹⁵ Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union.

часть I / глава 3. от «бывших» — к «старой интеллигенции»

В предыдущей главе на примере жизненных траекторий двух поколений было показано, как носители статуса «бывших дворян» постепенно становились советскими специалистами. Их вхождение на советский рынок труда было обусловлено потребностью общества в образованных людях, нехваткой дипломированных кадров, наличием многочисленных конвертируемых ресурсов у старых элит и, главное, слабой профессиональной структурой переходного периода. Социальные макро- и микропроцессы привели к тому, что сильнейшие приспособились к новым условиям, а более слабые (старые, больные, профессионально несостоявшиеся и одинокие люди) пережили деклассирование и были вынуждены уехать из крупных городов. В послевоенный период упоминания о дворянах и их «пронсках» полностью исчезли со страниц советской прессы. Потомки дворянских семей растворились в советском обществе.

Уход какой-либо группы с социальной сцены указывает на то, что за этим процессом стоит работа по реконверсии. Если какая-либо социальная группа исчезла — значит, появилась новая и возникли механизмы перехода из одной группы в другую. Советское общество, пережившее в первой половине 1930-х годов огосударствление экономики, индустриализацию, беспрецедентную в истории миграцию в города из сельской местности, изменение конъюнктуры рынка

труда и появление новых профессий, находилось в то время в стадии формирования социальной структуры. Появлялись новые идентичности, новые правила коммуникации в публичной и частной сфере, новые иерархии престижа. Представители всех социальных групп нашли свое место в социальной структуре советского общества в период социалистической реконструкции.

Язык советской прессы при описании социально-структурных изменений¹

Процесс вхождения на советский рынок труда двух поколений бывших элит был объектом пристального внимания со стороны советской прессы. В разные периоды этому вопросу придавалась большая или меньшая значимость, однако об окончательном его исчезновении из публичной дискуссии говорить нельзя. Газетная дискуссия 1920–1930-х годов интересна для социологического исследования тем, что в ходе ее осуществлялся поиск языка для описания социально-структурного процесса, легитимировались категории, которыми можно было бы официально обозначить тех или иных советских граждан и социальные группы.

Освещение реконверсии «бывших» представляло собой сложную задачу, ибо речь шла о процессе весьма противоречивом, а именно о стигматизации «чуждой» и дискриминируемой группы к выполнению общественно значимой творческой работы. Потребовалось изобретение новых слов, с помощью которых можно было бы обозначить отрицательных и положительных героев и различные промежуточные варианты.

Анализ публикаций довоенного периода показывает, что советский новояз использовался чаще всего для обозначения отрицательных персонажей и нежелательных ситуаций. Для описания позитивных общественных процессов чаще употреблялись знакомые русские слова, кото-

¹ Для исследования языка описания социально-структурного процесса были проанализированы публикации газеты «Комсомольская правда» с 1925 по 1941 год. Эта газета, имевшая важную идеологическую миссию — воспитание молодежи, информировала об основных политических событиях, о противоречиях и конфликтах в вузах и на заводах, в комсомольских и партийных ячейках, описывала житейские истории, давала оценку книгам и театральным постановкам. Кроме этого, использовались также публикации газет «Ленинградская правда» и «Красная газета» за 1920–1930-е годы.

рые, однако, за исследуемый период изменили свое исконное значение. Так, для обозначения негативных проявлений представителей старых элит использовались слова «буржуй», «из бывших», «нетрудовой элемент», для описания позитивных проявлений — «специалист», «интеллигент».

Пресса не скрывала, что все эти понятия могли быть применены по отношению к одному и тому же человеку в разные периоды его жизни. Категории эти были необъективны, их употребление определялось конкретной ситуацией. Эта подвижность «классовых» категорий играла большую роль в процессе приспособления «бывших» к новой жизни, поскольку она давала надежду на положительный исход их мытарств. Этими категориями манипулировали и представители власти, и простые люди, и эти манипуляции были вполне легитимны и очевидны для всех.

Каждый представитель «эксплуататорских классов» мог быть в один момент определен как «бывший», а в другой момент — как «буржуазный специалист» («старый интеллигент»). В целом «бывшими» обычно называли бесполезных или вредных граждан (не работающих, замешанных в махинациях, отстаивающих свои права, особенно в жилищной сфере), а «старыми интеллигентами» — полезных, востребованных советских специалистов, подозреваемых в несоветских взглядах из-за социального происхождения. Публикации прессы намекают на то, что целью каждого человека «из бывших» должно быть превращение в «старого интеллигента», а затем — в «советского специалиста». Эту трансформацию детально описывали журналисты, и их публикации находили отклик у читателей.

Если негативные понятия советского новояза к началу 1940-х годов фактически сошли со сцены (или, во всяком случае, исчезли со страниц прессы), то понятие «интеллигенция» стало широкоупотребительным и претерпело существенные изменения по сравнению со своим дореволюционным использованием. Исследование эволюции этого понятия в послереволюционное двадцатилетие представляется важным, ибо именно его стали использовать представители бывших элит для самоописания.

Понятие «интеллигенция»

В начале XX века понятие «интеллигенция», обозначавшее критически мыслящий и социально гетерогенный слой, противопоставлялось понятиям «профессионалы», «чиновники», «светские люди». Основным критерием для определения принадлежности к интеллигенции являлась четко выраженная политическая позиция. К интеллигенции причисляли тех, кто считал своим предназначением прежде всего работу на благо общества, а не службу царю или государству. Представители радикаль-

ной интеллигенции декларировали нежелание сотрудничать с государством в каких-либо формах, отказывались работать в государственных учреждениях и министерствах и считали, что компромиссы с государством неуместны.² Оппозицию интеллигенции составляли представители образованных слоев, для которых политическая ориентация и гражданская позиция были не столь значимы.

С первых лет революции до середины 1920-х годов это слово начало терять свои предреволюционные коннотации. Слова «интеллигенция» и «интеллигенты» стали употреблять по отношению ко всем представителям дореволюционных образованных слоев, которые были признаны «трудящимися» и работали на советское государство. Однако вследствие отрицательного отношения многих лидеров страны к этому термину он никогда не был в полной мере положительным и всегда нес в себе и отрицательные смыслы. Например, на протяжении 1920-х годов востребованных специалистов называли «интеллигентами-обывателями», противопоставляя их образованной части революционеров, так называемым пролетариям по призванию.

Интеллигенцию (или дореволюционный образованный слой) газеты критиковали с марксистских позиций: во-первых, за политический «импрессионизм» и отсутствие классовой ненависти, и во-вторых, за готовность обслуживать любой господствующий класс идеологически и технически. Авторы газетных публикаций подробно описывали, каким образом эти два недостатка проявлялись в отрицательных чертах интеллигента как до революции, так и после.

Карикатурные черты внешности и характера интеллигента, предлагавшиеся прессой, были запоминающимися и давали почву для развития конфликтов в различных социальных пространствах — от заводского цеха до коммунальной кухни. Карикатурный образ бежал впереди реальности, создавая клише, поддерживающие новую господствующую идею «классовой» структуры переходного периода.

Интеллигент — это «мелкобуржуазный хлюпик», которому на словах свойствен «возвышенный гуманизм» и «просвещенное самопожертвование», романтическое бунтарство и бутафорская воинственность. За прекраснодушьем и кричащими левыми фразами интеллигент не видит действительного смысла революции, ее закономерностей и исторических целей.³ Интеллигент укрывается от реальности в мире «украшательской

² Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in the Late Imperial Russia / Eds. E. W. Clowes, S. D. Kassow, J. L. West. Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1991.

³ Бровман Г. Разоблачение буржуазного героя // Комсомольская правда (далее — КП). 1932. 17 января.

идеологии» и «идиллических иллюзий», а если он сталкивается с реальной жизнью, сразу видно, что в нем нет ничего героического и привлекательного. Те черты характера, что представляются людям из среды интеллигенции положительными, а именно стремление к свободе и человечности, на деле являются заботой о своих интересах, еще не до конца осознанным «пленением буржуазной идеологией». Интеллигент ведет себя в соответствии с его идеалом «хорошего» человека, на самом же деле за его словами скрывается «внутренняя опустошенность или духовная нищета».⁴

Интеллигенту свойствен индивидуализм, жизнь «в одиночке». Как в годы, предшествующие революции, индивидуалист-одиночка «смаковал свою отрешенность, читая символистов», так и после революции классовое сознание не дает ему возможности познать «чувства общности», «несмотря на свою способность искренне и преданно бороться в рядах Красной армии, бороться за культурную революцию и разделять стремления авангарда мирового пролетариата».⁵

Дореволюционных, как и иностранных («буржуазных»), интеллигентов характеризует теоретичность, оторванность от живой действительности и практики, замкнутость в своем мире, неустойчивость политических взглядов и настроений, ренегатство.⁶ Для интеллигента-обывателя главное — свое дело, своя сфера реализации, а также комфортные условия работы и проживания.⁷

Жизнь в семьях интеллигентов характеризуется атмосферой расплывчатого «размагничивающегося» интеллигентского гуманизма, прекраснодушия, беспредметной честности и благородства. Интеллигент — неисправимый идеалист, романтик-семинарист, типичный мелкобуржуазный сеятель разумного, доброго, вечного. Он, «конечно, против войны, против правительства, против Думы». Когда же власть переходит к большевикам, он смущен, растерян, подавлен, истерически возмущен варварством коммунистов, «вопит о свободе, гуманизме, справедливости».

Некоторые интеллигенты обладают эгоцентризмом, индивидуализмом, непомерным болезненным самолюбием, замкнутостью, мечтами о славе, о том, чтобы стать самыми главными, выделиться, завоевать Москву. Это заставляет их совершать резкие, иногда непоправимо ошибочные, поступки. Они «болезненно путаются в дебрях мещанского индивидуализма».⁸

⁴ *Корабельников Г.* Талант и направление // Литературная газета (далее — ЛГ). 1933. 23 апреля.

⁵ *Колесникова О.* «Три измерения Калерии Липской». Новый роман Н. Огнева // ЛГ. 1933. 29 июля.

⁶ *Пинкевич А. П.* О пролетарском интеллигенте и его культурности // КП. 1934. 26 марта.

⁷ *Луначарский А.* Девятисотые годы. Корни Андреева // КП. 1926. 24 октября.

⁸ *Брайнина Б.* О романе Б. Левина «Юноша» // КП. 1934. 11 мая.

Иной интеллигент — это бездельник, бывший рантье, который кое-что знает и ничего не умеет и может поболтать обо всем понемногу, к месту рассказать исторический анекдот и произнести застольную речь.⁹

Герои публикаций «Комсомольской правды», которых называют интеллигентами, — это в основном взрослые мужчины, специалисты, чаще всего ученые или инженеры. Для женщин и молодых людей, принадлежащих к той же группе, были подобраны свои определения. Например, молодых беспартийных интеллигенток называют «барышнями», по контрасту с комсомолками, которых называют «девчатами».¹⁰ «Барышни» и «девчата» различались внешне. Например, барышни — с длинными волосами, а девчата — с короткими. Девчата — румяные, а барышни — бледные.¹¹ Детей интеллигентов, которые, пользуясь родительскими связями, проникают в вузы в обход классового набора, называют «жоржиками».¹² Пожилых женщин из интеллигенции, работающих воспитательницами или учительницами, — «мадам» или «мадемуазель».¹³

Значительное количество публикаций было посвящено «интеллигентной молодежи», которая стремилась влиться в ряды комсомола. Эти молодые люди и девушки из интеллигенции, которых относили по признаку социального происхождения в категорию «прочие», считали, что уже преодолели классовую сущность своей семьи. В 1925—1926 годах в «Комсомольской правде» обсуждалось, что «прочие» не только пишут заявления на вступление в комсомол, но без конца подают апелляции и жалобы, если их не принимают.

Эта проблема обсуждалась на VII съезде комсомола: «Проблема коммунистического влияния на рабоче-крестьянскую молодежь разрешается РЛКСМ более или менее удовлетворительно, чего нельзя утверждать по отношению к интеллигентской так называемой “прочей” молодежи. <...> Необходимо уделить большее внимание работе среди учащейся и служащей молодежи и, оставаясь на прежних решениях в отношении приема интеллигенции в союз, усилить работу советских ячеек. <...> Раскрыть в настоящий момент сколько-нибудь широко двери в союз для “прочей” молодежи безусловно нельзя. Эту мысль надо представителям интеллигентской молодежи твердо усвоить и прекратить бумажный поток жалоб и заявлений руководителям партии и со-

⁹ Вольберг Е. В борьбе за культуру // КП. 1934. 12 декабря.

¹⁰ Нагрузка, кино, базар, девчата // КП. 1926. 5 января.

¹¹ Витензон З. Чей грех? (0 романе В. Вересаева «Сестры») // КП. 1933. 15 июня.

¹² «Учащиеся» по протекции // КП. 1928. 20 октября.

¹³ Детский уголок мадам Полетаевой // КП. 1928. 23 мая; «Мадемуазель Лили» и «мадам Рош» // КП. 1935. 17 июля.

юза».¹⁴ «Мы не можем широко раскрыть двери нашего союза для этой молодежи. Отсюда и возникают главные трудности работы. Требуется большой политический такт, умение маневрировать, чтобы группировать эту молодежь вокруг нашего союза, не вовлекая ее, однако, в организацию. Это нам не всегда удастся, и тогда активность обращается против нас. Некоторые, слишком горячие, товарищи склонны определять всю интеллигентскую молодежь как молодежь, нам враждебную. Это неверно. В громадном большинстве эта молодежь нашей организации сочувствует».¹⁵

Отмечается, что у «пролетарского студенчества» есть «политическая закалка», но они мало подготовлены по философии и не занимаются в научных кружках, в отличие от беспартийных интеллигентов. Поэтому беспартийные идеалисты более способны убедить в своих взглядах, чем партийные материалисты. В школах среди молодежи, не охваченной комсомолом, возникают различные кружки; например, в одной школе возникла «группа школьной интеллигенции», в другой — «лига остроумных людей», в третьей — баптистские группы.¹⁶

«Старая интеллигенция»

В конце 1920-х годов появилось разделение на «старую» и «новую интеллигенцию», и с начала первой пятилетки эти понятия становятся расхожими клише.

Публикации 1928 года акцентируют внимание на ловкости взрослых представителей «старой интеллигенции», на том, что у них повсюду имеются связи, которые позволяют им преодолевать любые барьеры на своем пути. Например, описываются многообразные махинации интеллигенции при устройстве детей в вузы.¹⁷ Также рассказывается об умении директоров школ из «старой интеллигенции» обходить советы парторганизации. Эти директора заручались поддержкой своих людей в Наркомпросе и, пользуясь связями, насаждали в школах чуждую идеологию и вопреки запретам прививали учащимся старые традиции.¹⁸

После «разгрома вредителей» в ходе показательных процессов конца 1920—начала 1930-х годов много говорилось о политической позиции

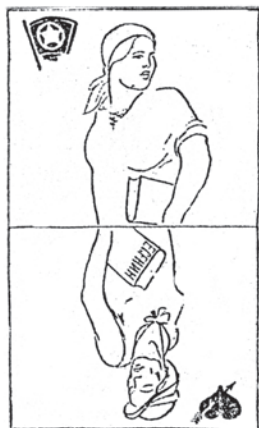
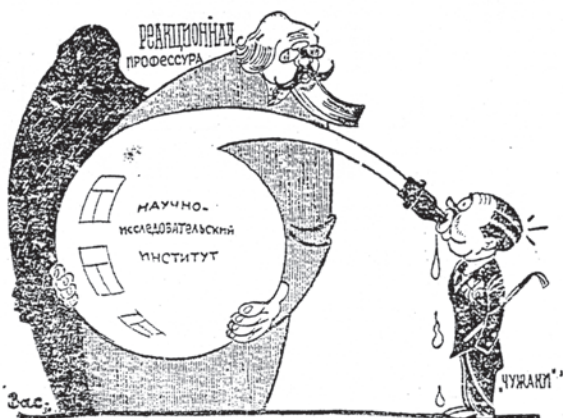
¹⁴ «Прочая» молодежь и комсомол // КП. 1926. 6 марта.

¹⁵ Комсомол и интеллигентная молодежь // КП. 1925. 15 января.

¹⁶ Тайные общества и союзы // КП. 1928. 6 марта.

¹⁷ «Учащиеся» по протекции // КП. 1928. 20 октября.

¹⁸ Детский уголок мадам Полетаевой // КП. 1928. 23 мая.

В ней жили две души...

Карикатуры на «старую интеллигенцию»

Источники: 1) Тихая пристань молодых чужаков // КП. 1930. 9 февраля;
 2) Витензон З. Чей грех (о романе В. Вересаева «Сестры») // КП. 1933. 15 июня

«старой интеллигенции». Утверждалось, что политическая позиция, политическое лицо интеллигенции, в особенности инженерно-технической, очень важны, поскольку «техника — это фронт классовой борьбы», а от инженеров зависит рост производительных сил.

«Обывательство» старой технической интеллигенции (отсутствие интереса к политическим вопросам или чисто показной, буафорский интерес к ним) по сравнению с периодом НЭПа стало считаться проблемой государственной важности, что нашло отражение в фильмах и литературных произведениях.

«Среди путей, которыми старая техническая интеллигенция находит себе место в советском строительстве, “производственный” путь встречается наиболее часто. Возможность заниматься своим любимым делом превращает иногда заядлого контрреволюционера в добросовестного советского работника... Но путь этот скользкий и ничего героического в себе не скрывает. Достаточно какой-нибудь заминки в производстве... и этот инженер, “влюбленный” в свое дело, станет подыскивать себе более удобного хозяина. Достаточно того, чтобы вредительский акт коснулся не того производства, в котором лично заинтересован инженер, а какого-нибудь другого, хотя бы соседнего, и преданный специалист превращается в укрывателя преступления либо в равнодушного обывателя».¹⁹

Вредительство инженерно-технической интеллигенции предписывалось сценарием процесса построения социализма, описанным Энгельсом и Лениным. Энгельс писал об этом в 1891 году, Ленин — сразу после революции.²⁰ Поэтому вредительство считалось закономерным.

Сталин в работе «Вопросы ленинизма» предложил свое понимание расслоения в рядах технической интеллигенции²¹ и борьбы с интеллигентами-вредителями. Согласно его концепции, наиболее квалифицированная и влиятельная часть «старой интеллигенции» с первых дней революции являлась самым ярким противником советской власти, а в дальнейшем была вынуждена работать, но стала заниматься вредительством и шпионажем. К 1931 году эта часть «старой интеллигенции» была обезврежена.

«Менее квалифицированная, но более многочисленная часть топталась на месте в ожидании “лучших времен”, потом решила ужиться с советской властью. В большинстве своем интеллигенты этого типа успели уже состариться и начинают выходить из строя. Третья часть ста-

¹⁹ Алперс Б. Инженер Елагин // КП. 1928. 23 июня.

²⁰ Два мира — две интеллигенции. Старая интеллигенция в революции // КП. 1931. 26 сентября.

²¹ Баскин М. П. Советская интеллигенция // КП. 1936. 26 декабря.

рой интеллигенции, преимущественно рядовая, еще менее квалифицированная, присоединилась к народу и пошла за советской властью. Этой части интеллигенции не хватало знаний, и она стала доучиваться в советских вузах».²²

То, что наиболее квалифицированная часть интеллигенции оказалась против советской власти, объясняется «обывательским» или «кастовым» горизонтом специалистов: чем квалифицированнее специалист, тем более он оторван от общественно-политических вопросов.

В начале 1930-х годов появляется идея о том, что «значительная часть инженерно-технических кадров работают с большой отдачей потому, что видят, что власть пролетариата упрочилась. Притягательная сила экономического господства начинает колебать и обращать в сторону пролетариата все большую и большую часть технической интеллигенции».²³ На повестке дня стоял вопрос об окончательном перевоспитании «старой интеллигенции», заботе о ней и привлечении в трудовой коллектив. Перевоспитывать и вести за собой «старую интеллигенцию» должен был «невиданный в мире класс-инженер, класс-конструктор, класс-архитектор, класс-строитель — пролетариат».

«Новая интеллигенция»

В годы первой пятилетки, когда началось выдвижение выходцев из рабочего класса в вузы, а затем на административные позиции, появилась необходимость в описании процесса формирования новых элит и их взаимодействия со старыми элитами. Понятие «новая советская интеллигенция» начало активно использоваться в прессе с 1931 года, после того как оно прозвучало в программной речи Сталина «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» 23 июня 1931 года. Под «новой интеллигенцией» понимались работники умственного труда из рабочих и крестьян. В этом докладе заявлялось о необходимости создания «производственно-технической интеллигенции рабочего класса», то есть прежде всего инженеров.

Идеологически необходимость создания «новой интеллигенции» обосновывалась тем, что после «года великого перелома», ознаменовавшего наступление социализма по всем фронтам, СССР вступил в новую фазу развития, в которой «нужны не всякие командные и инженерно-технические силы. Нам нужны такие командные и инженерно-технические

²² Интеллигенция страны социализма // КП. 1939. 4 апреля.

²³ Два мира — две интеллигенции. Старая интеллигенция в революции // КП. 1931. 26 сентября.

силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть. А что это значит? Это значит, что наша страна вступила в такую фазу развития, когда рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию, способную отстаивать его интересы в производстве как интересы господствующего класса».

Со своей стороны, государство не ограничивалось декларациями о правах и обязанностях технической интеллигенции, оно принимало меры по улучшению жизни и быта специалистов. 3 августа 1931 года было принято постановление ЦИК и СНК «Об улучшении бытовых условий инженерно-технических работников». По этому постановлению инженерно-технические работники уравнивались в правах с промышленными рабочими. До этого инженеры входили в категорию «служащих», на них распространялись некоторые ограничения в правах. Согласно новому постановлению, дети инженерно-технических работников могли поступать в вузы, пользуясь теми же льготами, что и дети рабочих. Инженерам выплачивались страховые пособия по временной нетрудоспособности и выделялись места в санаториях наравне с промышленными рабочими. Инженеры получили налоговые льготы, преимущества в снабжении предметами потребления, приоритетное право на получение жилья и, кроме того, в случае необходимости право на получение дополнительной жилплощади наравне с ответственными работниками.

Одним из способов создания пролетарских инженерных кадров было выдвижение рабочих на руководящие должности. В конце 1931 года в газетах приводятся рапорты различных предприятий о создании на них своей интеллигенции. Например, завод по производству резино-ткацких изделий рапортовал: «Наш завод активно включился в работу по выполнению четвертого условия тов. Сталина. Создание производственно-технической интеллигенции из рабочего класса получило у нас довольно широкое применение на практике. Почти весь руководящий технический персонал состоит из рабочих нашего же предприятия. Главный инженер завода — рабочий инструментального завода, окончивший бывшее Московское высшее техническое училище. Зав. производством — рабочий. Мастера — также выдвиженцы-рабочие».²⁴

В декабрьских статьях «Комсомольской правды» 1932 года подвоятся итоги проделанной работы. Одним из результатов является возросшее в несколько раз количество инженеров. «Если в конце 1929 года в тяжелой индустрии было 68 тысяч инженеров и техников, то в конце 1932 года это число возросло до 228 тысяч».²⁵

²⁴ Хозяева поддерживают инициативу комсомола // КП. 1931. 17 декабря.

²⁵ Внимание молодому специалисту // КП. 1932. 3 декабря.

В 1932 году начинаются преобразования гуманитарных областей знания, сферы культуры и искусства. Выходит постановление о запрете негосударственных творческих объединений, прекращают свое существование РАПП, Пролеткульт, другие ассоциации, активно действовавшие в период культурной революции, создается Союз писателей, а затем Союзы художников и композиторов.²⁶

Начинается агитационная кампания, направленная на то, чтобы рабочая молодежь приобретала гуманитарные профессии и пополняла ряды социально-культурной интеллигенции. При этом сообщается, что вся молодежь хочет стать инженерами на предприятиях, а престиж всех остальных профессий очень низок. «И у всех тех, кто стремится под различными предлогами улизнуть с работы на социально-культурном фронте, одна мысль: стать инженером. Вот инженер — это другое дело. Инженеру — почет, уважение. Домны, мартены, блюминги, сложные механизмы... Это действительно!.. Вокруг всего остального — неиндустриального — создается атмосфера какой-то второсортности».²⁷

«Но задачи, поставленные для второй пятилетки, нельзя будет решить, если мы не создадим, не воспитаем свою интеллигенцию также и на всех других участках социалистического строительства, интеллигенцию, способную отстаивать интересы господствующего класса. Нам нужны врачи, учителя, бухгалтера, кооператоры, плановики, экономисты не менее, чем инженеры. Без них нельзя осуществить грандиозную программу социалистического строительства».²⁸ С призывом к молодежи «дать кадры всем участкам социалистического строительства» выступает Н. К. Крупская.²⁹

Появляются публикации, описывающие жизненный путь знаменитых ученых, русских и иностранных, которые родились в рабочих семьях и в дальнейшем сделали великие открытия. «В переполненной мастерской начал свою научную деятельность сын кузнеца, Михаил Фарадей. Пытливый ум, упорное желание, исключительная работоспособность, необычайная организованность — вот характерные черты методов работы великого физика над овладением научными знаниями. <...> Фарадей много читал, но он читал не просто ради чтения. С самого раннего возраста каждое утверждение из области физики или химии он по возможности проверяет самостоятельно, прежде чем ему поверить. Это было системой его работы».³⁰

²⁶ Mally L. Culture of the Future. The Proletkult Movement in Revolutionary Russia. Berkeley etc.: University of California Press. 1990; Вихавайнен Т. Внутренний враг.

²⁷ И парень хочет в индустриальное // КП. 1932. 9 сентября.

²⁸ Создадим кадры социально-культурной интеллигенции // КП. 1932. 9 сентября.

²⁹ Крупская Н. Дать кадры всем участкам соцстроительства // КП. 1932. 9 сентября.

³⁰ Учитесь у них учиться. Михаил Фарадей — великий физик // КП. 1932. 22 ноября.

На будущее ставится задача предотвратить возможные политические колебания интеллигенции в моменты обострения классовой борьбы. Для этого планируется развертывание политической работы среди «новой интеллигенции» и одновременно окончательное «дочищение» «бывших людей» и вредителей, которые портят общественную собственность.

С решения этих задач государственной политики начинается 1933 год. В газетах публикуются призывы не допускать преобладания в руководстве комсомола непролетарской молодежи, поскольку это может «открыть в актив доступ тем вредным для союза настроениям, шатаниям, колебаниям, которые не свойственны основным кадрам пролетариата».³¹ Летом 1933 года проводится очередная чистка рядов комсомола и партии. На этот раз чистка направлена в основном против карьеристов, то есть тех, кто вошел в партию исключительно из соображений личной выгоды, а не ради общего дела.³²

Дискуссия об интеллигенции 1934 года посвящена тому, каким быть интеллигенту, какими человеческими, личностными качествами он должен обладать. 15 февраля 1934 года был вынесен на суд читателей очерк Б. Клавина «Встреча» — о встрече представителя «новой интеллигенции», студента инженерного втуза Москвы, бывшего крестьянина Владимира Строева и его старой приятельницы Елены Воронцовой, приехавшей его навестить из маленького провинциального городка. Описывается скудный общежитский быт Строева и его столь же скудный кругозор. Он ничего не знает о Москве, о культуре, не хочет ничего показывать и рассказывать своей старой подруге. Все свободное время он занимается чертежами, и он на хорошем счету в учебном заведении и на производстве. На обсуждение читателей был вынесен вопрос: «Достаточно ли только специальных знаний для нашего интеллигента? Каким же должен быть интеллигент нашей страны?»

Эта публикация вызвала множество писем в редакцию и защищающих Владимира Строева, и порицающих его образ жизни. На первой полосе «Комсомольской правды» содержатся призывы к комсомольцам отправиться «в поход за культурой».³³

«Вопрос, поднятый редакцией о советской интеллигенции, настолько актуален, что не писать о нем нельзя. <...> Интеллигент нашей страны должен во всяком случае хотя бы элементарно разбираться в вопро-

³¹ Коротяев В. Какой активист нам нужен: коренную рабочую молодежь — к рулю союзного руководства // КП. 1933. 23 марта.

³² Лазаревский. Карьерист // КП. 1933. 29 июля.

³³ В поход за культуру! // КП. 1934. 18 февраля. Подробнее об этом см.: Волков В. В. Концепция культуры, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1/2. С. 194–214.

сах литературы, театра, живописи и т. д. Для нашего нового интеллигента мало знать технику своего дела — необходимо быть в курсе литературной жизни, театра, живописи. Грубость, некультурность — качества не для наших специалистов. А в том, что мы грубы и некультурны, — во многом сами виноваты».³⁴

«В быту мы еще не очень поспеваем за своим собственным ростом. Грубый язык не только встречается, но часто даже культивируется каким-нибудь “опростившимся” чистоплюем или замаскировавшимся под “своего парня” чужаком. Грубость языка и манер прежде всего унижает человека, давным-давно стоящего головой выше своего языка. Разве не стыдно слышать беспричинную “от души” брань от человека, у которого в руках книга, чертеж, сложная деталь машины или штурвал комбайна? А она налипла на язык, она вошла в привычку. Гнать ее с языка!»³⁵

В том же 1934 году в рамках дискуссии «о пролетарском интеллигенте и его культуре» рассматривается вопрос об отличии «новой советской интеллигенции» от интеллигенции в капиталистических странах. Главное отличие — для западной буржуазной интеллигенции, как и для дореволюционной интеллигенции в России, характерны «неустойчивость политических взглядов и настроений, политический импрессионизм». Пролетарский интеллигент отличается устойчивостью политических взглядов, он идейно вооружен единственно научным мировоззрением — марксизмом-ленинизмом. Пролетарского интеллигента отличают следующие черты: он не знает разрыва между умственным и физическим трудом; он связан с массой; он «свой, родной для массы человек», он «подходит к рабочему и колхознику как друг, товарищ, брат», он «ярко выраженный общественник», «ему чужды эгоизм и индивидуализм буржуазной интеллигенции»; он умеет работать в коллективе, он воспитался на соцсоревновании и ударничестве; пролетарский интеллигент «связан с живой действительностью и живой практикой», он далек от «теоретичности», «оторванности от живой действительности», которые свойственны буржуазному интеллигенту; он никогда не становится «узким специалистом-ремесленником», каким часто делается буржуазный интеллигент-специалист. И главное — «новый интеллигент» обладает классовой ненавистью: «В числе этих благородных качеств советского гражданина, молодого человека Страны Советов — классовая ненависть. Умное, зрячее, пламенное чувство глубокой и органической ненависти к врагу, ко всему грязному и мерзостному, что осталось от старого мира, от его волчьих законов, от его смрадного быта, от его нравственного маразма».³⁶

³⁴ Кто виноват? // КП. 1934. 22 февраля.

³⁵ Вопрос отнюдь не праздный: вежливость — дисциплина быта // КП. 1934. 30 мая.

³⁶ Наша ненависть // КП. 1935. 23 сентября.

В 1935 году в дискуссию об интеллигенции вливается новая струя. 20 февраля 1935 года в «Комсомолке» публикуется статья под названием «Интеллигенты», где указывается, что рабочие в СССР тоже являются интеллигентами. Рабочие читают художественную литературу, посещают музеи, галереи, театры, ездят на экскурсии в другие города, у многих большие домашние библиотеки. Таким образом, акцентируется внимание на том, что умственный труд не является основным критерием принадлежности к интеллигенции. Основные критерии — это устойчивость политических взглядов и культурность.

В 1936 году объявлена победа пролетариата в деле перевоспитания старой технической интеллигенции. Это достижение считалось результатом закономерного процесса. Поскольку пролетариат стал поистине господствующим классом, то и «старая интеллигенция» убежденно служит новому господствующему классу, «обслуживает его». ³⁷ «Ныне та часть интеллигенции, которая вышла из дворянства и капиталистов, в своей преобладающей части находится в рядах строительства социализма». ³⁸

В ноябре 1936 года была принята новая Конституция, закрепившая новую концепцию социальной структуры СССР. Согласно ей, в стране существовало два неантагонистических класса (рабочие и крестьяне) и прослойка (интеллигенция). В докладе по поводу принятия новой Конституции Сталин подробно остановился на вопросе изменения статуса интеллигенции в советском обществе. «Это уже не та старая заскорузлая интеллигенция, которая пыталась ставить себя над классами, а на самом деле служила в своей массе помещикам и капиталистам. Наша советская интеллигенция — это совершенно новая интеллигенция, связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством. Изменился, наконец, и самый характер деятельности интеллигенции. Раньше она должна была служить богатым классам, ибо у нее не было другого выхода. Теперь она должна служить народу, ибо не стало больше эксплуататорских классов. И именно поэтому она является теперь равноправным членом советского общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового бесклассового социалистического общества. Как видите, это совершенно новая, трудовая интеллигенция, подобной которой не найдете ни в одной стране земного шара». ³⁹

Сталин указывает, что выходцы из дворянства и буржуазии составляют примерно 10 процентов интеллигенции. «80—90 процентов совет-

---

³⁷ Каганович Л. М. Врагов революции карать беспощадно (речь на заседании, посвященном 50-летию со дня смерти К. Маркса) // КП. 1933. 16 марта.

³⁸ Баскин М. П. Советская интеллигенция // КП. 1936. 26 декабря.

³⁹ Доклад товарища И. В. Сталина о проекте Конституции Союза ССР // КП. 1936. 26 ноября.

ской интеллигенции — это выходцы из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся». ⁴⁰

Одной из задач на будущее признано полное стирание различий между умственным и физическим трудом и исчезновение интеллигенции как особой общественной прослойки. ⁴¹

В 1937—1938 годах входит в обиход и начинает активно использоваться понятие «сельская интеллигенция». Перечисляются профессии, которые можно отнести к «сельским интеллигентским профессиям». «Сейчас редкое село не имеет целой группы интеллигентов. На селе появились тысячи людей новых профессий: инженеры машинно-тракторных станций, зоотехники животноводческих ферм, заведующие хатами-лабораториями, педагоги средних школ, механики ремонтных мастерских, избачи, ветеринары, юристы... Выросли новые образованные люди — комбайнеры, трактористы, бригадиры, животноводы». ⁴² С обращениями в адрес сельской интеллигенции выступает Н. К. Крупская, призывая колхозников к учебе и повышению культурного уровня. ⁴³

1936—1937 годы также ознаменовались очередной бурной дискуссией на страницах «Комсомольской правды». Поводом для нее послужила статья журналиста С. Крушинского «Неравный брак» от 9 декабря 1936 года, написанная в ответ на присланное в редакцию письмо комсомолки Зои Петровой, которая вышла замуж за человека менее образованного, чем она сама, и теперь сомневается, правильный ли шаг она сделала, связав свою жизнь с человеком более низкого культурного уровня. Дискуссия единодушно заклеяла старомодные предрассудки. Муж Зои, комбайнер, также является интеллигентом, как и родители Зои, имеющие высшее образование.

Конец 1938-го и 1939 год — это публикации о необходимости освоения всеми интеллигентами краткого курса истории ВКП(б) и об участии комсомола в «идейном вооружении» интеллигенции. «Для того чтобы быть на высоте своего положения, кадры советской интеллигенции должны быть вооружены марксистско-ленинской теорией и диалектическим способом мышления», — пишет «Комсомольская правда». ⁴⁴

В конце 1930-х годов интеллигенцию называют в нескольких публикациях «солью земли советской». Представителей творческой интеллигенции награждают орденами и медалями. На XVIII съезде партии Жданов озвучивает решение партии об отмене неравенства между ра-

⁴⁰ Баскин М. П. Советская интеллигенция.

⁴¹ Там же.

⁴² Идеино вооружать интеллигенцию колхозной деревни // КП. 1938. 6 октября.

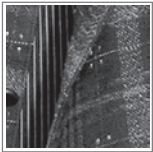
⁴³ Крупская Н. К. К сельской интеллигенции // КП. 1937. 26 июля.

⁴⁴ Энциклопедия марксистских знаний // КП. 1938. 12 октября.

бочими и интеллигентами при приеме в партию. В ответ на это от интеллигенции ожидают создания «новых и ярких произведений, отражающих все величие Сталинской эпохи». ⁴⁵ Вместе с тем провозглашается «полная победа социализма в области культуры». ⁴⁶

Перед самой войной понятия «интеллигенция» и «интеллигентность» стали совсем размытыми. «На глазах всего мира в нашей стране происходит величественное явление в мировой истории — стосемидесяти-миллионный народ становится интеллигентным, неуклонно растет число интеллигентных рабочих, колхозников, служащих, членов их семей, стираются грани между умственным трудом и физическим». ⁴⁷

Язык для самоописания дворян 1910-х годов рождения

Газеты были главным источником информации, и именно они доносили до людей основные идеологические установки. Все люди, соприкасавшиеся с государственными структурами, находились под влиянием официального дискурса. ⁴⁸ И наши интервью, и другие публикации показывают, что вне советского идеологического контекста оставались лишь крестьяне старшего возраста из удаленных районов, домохозяйки, домработницы. У активного члена общества, работающего на государственной службе, усвоение новых категорий языка и их значений происходило само собой. ⁴⁹ Предметом интереса исто-

⁴⁵ Молодая интеллигенция страны социализма // КП. 1939. 14 февраля.

⁴⁶ О полной победе социализма в области культуры // КП. 1939. 5 марта.

⁴⁷ За процветание передовой науки // КП. 1939. 17 мая.

⁴⁸ Под «дискурсом» понимается «такое использование языка, когда речь или письменный язык рассматриваются как тип социальной практики» (*Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.* Социоллингвистика и социология языка. СПб., 2004. С. 254). «Советский официальный дискурс» — это закрепленный в языке набор норм и правил поведения, который оказывал формирующее влияние на возникавшую в ранний советский период социальную организацию, идентичность и социальные отношения.

⁴⁹ *Brooks J.* «Thank You, Comrade Stalin!». *Soviet Public Culture from Revolution to Cold War.* Princeton: Princeton University Press, 2000; *Garros V., Korenevskaya N., Lahusen T.* *Intimacy and Terror: Soviet Diaries in the 1930s.* New York: New Press, 1995; На корме времени: интервью с ленинградцами 1930-х годов.

риков и социологов является то, каким образом эти категории влияли на субъективность советского человека, его самоидентификацию.⁵⁰

Исследования раннего советского общества говорят о том, что роль публичного дискурса и категорий советского идеологического языка для самоидентификации советских людей была очень велика. Йохан Хельбек показывает, что молодые горожане-мигранты учились писать «по-советски» и применяли официальные критерии обвинения и оправдания по отношению к своим действиям и поступкам. Игал Халфин исследует, как приемные комиссии учебных заведений, рабоче-крестьянские инспекции, профсоюзы, комсомольские ячейки, студенческая пресса предлагали учащейся молодежи не только категории для самоописания, но и способы приспособления своей биографии к данной категории. Так, например, значительное количество людей различными путями стали по документам и по самоощущению «пролетариями» во время вступления в комсомол, при зачислении на работу и в вузы.

Советская официальная идеология предложила вариант самоидентификации и для людей «из бывших», который частично был воспринят ими и помог определить как свое место в обществе, так и границы своей социальной группы.

Выходцы из старых элит по неуловимым признакам узнавали друг друга в школе и в дальнейшем — в высших учебных заведениях и на рабочих местах. Если они начинали общаться, даже бывать друг у друга в гостях, не было принято задавать вопросы, касающиеся «политически значимых» тем, особенно социального происхождения, арестов и ссылок. Дворянская идентичность, если она была кому-либо присуща, являлась внутренним интимным ощущением, которое было не принято обсуждать.

«С близкими друзьями мы не разговаривали совершенно. Это было в нас воспитано. По-настоящему мы так и не научились говорить. Просто потом оказалось, что близкие люди всё и так понимали без слов. То есть сам выбор друга определял и развитие у этого человека отношения к действительности. Без всяких слов, собственно говоря».⁵¹

Объединяющими моментами были мировоззрение, интерес к культуре, способы осмысления и обсуждения, проведение досуга. Кроме этого, признаком «своих» было *молчание* на определенные темы.

Тайны о пережитых трагедиях и компромиссах хоть и были объединяющим моментом, но не давали позитивной проекции на будущее для молчавшего сообщества. Между тем изменения в образе жизни и мироощу-

⁵⁰ Анализ практик субъективации в раннесталинском обществе // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 209–413; *Studer B., Unfried B., Herrmann I. Parler de soi sous Staline: la construction identitaire dans le communisme des années trente*. Paris: MSH, 2002.

⁵¹ Интервью с Шуваловой Еленой Владимировной, 1930 г. р.

щении старших поколений дворян в послереволюционное двадцатилетие и взросление нового дворянского советского поколения требовали нового языка для их самоописания. Эти люди, став советскими специалистами, не потеряли в полной мере специфики своего прежнего мировосприятия и продолжали в частной жизни общаться в кругу «своих».

Представители «бывших эксплуататорских классов» стали использовать для самоидентификации и самоописания понятие «старая интеллигенция», инвертируя его и придавая ему новые значения.

Государство возлагало ответственность за создание «новой интеллигенции» и перевоспитание «старой» на образовательные учреждения. Задачей последних было обучение, пропаганда, пополнение рядов идеологических молодежных объединений, научение советскому языку общения. Именно эти учреждения стали проводниками новых категорий, создаваемых советскими идеологами и журналистами и транслируемых прессой.

Школа оказалась значима для советской дворянской социализации. Она представляла собой внедомашнее публичное пространство, обязывающее приобрести знание о том, что и как нужно говорить на людях и в семейном кругу. Воспоминания представителей поколения 1910-х годов рождения показывают, как в школе приобреталось знание кодов общения, своего статуса в обществе и своих возможностей.

Школьникам приходилось вести двойную жизнь, не решаясь раскрывать свои мысли посторонним, находясь под влиянием родителей и в то же время быстро впитывая новую идеологию. Например, одним из болезненных и неразрешимых вопросов для всех школьников было существование Бога.⁵²

Н. П. Панаева рассказывает эпизод из своей школьной жизни, иллюстрирующий сложность и моральную нагрузку этого вопроса: «Один раз, когда моя подруга заболела, я села к одной девочке за парту. И на каком-то уроке она пододвинулась ко мне поближе. И спросила: “А ты в Бога веришь?” И я должна была решать. Тогда же это был самый период конца гона священников. 1930–31 год. Не только на священников, а вообще на верующих. И я думала, если я признаюсь, что я верующая, то это может отразиться на судьбе моей семьи, а если я скажу “нет”, значит, я отрелась от Бога. И потом я решила — нет, все-таки отречусь от Бога это большее. И я сказала “да”, обливаясь холодным потом. Она прошептала: “Я тоже”. И это такое освобождение! Вот, понимаешь, 11–12-летние дети, которые в то время были вот под этими проблемами. Это серьезно, гораздо серьезнее того, что сейчас происходит».⁵³

Интервью с дворянами 1910-х годов рождения позволяют предположить, что использование некоторых категорий советского дискурса для

⁵² Geiger K. *The Family in Soviet Russia*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1968.

⁵³ Интервью с Панаевой Ниной Платоновной, 1918 г. р.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ГУБЕРНСКИЙ ОТДЕЛ
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПОДРАЗДЕЛ СОЦВОСА

№ 14-1000/1925 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего *Григорий Державин, родившийся 7/8 1908 г.*
обучался в *15-ой* советской трудовой школе *Центр*
района *С. 1928* по *1925 г.* и окончил *полный* курс *I-го и II-го* классов при чем
обладает достаточные познания и развитие по всем обязательным
предметам курса, а именно: по родному языку и литературе, арифметике,
алгебре, геометрии, тригонометрии, естествоведению, физике, химии, гео-
графии, обществоведению, *искусству* языку, рисованию, пению,
истории и политической экономии и француз. яз.

В изложении, по постановлению педагогического
совета от *11-го июня 1925* года *15-ой* советской трудовой
школы, выдано *Хорошо* надлежащее удостоверение.

ЗАВЕДУЮЩИЙ ШКОЛОЙ *С. Вильямс*
ЧЛЕНЫ СОВЕТА
А. Степанов
С. Швайнурт *Н. Дусманов*
СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА *В. Манн*

№ 665

Удостоверение об окончании средней школы, 1925 год (из архива семьи Ходотов)

самоописания стало следствием переживания школьниками не только своих личных проблем, но и других институционализированных конфликтных ситуаций, с которыми эта возрастная когорта начала особенно часто сталкиваться после «года великого перелома».

Многие дети из семей «бывших» до конца 1920-х годов учились в старых гимназиях, не подвергавшихся до первой пятилетки серьезным кадровым перемещениям и сохранивших прежний уклад. С 1929—1930 годов в таких школах начались чистки преподавательского состава и замена прежних преподавателей на выдвинутых, получивших высшее педагогическое образование. Этот момент был одним из первых серьезных столкновений старой и новой интеллигенции, что стало предметом обсуждения между родителями и детьми.

Интервью с жителями Ленинграда 1930-х годов показывают, что чистки школ хорошо запомнились ученикам, принадлежавшим ко всем социальным слоям, настолько это было ярким событием.

Н. Ф. Зворыкина, происходившая из семьи «бывших», с сожалением вспоминает о разгроме гимназии Челюскина, или 189-й единой трудовой школы-девятилетки, где преподавательский состав был сформирован из выпускниц Бестужевских курсов, которые запомнились как прекрасные преподавательницы. В 1930-м году директора Челюскина «убрали», «большую часть бестужевков выгнали».⁵⁴

Н. Я. Дьяконова, дочь университетских профессоров, вспоминает чистки в Анненшуле: «Собственно, один год я проучилась в Анненшуле, а дальше она стала русской школой. Но в ней еще оставались замечательные преподаватели. В 1929 году разогнали самых лучших преподавателей. В том числе обожаемую мною преподавательницу русского языка. Мы уже всё понимали довольно хорошо... Наша учительница, которую нам дали вместо нашей обожаемой Галины Васильевны, пришла и стала рассказывать о героине поэмы Некрасова “Кому на Руси жить хорошо” так: “А грудь у него была вся попереехана”. Мы на нее смотрели с отвращением».⁵⁵

С. И. Закс, выходец из еврейской рабочей семьи, в дальнейшем ставший инженером-судостроителем, также вспоминал о чистках 34-й единой трудовой школы как о ярком событии: «Директор школы у нас был очень образованный человек, русско-французский человек, Иван Германович Жиде. Но в 1929 году его, конечно, сняли с работы и назначили какого-то работягу».⁵⁶

⁵⁴ Зворыкина Н. Ф. Матвеевы. История семьи. Рукопись из личного архива. С. 76.

⁵⁵ Интервью с Дьяконовой Ниной Яковлевной, 1915 г. р. (из архива Рэнвалл-Института (Хельсинки), интервьюер С. Чуйкина).

⁵⁶ Интервью с Заксом Соломоном Иосифовичем, 1911 г. р. (из архива Рэнвалл-Института (Хельсинки), интервьюер С. Чуйкина).

В. Г. Левина, происходившая из семьи мигрантов, учившаяся в школе № 196 и получившая в дальнейшем высшее образование, вспоминает о новых назначениях как событиях, вполне рядовых для того времени: «В 1930 году вместо директора школы Якимова Ивана Филипповича в школу прислали нового директора, работницу в красном платочке, еле грамотную. Это была Екатерина Максимовна Соловьева, человек большого природного ума и такта. Всю основную работу она оставила завучам, а себе взяла хозяйство и всякую административную волокиту. Ей доверяли и ее любили все».⁵⁷

Как показывают интервью, эти события воспринимались свидетелями по-разному, в зависимости от обстоятельств, от социального состава учеников и от того, как обсуждались эти события в семье. Так или иначе, эти смещения и назначения преподавательского состава противопоставили старую интеллигенцию новой в реальном столкновении интересов, в символической борьбе за влияние на новое поколение. Эти события располагали «брать сторону» старых или новых интеллигентов, ассоциировать себя с одной или другой группой.

Но наиболее важен для конструирования социальной идентичности дворян 1910-х годов рождения был период вторичной социализации — начало взрослой жизни, учебы или работы и принятие самостоятельных решений в неоднозначных ситуациях.

Сразу после революции государство взяло курс на пролетаризацию университетов и других высших учебных заведений. В университетскую жизнь вошли рабочие и солдатские символы, началась борьба за «студента нового типа»,⁵⁸ пролетарии получили приоритет при поступлении. Квоты приема по принципу социального происхождения постоянно менялись в зависимости от курса партии. В каждом вузе политика пролетаризации происходила по-своему.

В годы первой пятилетки в высшем образовании произошла подлинная революция. Реформе подверглись в первую очередь высшие технические учебные заведения. Было увеличено их количество, изменена учебная программа в соответствии с текущими задачами индустриализации, созданы программы ускоренного переобучения рабочих в инженеров в пределах той же отрасли и пущены в ход механизмы их карьерного роста.⁵⁹

Втузы вобрали в себя большую часть «новой интеллигенции», то есть выдвиженцев из числа политически активных рабочих и крестьян, став-

⁵⁷ Левина В. Г. Воспоминания. Из личного архива. С. 59.

⁵⁸ *Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000.

⁵⁹ *Bailes K. Technology and Society under Lenin and Stalin; Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union.*

ших в дальнейшем руководителями, но они сыграли важную роль как в социализации советских управленцев, так и в ресоциализации молодежи «из бывших», прошедших эту кузницу кадров. Атмосфера соцсоревнования, вера в светлое будущее, подкрепляемая большими стипендиями и перспективой высоких заработков и дальнейшего роста, способствовала позитивному мировоззрению. «Бывшие», попадавшие в этот котел, быстро ассимилировались; теперь они могли наконец-то проявить себя в профессиональной деятельности и забыть тяжелые времена. Также большую роль в ресоциализации молодежи из «бывших» сыграли заводы.

Б. С. Михайлов вспоминал, как на заводе он проникся духом коллективизма, который надолго сохранил: «Отмечали праздники 1-го мая и Октябрьской революции. Правда, без особых приглашений. Отмечали для себя. Я не мог высидеть дома в ноябрьские праздники. С коллективом института обязательно. Тогда понятие коллективизм было для меня законом, не юридическим, а моральным».⁶⁰

Е. И. Воцинина вспоминала, что ее брат Алексей, который был вынужден устроиться на завод, потому что его не приняли в вуз, работал там несколько лет и чувствовал себя комфортно на этом месте. «Он был такой горячий, так любил работу, заводская обстановка его устраивала. Когда я один раз пришла к нему, я была в совершенном ужасе от этого шума, от треска, от беспорядка. Детали там лежат, всё грязное... Всё это привлекало».⁶¹

Поскольку поступление в вузы было затруднительным из-за анкеты, многие молодые люди «из бывших» стали инженерами-практиками, то есть инженерами без образования. Во вузах и на заводах конфликт между старой и новой интеллигенцией в период второй пятилетки был неактуален, во всяком случае он не оставил яркого следа в коллективной памяти.

Гуманитарные и естественные науки, которые в период первой пятилетки не были приоритетны для реформаторов, были затронуты переменами в меньшей степени. Университеты по-прежнему обучали лишь небольшой процент выдвиженцев, оставаясь прибежищем для выходцев из образованных слоев, разными путями преодолевавших ограничения при приеме документов. Интеллектуальная и моральная атмосфера на гуманитарных и естественнонаучных факультетах была основной ареной социальных различий, а иногда и конфликтов.

Н. Я. Дьяконова вспоминает о выдвиженцах, обучавшихся на филологическом факультете Университета, которые не справлялись с учебной программой: «Эта рабочая интеллигенция была, конечно, очень неграмотной. Никакого отношения не имела к тому, к чему я с детства

⁶⁰ Интервью с Михайловым Борисом Сергеевичем, 1908 г. р.

⁶¹ Интервью с Воцининой Екатериной Ильиничной, 1909 г. р.

Основной документ, удостоверяющий личность студента,
конец 1920-х годов (из архива З. Г. Вахарловской)

привыкла. Люди, получившие ускоренное высшее образование, у которых оно не ложилось ни на какие знания. Такое скороспелое образование. Они прямо из ПТУ шли в вузы. Их принимали. Со мной училось несколько человек таких. Но они потом все отпали, все отвалились, не выдержали, не смогли. И мои первые педагогические опыты были как раз с ними. Мне было поручено с ними заниматься. Я три раза в неделю по два часа занималась с этими ужасающими недоучками. У них образование было на уровне четвертого-пятого класса. А они были на первом курсе Университета. Конечно, я старалась изо всех сил. Как мне потом говорила моя учительница и начальница: “Ты очень хорошо работаешь с дураками”. Я очень старалась, но это не помогло им». ⁶²

В 1932 году во время кампании за пролетаризацию гуманитарных областей «Комсомольская правда» безуспешно бросала клич, чтобы рабочая молодежь выбирала неиндустриальные профессии. Она апеллировала к тому, что на тысячу заявлений, поданных на гуманитарные факультеты, на долю рабочих приходится лишь около 8 %, и то значительная часть из них принадлежит проработавшим на предприятии менее года (вероятно, лишь с целью поступить в дальнейшем в вуз). ⁶³ Ясно, что гуманитарные и естественнонаучные факультеты были не только менее престижны в среде рабочих (учитывая, что инженер был символом успешного человека в периоды первой и второй пятилеток), но и некомфортны, несовместимы с их предшествующим опытом работы.

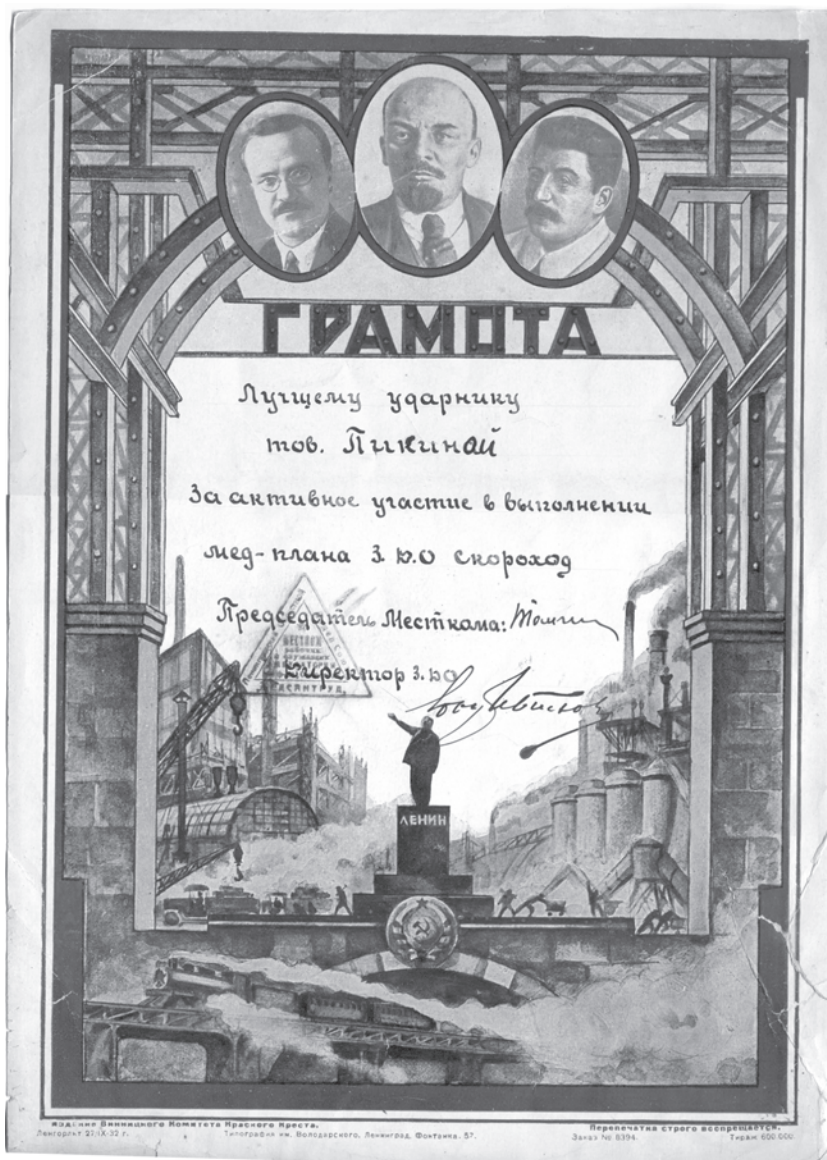
Университеты продолжали культивировать академическую атмосферу. Островками традиционности были также почти все гуманитарные образовательные учреждения и институты культурного и научного производства — музеи, научно-исследовательские институты, библиотеки. Как уже было показано выше, на таких местах работали исключительно представители бывших образованных слоев. Начиная с конца 1930-х годов, после кампании «за культурность», 100-летнего юбилея со дня смерти Пушкина и торжественного празднования 20-летия революции, сфера культуры стала престижной областью деятельности.

Если из гуманитарных сфер были фактически вытеснены студенты, не обладающие достаточным культурным багажом, то различия между группами внутри образованных слоев были слабо выраженными. Таким образом, «старая интеллигенция» включала в себя представителей разных профессий и выходцев из различных дореволюционных сословий, а также образованных людей в первом поколении, относившихся с уважением (а в некоторых случаях с восхищением) к носителям старой культуры.

⁶² Интервью с Дьяконовой Ниной Яковлевной, 1915 г. р. (из архива Рэнвалл-Института, Хельсинки).

⁶³ И парень хочет в индустриальное // КП. 1932. 9 сентября.

Грамота лучшему ударнику тов. Пикиной С. К.
(из архива семьи Ходотов)

Н. Я. Дьяконова вспоминает о своем круге общения в студенческие годы: «Наша университетская компания, нас было девять человек. Из них Игорь (Дьяконов), его отец был экономистом, переводчиком и литератором. Потом был Шура Выгодский, его отец был профессором медицины, окулистом. Был Юра Фридендер, его отец был какой-то специалист, человек очень интеллигентный. Юра Тамарченко и его жена Анка Эмме. Я точно не знаю, кто они были, но они были очень интеллигентные. И Яша Бабушкин. Вот он был из простой семьи, но он был интеллигентом в первом поколении. Очень был одаренный, прекрасно владел словом. Потом он был ни больше ни меньше начальником литературного вещания в Ленинграде в возрасте 25—26 лет, и был на этом месте все время блокады. Благодаря ему радио все время говорило. А потом началась волна антисемитизма. Это началось еще в 1943-м. И в 1944-м его выпихнули из радио, он сразу пошел на фронт и сразу погиб. Из девяти человек из этой компании он был единственным интеллигентом в первом поколении, но необыкновенным по уму и блеску. И они все были верующими в идеи социализма, были пылкими марксистами. Причем они видели свою задачу в том, чтобы защитить марксизм от вульгарного социологизма, от извращения, которому он подвергался в советское время. Яша был партийный, и Шура. А остальные хотели вступить, но их отвергали за страшно интеллигентное происхождение».

Как показывают интервью, и старые и новые интеллигенты много размышляли и рассуждали о будущем страны, в большей или меньшей степени интересовались политикой и читали газеты. Однако в их коллективной памяти отпечатались разные пласты газетного дискурса.

«Новая интеллигенция» оказалась особенно восприимчива к призывам прессы и агитаторов отправиться в «поход за культурой». Об этом можно судить по рассказам ее представителей о том, как они штудировали Пушкина, ходили в театры и музеи, ездили на экскурсии, осваивали центр Ленинграда. В центре внимания «новой интеллигенции» оказывался инструктаж прессы по поводу того, как стать «культурным человеком».⁶⁴

Для тех, кто ассоциировал себя со «старой интеллигенцией», важнейшим моментом было отношение власти к интеллигенции, особенно к той ее части, в адрес которой употреблялись уничижительные эпитеты. Многие публикации вызывали возмущение, особенно большой отклик нашли Шахтинское дело и дискуссии о саботаже старых технических специалистов периода первой пятилетки. Также обсуждаемым и запомнившимся событием довоенного времени был доклад Сталина по поводу принятия новой Конституции 1936 года.

⁶⁴ На корме времени: интервью с ленинградцами 1930-х годов.

Советские политические события воспринимались эмоционально, их интерпретировали, с ними связывали надежды и опасения. Старушки-аристократки читали советские газеты и строили прогнозы. Например, Е. И. Воицина рассказывала о том, что ее бабушка, княгиня А. Ф. Путьянина, всегда была в курсе событий и помогала внучке готовиться к политинформациям. Если выдвиженцы рассказывали в интервью о том, что они штудировали Конституцию или краткий курс ВКПб, то представители «старой интеллигенции» всех возрастов пытались понять тайные смыслы, скрытые за текстами.

Социальное происхождение и социальное положение тех, кто мог быть отнесен к «советской (новой) интеллигенции», были настолько различны, что этот термин являлся скорее формальным, а социальные идентификации возникали по другим критериям. Сообщество «старой интеллигенции», наоборот, имело достаточно четкие границы, которые постоянно переосмыслились. Именно оно испытывало потребность в постоянном утверждении своего отличия и находилось в поиске нового языка для самоидентификации. Слово «старая» оказалось на первом этапе подходящим и употреблялось в положительном смысле, вопреки официальным коннотациям. Поскольку «старая интеллигенция» была гетерогенной, в частности включала людей и высокоstatusных и деклассированных, то определить ее границы было легче всего, если противопоставить ее с теми, кто к ней не принадлежал. Абстрактный образ советской интеллигенции стал антимodelью, помогавшей определить самих себя. Процесс построения символических границ начался в 1930-е годы, но особенно активно он продолжался в послевоенное время.

Важной линией водораздела была политическая позиция. Для представителей «старой интеллигенции», лишенных возможности протеста и влияния на государственные дела и пострадавших от режима, все более важным становилось этическое и эстетическое отрицание, специфическое *понимание* природы власти, основанное на интерпретации ее негативных проявлений. Это не обязательно обсуждалось вслух, и даже чаще всего *понимание* проявлялось в скептическом молчании. Чужими считались все те, кто не разделял этого ощущения, — и полностью аполитичные граждане, и активные приверженцы режима, и чрезмерно неосторожные и провокативные в своих оценках люди. В результате вне круга общения могли остаться люди схожего социального происхождения; особенно часто это случалось в послевоенные годы, когда понятие «из бывших» уже потеряло актуальность. Отчуждение или даже конфликты провоцировались прежде всего критическими общественными событиями, среди которых важнейшими были постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», гонения на генетику, дело врачей, XX съезд

партии, подавление венгерской революции 1956 года, вторжение советских войск в Чехословакию в 1968 году.

Хорошую иллюстрацию представляет собой интервью с жительницей Петербурга 1975 года рождения — и по отцовской, и по материнской линии являющейся потомком образованных и состоятельных слоев в пятом поколении. Она рассказывает о конфликтах по политическим вопросам между бабушками и дедушками 1910-х годов рождения: «Один мой дедушка другого чуть не убил, когда советские войска вошли в Афганистан. Они имели несчастье встретиться и начать это обсуждать. И дедушка Игорь чуть не прибил дедушку Севу. Бабушка их разнимала. Хотя опять же, вот отношение моей бабушки к интеллигенции. Дедушка Сева, отец мамы, был в принципе из дворянской семьи, и воспитан он был с точки зрения честности, порядочности, альтруизма — он воспитан был “правильно”, скажем так, с точки зрения бабушки (матери отца). Но при этом взгляды на жизнь его были абсолютно коммунистические и как бы обывательские. И бабушка до сих пор, когда его вспоминает, у нее есть такая формула: “Дедушка твой Всеволод Александрович был очень хорошим, замечательным человеком, но был, к сожалению, не очень умен”. А то, что он занимался ЭВМ, это так... В политическом отношении он был “не очень умен”. И вот, я не знаю, как бы бабушка его определила. Потому что она знала его происхождение и не могла его причислить совсем уж к низам общества в принципе, и по-человечески она тепло к нему относилась, считала его уважаемым человеком. Но поскольку он поддерживал режим, то соответственно был “не очень умен”».⁶⁵

Примерно в 1960-е годы эпитет «старая» был вытеснен определением «настоящая». Продолжали активно вырабатываться критерии принадлежности к этой группе интеллигенции. Для кого-то более важны были культурные составляющие этого звания, для кого-то статусные, а для кого-то моральные, но имелось представление о том, что тот, кто является «настоящей интеллигенцией», обладает комплексом навыков, таких как образованность, широта кругозора, интересная работа в интеллектуальных сферах, способность понять точку зрения другого, патриотизм, умеренное западничество (или умеренное антизападничество), мессианство, наличие корней, семейных тайн и «скелетов в шкафу», присутствие определенных матримониальных стратегий и представлений о мезальянсах, воспитание детей с культурной компонентой, предпочтению определенных школ и учебных заведений.

В интервью с Е. В. Шуваловой описывается комплекс черт, приписываемых представителям «настоящей интеллигенции»: «Папа — вот помню его рассуждения о том, что настоящая интеллигенция в третьем

⁶⁵ Интервью с В. Д., 1975 г. р. (из архива Рэнвалл-Института, Хельсинки).

поколении появляется. Но относил он себя ко второму поколению или к третьему, этого я уже не знаю. У меня какие-то смутные воспоминания, что он себя ко второму поколению причислял. А что мы будем уже настоящая интеллигенция, об этом были разговоры еще в самом раннем детстве. И больше того, я скажу, что разговоры о “деклассированной интеллигенции” у нас в доме бывали. То есть родители разговаривали, скажем, о ком-нибудь, о чьей-нибудь семье, где дети не получили высшего образования или работают не умственным трудом. И считалось, что это некоторая трагедия для родителей. И был такой термин — “деклассированные”. Так что интеллигенция считалась классом. Или “прослойкой”, как нас учили...

Но, конечно, то, что называлось “советской интеллигенцией”, которая имела высшее образование и умственный труд, ее не считали интеллигенцией настоящей. То есть были среди них люди, которые принимались за интеллигенцию. Но многие — нет, у нас использовался такой термин — “советская интеллигенция”. Это люди, которые культуру интеллигенции не восприняли по-настоящему. Которые умеют читать, умеют писать; думать — это уже под вопросом... Это не то, что мы... Это проявлялось в мышлении. Еще в отношении к окружающему. И наверное, частично и в морали. В нашей семье мораль — это основное. Это столп был. Мама про себя говорила: “Я не такая честная, как бабушка”. Бабушка принадлежал к высшему чиновничеству. Он продвигался по чинам, всё честь по чести. Если он был типичным представителем, то я считаю, что это люди идеальные совершенно. Люди моральные и внутренне независимые. Потому что для них главное — это их установки. Причем установки не железные».⁶⁶

Несмотря на то что социальный статус и интеллектуальный труд очень ценились, представители «старой интеллигенции» с симпатией относились к чудачкам и оригиналам из своей среды, которых было немало вследствие трудностей адаптации и желания отстраниться от системы. Чудачками были те, кто демонстрировал крайнюю степень непригодности или отстранения, что воспринималось как странность и одновременно как аристократизм.

Е. И. Вошинина рассказывала в интервью об одном из таких людей: «Васильев, друг моего мужа. Он после Февральской революции либеральничал и даже вступил в партию. А после Октябрьской революции вышел из партии и удрал в Сибирь. Потому что иначе он был бы расстрелян. И вот там он встретился с моим мужем, который там в это время толстовствовал. Потом он вернулся. И как-то замел свои следы. И принципиально не работал. Но он был мастером на все руки. И своим мастер-

⁶⁶ Интервью с Шуваловой Еленой Владимировной, 1930 г. р.

ством он жил. Ловкач был, надо сказать. Была у них какая-то компания, которая инструменты делала. Всё в его доме было сделано на художественном уровне. Например, в комнате была койка, которая ему мешала. И он сделал “Klappbett”, кровать, которая поднималась... Может быть, он был такой не единственный, но выжил единственный».⁶⁷

Представление о «настоящей интеллигенции», принявшее более или менее законченную форму к 1960–1980-м годам, напоминает французские критерии принадлежности к буржуазии — слою, вобравшему в себя реконвертировавшихся потомков аристократии, университетский истеблишмент, предпринимателей, представителей свободных профессий, государственных служащих высшего звена. О принадлежности к буржуазии, по наблюдениям исследователей и мнению опрошенных ими информантов, говорят следующие черты: принадлежность к этому слою не менее чем трех поколений, буржуазный образ жизни (добропорядочность; традиционность, признание чувства иерархии; уважение к семейным ценностям; религиозное чувство, традиции), образование и профессия; уровень доходов, соответствующий статусу; воспитание, в процессе которого происходит усвоение норм и ценностей; наличие социального капитала, воплощенного в пухлой адресной книге; буржуазная внешность; престижный адрес; участие в различных структурах, созданных буржуазией для буржуазии, и, в частности, зачисленность в светские регистры и клубы. Размытость этого определения способствует тому, что символические границы очень активно конструируются, и преимущественно от противного.⁶⁸

«Настоящая интеллигенция», как и французская буржуазия, видела свою роль скорее в культивировании и трансляции традиционных ценностей и знаний, чем в активном участии в трансформации общественной системы. Исследования диссидентского движения в СССР показывают, что среди его участников был значительный процент детей советской партийной элиты (в том числе дети известных революционеров), немало выходцев из советской интеллигенции и относительно небольшое число потомков дворянских семей, знавших о своих корнях.⁶⁹ Можно предположить, основываясь на данных различных исследований, что в Ленинграде среди участников оппозиционных объединений число потомков дворян

⁶⁷ Интервью с Вожиной Екатериной Ильиничной, 1909 г. р.

⁶⁸ *Pinçon M., Pinçon-Charlot M.* Dans les beaux quartiers. Paris: Seuil, 1989; *Pinçon M., Pinçon-Charlot M.* Sociologie de la bourgeoisie. Paris: La Découverte, 2003; *Le Wita B.* «Ni vue, ni connue...»: Approche ethnographique à la culture bourgeoise. Paris: MSH, 1998; *Grange C.* Gens du Botton Mondain: y être, c'est en être. Paris: Fayard, 1996.

⁶⁹ *Vaissié C.* Pour votre liberté et pour la nôtre: le combat des dissidents de Russie. Paris: Robert Laffont, 1999.

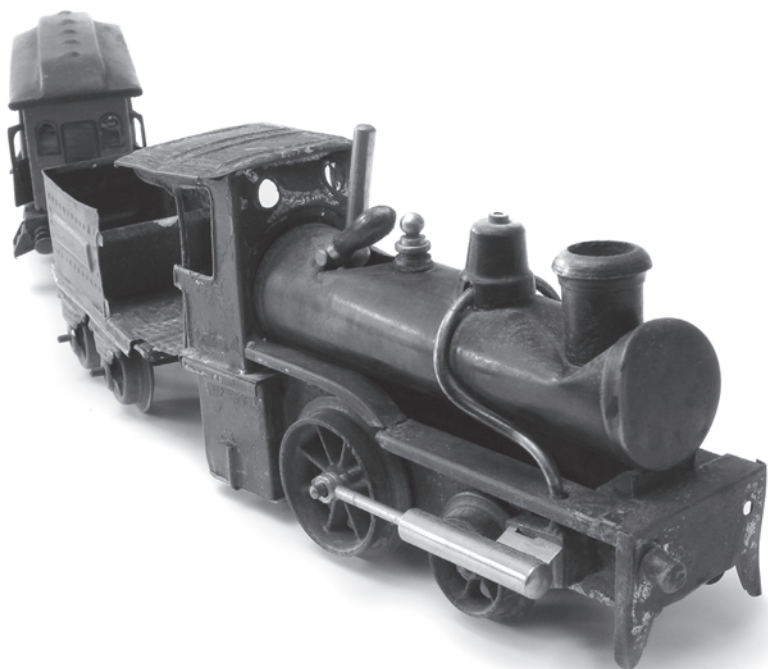
было большим, чем в Москве и других городах. Однако оппозиционно настроенные потомки бывших элит и в позднесоветское время предпочитали теневую оппозиционную деятельность открытому противостоянию власти. Унаследованная привычка потомков «бывших» к осторожности и молчанию не располагали к протесту.

Анализ интервью показывает: для того чтобы быть причисленным к кругу «настоящей интеллигенции», нужно было обладать еще одним качеством, которое не замечали и не осмыслили те, кто принадлежал к этой группе. Этим качеством была *предсказуемость*. Экстравагантность и необычные повороты мысли высоко ценились, если это были абстрактные рассуждения, основанные на сведениях из прочитанных книг. Но в том, что касалось жизненных ситуаций, будь то отношение к соседям по коммунальной квартире или даче, взаимоотношения с начальством, с друзьями и «режимом» в его различных проявлениях, человек должен был проявлять себя именно таким образом, как этого ожидал от него его круг. Существовал необсуждаемый консенсус по поводу того, что где-то необходимо высказаться (определенным образом, выбрав из возможного спектра), где-то промолчать, где-то проявить активность, где-то сдержаться. Принадлежность к этому кругу требовала прозрачности помысла во всем, что касалось реальной жизни, а также неожиданных ярких идей и остроумия в «интересном разговоре». Таким образом, в генетической памяти «настоящей интеллигенции» оставил след как опыт страха и молчания, пережитый предшествующими поколениями, так и опыт успешной конвертации светских навыков в советские.

часть II. культурная инерция
и компромисс: советская
дворянская биография

часть II / глава 1. **дворянское воспитание** **в послереволюционной России**

В 1920—1930-е годы обучение и воспитание поколения, родившегося в 1910-е годы в дворянских семьях, представляло собой весьма сложную задачу. Родители старались приложить все усилия к тому, чтобы их потомки приспособились к новой общественной системе и по возможности преуспели в ней, но сами они в то же время остались приверженцами дореволюционной модели воспитания, прежних представлений, моральных норм, ритуалов и привычек. В этой главе исследуется, как прежняя модель воспитания, которая запечатлелась в памяти старших поколений, применялась в новых условиях.

Коллективная память сообщества обладает созидательной функцией, даже если оно теряет возможность воспроизводить привычный символический порядок. Оно пытается воссоздавать прежнюю реальность из мозаики разрозненных элементов. Даже не замечая этого, люди играют прежние спектакли и прежние роли, произнося знакомые монологи с давно заученной интонацией. Но неизбежная в этой ситуации реструктуризация сообщества и новая обстановка определяют наличие «дыр», то есть невосполнимых элементов прежних сценариев. «Провалы» в коллективной памяти сценария начинают обыгрываться участниками социальных взаимодействий, и постепен-

но взамен утраченных элементов подбираются новые, не противоречащие общей структуре «пьесы». Новые элементы могут стать плодом коллективной фантазии или, что случается чаще, будут позаимствованы из другой традиции. То есть запускается механизм «реставрации» сценария. Новый сценарий, создающийся усилиями коллективной памяти, оказывается иным, чем породивший его образец, а этот последний постепенно забывается, сохраняя в последующих поколениях легенды о себе.¹

Дворянская модель воспитания, адаптированная к новым условиям, представляется наглядным примером созидательной деятельности коллективной памяти и реставрации памяти сценария через заимствование новых элементов. В ходе приспособления дворян к советской жизни вместо человека «этического» (дворянина) потомки дореволюционных элит стали воспитывать человека «культурного» (интеллигента). Эта метаморфоза модели дворянского воспитания, так же как и конвертация дворян в советских специалистов, способствовала формированию сообщества «старой интеллигенции».

Счастлиное детство: мозаика памяти

«Бывшие» дворянские семьи разделились на тех, кто имел стремление и возможности взять под контроль воспитание своих детей, и тех, кто не имел таких возможностей и надежд. Это было обусловлено главным образом успехом или неудачей реконверсионных стратегий, а также степенью сплоченности семьи, количеством работающих взрослых, наличием бабушек и дедушек, жилищным пространством, эмоциональными и психологическими факторами. Отсутствие контроля над воспитательным процессом было не редкостью. Потеря кормильца, деклассирование, миграции обуславливали раннее взросление и самостоятельное преодоление трудностей в ущерб следованию хорошим манерам, поддержке родственных связей и получению образования.² Более адап-

¹ Bastide R. *Mémoire collective et sociologie du bricolage* // *L'année sociologique*. 1970. N 3. P. 65–108.

² Берто Д. Трансмиссии социального статуса в экстремальной ситуации. С. 207–239.

тированные к новой жизни родители руководствовались старыми методами воспитания, а также идеальными представлениями, основанными на своем жизненном опыте. Этот идеал был весьма далек от советской реальности и возможностей родителей, но тем не менее служил для них образцом.

«Строго установленный уклад полной содержания жизни, стройность и чинность во всем», — так описывает С. Е. Трубецкой «самую лучшую, незаменяемую обстановку для воспитания детей»,³ в которой был воспитан он сам в начале XX века. Мемуаристы рассказывают о том, что их жизнь была до крайности регламентирована не только когда они жили в корпусах, пансионах, лицеях и институтах, но и дома. Весь распорядок дня был известен, на каждый час было запланировано какое-либо занятие. Чем выше был статус семьи, тем большее значение уделялось этикету, практическому знанию социальных иерархий, мельчайшим нюансам общения с выше- и нижестоящими, навыкам ведения беседы и искусству молчания.

В повседневном словоупотреблении элитарная модель воспитания называлась «счастливым детством». Эта формулировка вошла в оборот в период первого крупного кризиса дворянства во второй половине XIX века. Счастливое детство стало социальной нормой, что нашло отражение во всех автобиографических текстах, созданных в 1860–1916 годы.⁴ Следуя литературным моделям жизнеописания, заданным произведениями Л. Н. Толстого («Детство», 1852) и С. Т. Аксакова («Детские годы Багрова-внука», 1858), мемуаристы описывают детство как самый важный, формирующий этап жизни.

В последней трети XIX века счастливое детство как залог формирования особого типа личности стало считаться характерной чертой биографии настоящего дворянина. А. Уахтель объясняет превращение мифа о счастливом детстве в статусный символ тем, что «дворянству важно было обосновать свое положение в русском обществе» и «обнаружить черты, которыми недворяне не обладали». «Дворянское детство, делавшее человека обладателем определенных позитивных принципов, которые оставались на всю жизнь, было именно таким достоянием». Несмотря на то, что амбициозные выскочки из разночинцев могли наверстать недостатки в своем образовании, они никогда не могли заполнить брешь отсутствия статусного детства. Поэтому в каком-то смысле для многих автобиографов «настоящее» детство стало заменой «голубой крови», в которую позитивистский XIX век больше не верил.⁵

³ Трубецкой С. Е. Минувшее. С. 37.

⁴ Wachtel A. The Battle for Childhood. P. 83.

⁵ Там же. С. 85.

Судя по воспоминаниям мемуаристов, то, что называлось счастливым детством, представляло собой многообразный комплекс навыков, впечатлений и ощущений. В идеале считалось, что классическое счастливое детство должно проходить в поместье, но на самом деле так характеризовали свое детство и те, кто вырос в семьях, не имевших земельной собственности.

В начале XX века эта модель воспитания распространилась практически на весь образованный слой. Необходимым элементом счастливого детства было наличие дачи и широкого круга общения у семьи, а также большое количество воспитателей у детей (родственников и посторонних). Счастливое детство маленького дворянина — это летние игры в парке; вечерние развлечения в гостиной в антураже портретов, военных трофеев и медвежьих шкур; кладовка со старыми мундирами, платьями и шляпами; пустующая комната почитаемого прадеда; нелюбимые уроки с гувернантками и гувернерами; общение с отцом в его библиотеке; мир кухни, где можно услышать не совсем понятные шутки прислуги; игры с детьми конюха, водовоза, повара, кузнеца; поездки в экипаже к соседям — в каждом доме был свой ритуал встречи; походы в деревню с матерью, которая улаживает ссоры крестьян или относит им лекарства; визиты крестьян «на поклон барину»; нравоучительные замечания старших; чтение вслух; чудачества соседских помещиков; верховая езда; наблюдения за насекомыми, рыбами, растениями; семейные трапезы; церковь.

Интервью с дворянами 1910-х годов рождения показали, что представление о счастливом детстве как норме пережило революцию. Л. А. Успенская вспоминала, что «мама считала так: неизвестно, как наша жизнь дальше сложится, а детство должно быть золотое. Оно и было золотым. Несмотря ни на что».⁶

З. С. Сементовская начинает свой рассказ так: «Родилась я по старому стилю 12 мая 1908 года в Витебске. Я была восьмая в семье, последняя. Детство было радостное, мы не знали никаких трудностей. Нас обучали сначала дома. Каждую неделю был один день немецкий, один день французский язык. Кроме того, мать научила нас играть на рояле. Лето мы проводили в имении моего отца, в Рожанщине... У нас была огромная детская библиотека».⁷

Н. Б. Ветошникова, которая родилась в 1921 году и не помнила дореволюционное время, также рассказывает о счастливом детстве: «Родилась я в 1921 году, в сентябре. Довольно трудное время, потому что был голод. Мама мне рассказывала, что в ее рацион входили в основном

⁶ Интервью с Успенской Лидией Александровной, 1906 г. р.

⁷ Интервью с Сементовской Зоей Сергеевной, 1908 г. р.

молоко, простокваша и картофель, если картошку можно было достать. <...> Семья у нас была очень интересная. Мама жила со своими родителями. В семье, кроме дедушки и бабушки, еще был дедушкин брат, одна старушка, которая прожила больше пятидесяти лет в семье, она в свое время училась в детстве с бабушкой, маминой мамой. У мамы было четыре сестры, два брата. Когда она вышла замуж, папа оказался в семье двенадцатым, я тринадцатая. Вокруг меня плясало двенадцать взрослых людей, которые почему-то не сделали меня ни эгоисткой, ни капризулей, ни потребительницей. В семье было такое добро, я имею в виду духовное, и отношение друг к другу, которого мне хватает по сию пору, это заряд на всю жизнь».⁸

Те, кто критически относился к своей семье или к тому, как их воспитывали, описывают свое детство противоположным образом. Это тревожный период жизни, полный страхов, переживаний, потерь и неразрешимых вопросов, время познания несправедливых гонений или же неправильных и вредных поступков своих близких и окружающих, вопреки которым человек сам сумел «пробить себе дорогу». Такие люди рассказывали о себе как о self-made man, что свидетельствует о том, что в этих семьях традиция потеряла свою власть.

Для нашего исследования больший интерес представляют те семьи, в которых была сделана попытка воплотить модель счастливого детства в советской реальности. Реализация этой задачи была делом коллективным, заставлявшим мобилизовать усилия нескольких семей и создать приемлемую для этого социальную и пространственную среду общения. Элементы, составляющие счастливое детство и подходящее воспитание, каждая семья интерпретировала по-своему. Но ограничения, налагаемые скудным советским бытом, сводили к минимуму реализацию родительских фантазий. Дворянское воспитание в 1920–1930-е годы состояло из мозаики практик, воссозданных на основе памяти о нереальном далеком времени, где выбирались лишь те элементы, которые могли быть полезными и безопасными.

Советское дворянское воспитание по-прежнему следовало модели, характерной для дореволюционной России и Европы, в соответствии с которой воспитание было призвано способствовать трансляции наследия. Элитный воспитательный проект покоится на двух столпах. Во-первых, это наблюдение за кругом общения начиная с детства, с тем чтобы в дальнейшем все располагало к самостоятельному выбору желательного социального окружения. Во-вторых, это формирование чувства социального превосходства (отличия, исключительности), основанного на усвоении комплекса культурных навыков. Несмотря на формальное деклас-

---

⁸ Интервью с Ветошниковой Натальей Борисовной, 1921 г. р.

сирование дворян, лишение статуса и всех статусных атрибутов, эти два элемента воспитания сохранились, их стремились воспроизвести даже в условиях страха и материальных лишений, подчас не осознавая, что ради этого многим жертвуют.

Усилия воспитателей были направлены главным образом на минимизацию рисков и угроз со стороны общества. Считалось необходимым изолировать подростков от нежелательных влияний и сформировать для них круг общения из числа знакомых, научить реагировать должным образом на пропаганду в учебных заведениях. Верным способом эффективного родительского контроля представлялась изоляция от мира советской школы. Поэтому подростков, воспитывавшихся в крупных городах, отдавали (зачастую по знакомству) в те школы, которые были переделаны из старых гимназий, где долгое время сохранялись прежние преподаватели и прежние порядки.

Те, кто жил в провинции и потом переехал в Ленинград, а также некоторые ленинградцы до 1930 года не ходили в школу; их родители нанимали учителей либо их функцию брали на себя. Домашнее обучение предпочитали потому, что с 1920-х годов школа, в большей степени, чем другие социальные институты, стала объектом революционного экспериментирования. В образовательный процесс последовательно внедрялись «комплексные» и «бригадные» методы обучения, «дальтон-план», «политехнизация».⁹ В 1920-е годы у государства не было средств на финансирование школ, местные бюджеты также были истощены. Несмотря на то что школы стали платными, их количество резко сокращалось, как и количество учителей, а качество преподавания ухудшалось. Поэтому те, кто мог, предпочитали учить детей дома, своими средствами — не только изящным искусствам, но и элементарным навыкам грамотности.

Л. А. Успенская вспоминала, что в Харькове, где она жила во время Гражданской войны, «школа, конечно, не действовала. Там нельзя было ни расписание установить, ни требовать, чтобы ученики и учителя приходили, когда стреляют на улицах. И для детишек с нашей улицы, их было человек пятнадцать в возрасте от шести до девяти лет, устроили школу. Их учили читать, писать, считать, преподавали начала истории и географии. У нас на квартире это было».¹⁰

⁹ Подробнее об этом см.: *Berelowitch W.* La soviétisation de l'école russe, 1917–1931. Lausanne: L'âge d'homme, 1990; *Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility; *Lazarewitch I. & N.* L'école soviétique (enseignements primaire et secondaire). Paris: Les îles d'or, 1954; *Константинов Н. А., Медынский Е. Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948.

¹⁰ Интервью с Успенской Лидией Александровной, 1906 г. р.

То же вспоминала о своем обучении, уже в конце 1920-х годов, К. Д. Медведская: «Тогда было очень плохо с занятиями, школы только становились на ноги. И отчим со мной занимался сам. Примерно около трех лет он мне давал уроки. А у меня были хорошие способности, так что ему было не так уж трудно со мной заниматься. <...> Учил меня по всем предметам, которые полагаются в школьной программе. Он знал ее, где-то раздобыл, очевидно. Меня же экзаменовали потом в школе по всем предметам».¹¹

Опасаясь дурных влияний, детей старались изолировать от дворовых компаний и пролетарских одноклассников. Е. В. Ива́нова вспоминала, что «мама перестала в школу пускать, приходила учительница домой. <...> Потому, что нас соединили с мальчиками, начались какие-то недоразумения, скандалы, мы боялись этого первое время, что с мальчиками вместе. И я училась дома».¹²

И. Е. Гедройц рассказывала, что «учили дома, до четвертого класса я в школу не ходила. Во-первых, там, где мы жили, были украинские школы, а потом бабушке все казалось, как я пойду в школу, так сразу хулиганкой стану».¹³

Н. П. Панаева вспоминала о том, как ее — домашнюю девочку — шокировала школа: «Меня вообще не хотели отдавать в школу. Не потому, что мне будут там преподавать, а потому, что я встречусь с этими уличными детьми. Меня же держали в совершенной изоляции, в изоляции XIX века. И вот, с этим XIX веком я в 1930 году пришла в школу, где были красные галстуки, юнгштурмовки и тому подобное».¹⁴ Сообразно с дореволюционной моделью домашнего воспитания детей и подростков по мере возможностей пытались учить иностранным языкам, бальным танцам, рисованию, музыке, истории, географии и естествознанию с помощью ресурсов домашней библиотеки. Практиковался пересказ историй и легенд и чтение вслух произведений классической литературы.

Как и в прежние времена, важным элементом воспитания было усвоение хороших манер, но с каждым годом становилось все меньше возможностей применить эти познания. Информанты вспоминали дореволюционные сеансы воспитания и гораздо более скромные попытки привить им навыки пристойного поведения и общения в последующий период.

Е. И. Воцинина в своей рукописи «Детство и родные» представляет эпизоды из жизни семьи в 1913—1914 годах, когда ей позволяли про-

¹¹ Интервью с Медведской Ксенией Дмитриевной, 1910 г. р.

¹² Интервью с Ива́новой Екатериной Владимировной, 1906 г. р.

¹³ Интервью с Гедройц Ириной Евгеньевной 1915 г. р.

¹⁴ Интервью с Панаевой Ниной Платоновной, 1918 г. р.

вести некоторое время в компании взрослых: «За большим столом со взрослыми отрабатывались наши манеры. “Дети ведь обезьянки”, — говорила бабушка. Вот пришли новые гости, надо ж посмотреть. Вхожу, делаю книксен и подхожу прижаться к мягкой руке бабушки. Она обнимет — значит можно постоять и рассмотреть красивое платье гостьи и прическу, услышать манеру говорить, иногда залюбуешься. Бабушка слегка отпустит ласкающую руку — и уже поймешь: надо уходить».

Б. С. Михайлов в интервью вспоминал, что в далеком дореволюционном детстве, «когда приходили гости, обязательно звали меня, я должен был уметь расшаркиваться, поцеловать руку даме... Если входила дама, когда я сидел, я вставал: “Пожалуйста, садитесь”. Это у меня сохранилось до самого старого возраста — я уступал место даже молодым женщинам в трамвае. Вот, это кусочки воспитания, которые остались, — как держать ложку, как пользоваться ножом и вилкой. Все это запомнилось — к сожалению, далеко не все удается устроить, — потому что когда перед тобой убирают посуду и ставят новую, это одно, а когда тебе надо все это самому сделать, это другое. Поэтому от многого приходится в современной жизни отказываться».

Однако в практиках потребления пищи и сервировки стола социальное отличие проявлялось по-прежнему ярко. Юноша из еврейской семьи, приехавший в Петербург из провинции, вспоминает о впечатлении, которое на него произвела трапеза в дворянской семье в 1930-е годы: «В первый раз, когда меня пригласили обедать у Циборских, я был ужасно смущен. На предназначенном для меня месте лежало серебряное кольцо с вложенной в него белейшей салфеткой. Я не знал, что с ней делать, да и остальные предметы (подставки, вилочки) были мне незнакомы».¹⁵

В послереволюционные годы в семейном окружении люди 1910-х годов рождения наблюдали аристократические манеры, которые сохраняли представители старших поколений: «Вот сидит дядюшка в будничной одежде — не развалюсь — воспитание этого не позволяло, но какой-то весь опущенный. Рассуждает о чем-нибудь невеселом или обсуждает текущие заботы — немолодой, усталый, неинтересный человек. Но вот в дверь просовывается чья-то голова: “Анатолий Анатольевич, вас спрашивают”. Входит кто-нибудь незнакомый. И тут... Дядюшка весь собирается, подтягивается, встает, улыбается. Столько грации появляется в движениях, столько очаровательной приветливости! Хорошие манеры и доля барственной лени завершают это превращение. Так и хочется занять его замедленной съемкой».¹⁶

¹⁵ Кирпичников М. Э. Телега на ходу легка. СПб.: Ретро, 2002. С. 34.

¹⁶ Зворыкина Н. Ф. Записки: История семьи Зворыкиных. Рукопись. С. 108.

Молодежь «из бывших» относилась к рудиментам аристократизма по-разному. Некоторые восхищались аристократическими манерами, стремились сами усвоить их, другие, наоборот, находили их архаичными и стремились стать современными в своем внешнем облике.

Целью домашнего воспитания было не только усвоение знаний и хороших манер, но и создание для детей круга общения из числа знакомых. Совместные игры, детские балы, обучение языкам преследовали одну цель — окружить детей «приличными» сверстниками. Н. П. Панаева в интервью вспоминала, что родители устраивали по воскресеньям детские балы, на которых знакомых детей обучали классическим танцам. «Пока была у нас 65-метровая гостиная, к нам по воскресеньям приходили гости, а в соседней с нами квартире — через буфетную было сообщение с соседней квартирой — там жили Друри, и Мариночка Друри училась в хореографическом училище. Ей было что-то лет семнадцать, она кончала Вагановское, и она давала нам уроки. Так что к двенадцати годам я знала все бальные танцы, какие только существуют. <...> Приходило человек двадцать, десять пар примерно. Те, кто жил на этих улицах, в этом районе, центральном».

Юрий Любá также вспоминает о домашних танцевальных курсах, которые были организованы родителями для обучения мальчиков правилам поведения и знакомства с другими детьми «из хороших семей»: «Несколько давно знакомых гатчинских семей решили: совершенно необходимо, чтобы мы — нескладные, неуклюжие подростки — приобрели хотя бы самые примитивные навыки поведения в компании с девочками. Случай для этого вскоре представился. Надо сказать, что уже с 1927 года в Гатчине была организована частная группа девочек, обучавшихся балету. Этим занялась одна экс-балерина ленинградского театра. (Она) согласилась организовать небольшую группу для обучения бальным танцам. Все мои знакомые мальчишки стали участниками этой группы. Конечно, знакомы мы все между собой были гораздо раньше и даже встречались иногда, так как наши родители были знакомы еще с дореволюционных времен, когда были молодыми».¹⁷

Для подрастающего поколения, как и для взрослых, были предусмотрены комнатные способы времяпрепровождения, известные еще с дореволюционных времен игры. «Играли в фанты. Что-нибудь отгадывали. А кто не отгадывал, должен был внести фант. А у кого фант, тот должен либо что-то спеть, либо продекламировать, либо фокус показать. И бывали еще “фанты с поцелуями”. Если я не угадывала, то должна была поцеловать ведущего. Еще играли в “мнение”, в “телефон”. А взрослые обычно играли в карты. Были ломберные столы. Знаете,

¹⁷ Любá Ю. Б. Воспоминания. Часть 1. (Рукопись из личного архива Гедройц И. Е.). С. 148.

ломберный стол? Такой узенький, на четырех ножках, закрытый, сверху полированный. А когда нужно им воспользоваться, его поворачивают и он раскрывается. Сукно обычно бывает всегда. И сидят за ним вчетвером, играют в карты».¹⁸

Е. И. Вощина вспоминала, что домашние развлечения — «балы», вечеринки, спектакли — особенно часто устраивались в их доме в самые тяжелые моменты жизни: в периоды потерь, голода, страха и неизвестности. «От всего этого отвлечение — молодежные вечера. Детям-то жить нужно. Игры, особенно шарады, где участвуют и средне-взрослые, и танцы, танцы... На столе черные, подслащенные сахарином лепешки, какое-то подобие безе из манной крупы, изобретение Мама: все это казалось деликатесом после неутомимых вальсов, падеспаней, венгерок, гран-ронов в донашиваемых и перешитых платьях, в неуклюжих толстовках и галифе у юношей, залихватски отплясывающих, уже без прежней плавности, вальсы, переходящие в тустепы. Мудрая Мамочка считала нужным иметь перед глазами кавалеров, появившихся вокруг уже в миллом возрасте расцветшей Шуры. Бабушка своим музыкальным таперством удерживала нас в старых традициях».¹⁹

Особенно запомнились домашние спектакли, которые режиссировались родителями и показывались в расширенном семейном или дружеском кругу. В дальнейшем постановка спектаклей и шарад также была излюбленным развлечением молодежи студенческого возраста. «Домашние спектакли — они же своеобразные! Еще с екатерининских времен эти домашние спектакли, театры, это тянется оттуда. Теперь они уже — всё, эпоха кончилась. А потом это вылилось в шарады, тоже замечательная вещь, это спектакль, который тут же рождается. Тут такой артистизм должен быть величайший... Было шумно и весело. На фоне ужаса».²⁰

Подобные домашние праздники еще были популярны в 1920-х годах, а в 1930-е стали редкостью — из-за уплотнения квартир, отсутствия места и чужаков, враждебно наблюдавших за развлечениями «бывших». Начиная с 1930-х годов неформальное общение стало чаще проходить на дачах, чем в городских (обычно коммунальных) квартирах.

Родители Н. П. Панаевой и их друзья в 1930-е годы снимали на лето домики в одном поселке. Там они чувствовали себя свободными от чужих глаз и ушей, постоянно присутствовавших в коммунальных квартирах, и могли более эффективно контролировать круг общения детей.

¹⁸ Интервью с Матвеевой Мариной Николаевной, 1906 г. р.

¹⁹ Вощина Е. И. Детство и родные. Рукопись из личного архива. С. 56.

²⁰ Интервью с Вощиной Екатериной Ильиничной, 1909 г. р.

«На даче мы жили всегда около Лисьего Носа. Тогда эта станция называлась Раздельная. А деревня называлась Дубки. Там мы всегда жили. Там было очень хорошо, нас была целая компания тех же, с кем дружили зимой. Это все-таки были ошметки изысканного общества. Мне подобрали подругу. И я должна была с ней дружить, хотя у нас не было ничего общего. <...> Весьма своеобразно тогда строились компании. Преимущественно по решению родителей. С одними можно было, с другими не надо было».²¹

В советское время дворянская модель воспитания в значительной мере утратила свою прежнюю ритуальную составляющую, однако неизменной осталась идея о том, что повседневность должна быть по возможности ритуализирована, что день должен быть заполнен различными развивающими занятиями, что эти занятия должны быть разносторонними и направленными как на физическое, так и на интеллектуальное развитие, а также что круг общения необходимо держать под контролем. Такая модель подразумевала наличие соответствующего круга общения у родителей. Поэтому воспитание способствовало активному поиску тех, кто мог занять место потерянных родственников и друзей.

Главным результатом домашнего воспитания было обретение друзей и знакомых, принадлежавших к кругу людей, в отношении которых употреблялась формула «из хорошей семьи». В молодежных компаниях по-прежнему высоко ценились утонченность манер, светские навыки и чувство юмора. Люди этого круга имели привычку к определенному типу культурного потребления. Например, они всегда уделяли много времени домашним развлечениям — играм, спектаклям, шарадам. Они предпочитали классические искусства новым. Использование иностранных слов, шутки и аллюзии, понятные лишь узкому кругу, естественным образом ограничивали вхождение чужих людей в этот круг. Таким образом, воспитание чувства исключительности в семьях послужило созданию сообщества «старой интеллигенции», объединявшего в основном потомков дореволюционных образованных слоев.

---

²¹ Интервью с Паняевой Ниной Платоновной, 1918 г. р.

Исключительность и исключенность

Советская дворянская биография, как и любая другая советская биография, была построена на компромиссе между прошлым (унаследованным от старого режима) и настоящим. Необходимо было соединить в себе дворянина и советского человека. Работа по примирению различных, зачастую взаимно отталкивающих элементов опыта начиналась в школьные годы. Влияние советской школы боролось с влиянием семьи. Домашнее воспитание прививало чувство исключительности и обуславливало наличие некоторых навыков и вкусовых предпочтений, по которым можно было узнать «человека из хорошей семьи». В различных ситуациях оно проявляло себя по-разному, оказываясь иногда важным ресурсом для выживания среди чужих, а иногда — наоборот.

Наиболее интересный пример примирения дворянина и советского человека предстает в рассказе Бориса Сергеевича Михайлова.²² Его семью, которая до революции была знатной и состоятельной, в послереволюционный период ожидало разобщение и деклассирование. Отец (С. Л. Михайлов) и дяди (Г. Н. Вилламов и В. С. Стракач) эмигрировали, бабушка (М. А. Свечина) стала аккомпаниатором в кинотеатре, а мать — кочевой актрисой, ездившей по всей стране с передвижным театром. Старшая сестра во время Гражданской войны умерла от голода. Не в силах справиться с воспитанием двух оставшихся детей, Бориса в начале 1920-х годов по знакомству устроили в детский дом, находящийся на юге России. В возрасте примерно 12 лет он впервые попал в ситуацию, когда ему приходилось выживать среди чужих, незнакомых подростков. На читанность и умение рассказывать захватывающие истории помогали завоевывать авторитет.

«Моя крестная мама (О. Н. Стракач-Вилламова) пыталась эмигрировать с армией, она смолянка. Смольный институт перевели в Ростов-на-Дону, и она туда уехала, и там жилось лучше тогда, чем в Ленинграде. Мы в Ленинграде голодали страшным образом. Она уехала в Ростов-на-Дону. И вызвала меня туда. <...> Но там оказался тоже голод страшнейший. Я попал в детский дом имени Буденного. Там все-таки подкармливали, раз в три дня давали кашу горячую. В Ростове-на-Дону в детском доме были очень жесткие нравы, в особенности для мальчиков интелли-

²² Интервью с Михайловым Борисом Сергеевичем, 1908 г. р.

гентных. И совершенно случайно я себя обезопасил. Там были два брата Козловы, старший — заводила. И как-то вечером, когда пришли спать, я предложил ему рассказать какой-то детектив об американских сыщиках, о Пинкертоне. И вот, моя профессия была, когда ложились спать, рассказывать то, что я читал. Причем я рассказывал также Эдгара По, отрывки из “Мушкетеров” и так далее. И как-то за мной это закрепилось».

В дальнейшем Борис, также по знакомству, был переведен в другой детский дом в Ленинграде, где и закончил школу. В этом детском доме весь педагогический коллектив и некоторая часть учеников были «из бывших». Именно в этом коллективе, который был «бывшим» по духу и хотел оставаться таковым, вырабатывалась стратегия поведения подрастающего поколения бывших дворян. Здесь, с одной стороны, воспроизводились многие элементы образования, присущие дореволюционным закрытым учебным заведениям, но с другой — скрупулезно соблюдалось уважение по отношению к требованиям господствующей идеологии: например, детей из дворян не принимали ни в пионеры, ни в комсомол. Но в то же время полное забвение корней неформально не приветствовалось, то есть одновременно поддерживалось чувство исключительности и формировалось чувство социальной исключенности как явления нормального, к которому нужно относиться как к должному.

«Детский дом я вспоминаю с большой благодарностью. Там у нас был большой зал, и там устраивались танцы. Кроме Марии Викторовны Усаковской, была Мария Николаевна Ефремова, тоже смолянка. Я научился танцевать вальс, польку, падекатр. Там даже завхоз был бывший офицер. Но очевидно, я так вспоминаю, по возможности они все друг другу помогали как могли. <...> В школе меня не принимали ни в пионеры, ни в комсомол, потому что дворянин. Боялись. И когда я пошел в институт поступать, то не мог в анкете написать, что родители неизвестны. Отец — капитан I ранга, из дворян. <...> Я числился хорошим учеником, одним из лучших. Мария Викторовна наша знала, что я дворянин, поскольку она приятельница моей крестной мамы. И когда я уходил, то не мог обмануть ее доверие и написать, что не знаю родителей. Это, очевидно, был один из поводов — почему я сразу написал, что дворянин».

Отношение к окружающей действительности, которое формировалось у подростков, было неоднозначным — но все же скорее позитивным. Школьники из дворян стремились объяснить свою социальную неполноценность исходя из того, что им объясняли родители и преподаватели. Б. С. Михайлов, на которого в большей степени влияла школа, чем семья, рассказывал, что дискриминация дворян, с которой он столкнулся достаточно рано, казалась ему естественной и не вызывала чувства внутреннего протеста. Он считал, что такая мера объясняется необходи-

мостью освобождения народа от гнета самодержавия и неизбежностью наказания дворянства, ответственного за грехи прошлого. «Я воспринимал это так, что были ликвидированы те несправедливости, которые были раньше. Почему еврейского мальчика не могли принять в школу нормальную, а дворянина принимали куда угодно сразу? Устроить в гимназию рабочего мальчика было нельзя, а дворянина — можно. Вот эти несправедливости, мне кажется, революция ликвидировала. Во всяком случае, понимал я так это. Поэтому у меня обиды не было. Я понимал, что это естественное явление».

Как преодолеть социальную исключенность, советская идеология объясняла достаточно доходчиво — за счет ударного труда, отдавая все силы работе. Следовало пробивать себе дорогу «в люди», как это делали до революции представители бедных слоев. Эта трудовая этика никоим образом не следовала из домашнего воспитания, но и не противоречила ему. Рассказывая о своей сложной и многоступенчатой трудовой биографии, Б. С. Михайлов постоянно подчеркивал, как много сил, времени и энергии он уделял работе, как любил эту работу и как старался. Не последнюю роль для него играло то, что он добился всего сам, без помощи родственников, исключительно за счет поддержки коллег, позитивно оценивших его рвение. «Двое работников нашей бригады были на этом месте, и на этом же месте и остались. А я за два года продвинулся с техника на и. о. инженера, потому что старался. А они работали абы как. Вот отсюда у меня и обиды никакой нет. Потому что я добился всего своими силами. И почему мне обижаться надо на кого-то? <...> Я жил тем, что мне приходилось выбиваться в люди. Это была основная задача. Я любил работать. И где бы я ни работал, работал хорошо. На фронте получил ордена. После фронта на строительстве завода “Азовсталь” тоже. Так что у меня была своя жизнь, и для обид не было оснований».

В 1950-е годы Борису Сергеевичу даже предложили вступить в партию. Он же, давно об этом мечтавая, до последнего момента продолжал напоминать о том, что он дворянин, и получил партбилет только тогда, когда ему подтвердили, что его принимают в партию, несмотря на дворянское происхождение. «Когда я стал начальником отдела, ко мне подошел секретарь партийной организации и говорит: “Как же это так — начальник отдела и не член партии”. Я ему говорю: “Ты же знаешь, я дворянин”. — “Ну и что, мы тебя знаем”. И тут же мне организовали рекомендации, и я стал членом партии. Причем с удовольствием. Я ему тогда сказал: “Я себя считаю беспартийным большевиком”. А первое предложение я получил во время войны после первого ордена. Также пришел секретарь и говорит: “Как это так — первый орденосец и не член партии”. Я ему говорю: “Ты посмотри мою анкету”. Он посмотрел и больше не подходил ко мне».

Ударный труд и патриотизм не только помогали добывать советскую трудовую биографию, но и искупляли вину мужчин старшего поколения, во время Гражданской войны перешедших на сторону белых и затем эмигрировавших и, таким образом, нарушивших присягу и подвергших опасности женщин и детей, оставшихся в России. «Когда я теперь начинаю думать, мне непонятно, как бабушка уцелела. Генеральша. Мать офицера, которому доверили командование и который сбежал. Муж тети сражался с владимирским юнкерским училищем, когда штурмовали его. Был ранен, тоже сбежал, эмигрировал. А мы жили в его доме. И никто не докопался до нас».

Советский патриотический настрой не препятствовал сохранению памяти о дворянском воспитании, о боннах и гувернантках, о состоятельной жизни дореволюционного времени. Не помешал он и женитьбе на девушке «из бывших». Не останавливал от общения с дворянскими кузинами из артистической среды, ездившими уже в 1930-е годы на гастроли во Францию и общавшимися там с зарубежными родственниками. С кузинами, советскими актрисами, вместе распевали популярную тогда песенку «долой, долой монахов, раввинов и попов» и в то же время ежегодно отмечали как Пасху, так и годовщину Октябрьской революции.

Во время интервью, которое было проведено в 2000 году, респондент говорил о себе как о дворянине и советском патриоте, не собираясь отказываться ни от одной из своих идентичностей: «Вы знаете, я должен вам сказать и показать, что, кроме того, что я дворянин, я стал членом партии, причем убежденным. Воспитание в детском доме оставило следы. Я был убежден, что поступаю правильно. Я до сих пор не сдал партийного билета и считаю, что мои взгляды остались прежними. Коммунизм — одна из форм христианства. Равенство людей. То, что сегодня делает коммунистическая партия, я не приемлю категорически и Зюганова не переносу совершенно. Но идеи коммунистические считаю хорошими. Благодаря коммунистической революции освобождена Индия, освобождена вся Африка. Это же надо признать, это большие результаты».

Выделим основные мотивы этого интервью: «всего добился сам», «старался и много работал». О полезности домашнего дворянского воспитания Борис Сергеевич почти не вспоминает. Французский и немецкий языки, которые он в детстве знал в совершенстве, в дальнейшем совсем забылись, для проявления хороших манер фактически не было подходящих ситуаций. Дворянство во всех его проявлениях нужно было преодолевать как помеху, отдавая ему дань из уважения к знакомым и родственникам.

Преодоление социальной исключенности и поддержание чувства исключительности, а также преодоление исключенности за счет ис-

ключительности были характерной темой всех интервью с дворянами 1910-х годов рождения. Однако далеко не для всех характерна четкость жизненной позиции, которую мы наблюдали в интервью с Б. С. Михайловым. Уверенность в своих взглядах и поступках была присуща тем информантам, кто был критически настроен либо по отношению к семье, либо по отношению к школе. Однако такие случаи были, по всей вероятности, достаточно редкими, поскольку многие родители были умеренны и осторожны во всех отношениях и не стремились сформировать критическое мировоззрение у детей. После истории Павлика Морозова, прогремевшей в 1932 году, взрослые стали особенно осторожны в выборе информации, приемлемой для детских и подростковых ушей. В результате подростки были в меру лояльны и семье и школе, и в голове у них складывалась достаточно сложная картина окружающего мира и своего места в нем. Поэтому и сегодня рассказ о жизненном пути информантов чаще всего предстает как череда вопросов и сомнений, попыток понять, какой путь был правильным. Они вспоминают, что обычно выбирали компромиссную стратегию — вынужденное отстранение от идеологических организаций при сохранении позитивного отношения к окружающему миру.

«Пионерки были, но я не была пионеркой, потому что была верующей и считала себя не вправе туда идти. А поголовного привлечения тогда даже в комсомол не было. Я никогда не была ни пионеркой, ни комсомолкой, ни членом партии. И, должна вам сказать, это не потому, что я такая антикоммунистка, а потому, что считала, что в партии состоит всякая шушера, а туда нужно брать совсем других людей. И что я тоже по моим меркам не подхожу. Я не лидер. А тот, кто вступает в партию, должен быть лидером. А в пионерки не шла потому, что сказать было нельзя, что я верующая, а врать я не могу».²³

Рефлексия по поводу своей социальной позиции так или иначе присутствует во всех устных и письменных свидетельствах. Судя по воспоминаниям поколения 1910-х годов рождения, поиск ответа на вопрос «кто я?» возникал обычно вследствие пребывания в советских учреждениях и организациях. Причем не всегда это было связано с дискриминацией и одиночеством; иногда, наоборот, потребность в самоопределении возникала в связи с обретенной новой дружбой с такими же выходцами из дворянских семей, встреченными в тех учебных заведениях, куда их негласно принимали.

Е. В. Иванова, чтобы помочь семье, еще подростком начала работать в театре. В середине 1920-х годов она переехала в Ленинград, где ей с трудом удалось поступить на вечернее отделение хореографического учи-

²³ Интервью с Панаевой Ниной Платоновной, 1918 г. р.

лица. Вечернее отделение оказалось прибежищем для многих девушек из семей «бывших», и это было поводом для шуток среди однокурсниц. «Над нашей дружбой очень смеялись, называли нас “дворянское гнездо”. У нас собралась такая дружба, и все оказались из дворянских семей».²⁴

Итак, учебные заведения являлись социальными институтами, воспитывавшими в бывших дворянах ощущение отличия от других. Нередко мощные усилия затрачивались на то, чтобы не выделяться. Средством для этого был ударный труд. Дискриминация стимулировала активность и личную инициативу, направленную на то, чтобы доказать свою полноценность и полезность советскому обществу. Конструктивное и позитивное или же нейтральное отношение к советской жизни касалось не только учебы и работы. Многие информанты отмечали, что одним из завоеваний советской власти они считали разрушение системы сословно-статусных браков и уменьшение контроля за личной жизнью. Они вспоминают, как использовали окружавшую их советскую риторику в спорах с родителями, занимая своего рода промежуточную позицию между родительскими представлениями и советскими карикатурами на «бывших».

«Мама мне говорила: “Надо дружить со всеми, но замуж выходить нужно только в свой класс, иначе когда-нибудь тебе это вспомнится”. Класс, понимаешь? И мне кажется, безусловно хорошее, что произошло в результате Октябрьской революции, то, что это уничтожено. Как неприкасаемые в Индии. Это предрассудок. Потому что нельзя определять принадлежность человека только потому, что он таким родился. Создание интеллектуальной элиты — это очень хорошо, но это другая вещь, потому что этот предрассудок классовый, и его все-таки сняли».²⁵

В некоторых интервью в качестве примера тех позитивных изменений, которые произошли за советский период, упоминалось решение еврейского вопроса. В семейных преданиях сохранились воспоминания о любовных историях дворян с евреями, например знатных и богатых владельцев имений с деятелями культуры, художниками и поэтами. Но при старом порядке брак с евреем с точки зрения семейно-сословных представлений был нежелателен. В 1920–1930-е годы этот предрассудок был преодолен, и брак с евреем стал восприниматься дворянами младших поколений как завоевание революции.

«Мой муж был еврей из местечка, из Гомельской губернии. В начале двадцатых он приехал сюда, устроился на работу, сперва — физическую. А он был очень талантливый. Он поступил в Технологический институт

²⁴ Интервью с Ивановой Екатериной Владимировной, 1906 г. р.

²⁵ Интервью с Панаевой Ниной Платоновной, 1918 г. р.

и потом давал уроки; вот за это он получал какие-то деньги и на это жил. И потом он шагал-шагал-шагал... Он затем был профессор, доктор, академик. Изумительные родители у него были. Правда, они очень плохо знали русский язык. Но мои родители, конечно, были против. У нас была семья, я бы сказала, патриархальная, во всяком случае евреев среди знакомых не было никого. И вдруг — моя старшая сестра вышла за еврея, я вышла за еврея, и средняя сестра потом вышла за еврея. И мама с папой спросили: «Девочки, неужели нет русских мужей?»²⁶

Советская дворянская биография формировалась путем приспособления домашнего воспитания к окружающей реальности и приручения агрессивного окружения с помощью ресурсов того же воспитания. Процесс превращения в полноценного члена нового общества включал в себя переосмысление семейной истории, в меру критичное отношение к дореволюционному времени и семейным традициям, осторожное отношение к пионерским и комсомольским организациям, пересмотр родительских представлений и современных стандартов в области личного и интимного.

Ухаживание и матримониальные стратегии

Обучение хорошим манерам в семье включало в себя наставления о том, как должны вести себя мужчина и женщина, каковы правила ухаживания. Ухаживание должно было происходить по определенным правилам. Знание этих правил свидетельствовало о том, что избранник получил в семье правильное воспитание и, следовательно, был желательной партией.

М. Н. Матвеева 1906 года рождения рассказывала, что для того чтобы встречаться с поклонником, она должна была прежде всего представить его своей матери и узнать ее мнение о возможном претенденте на руку и сердце. «У нас только было поставлено очень твердо — что мы никогда не должны были знакомиться. То есть знакомиться можно. Ну, если где-то, в каком-то доме с кем-то познакомилась, сидела за столом рядом, допустим, проводил домой. Но если ты собираешься с ним дальше встречаться, то ты обязательно должна его привести домой. Чтобы он пришел и познакомился с мамой. Вот это у нас было заведено в семье.

²⁶ Интервью с Негребецкой Еленой Васильевной, 1906 г. р.

<...> Чтобы она знала, с кем я имею дело. Поэтому, когда я с мужем познакомились, он спросил: “А можно мне как-нибудь приехать?” Он меня провожал. И я ему говорю: “Не можно, а обязательно нужно, потому что иначе я не смогу с вами встречаться”. Но его это не удивляло. Потому что он был примерно из такой же семьи».

В. В. Бурлакова 1913 года рождения рассказывала о том, как был проложен путь к сердцу будущей свекрови, княгини М. Д. Гагариной: «Он (жених) жил с матерью, и его мать говорила, что она питала ко мне хорошие чувства, потому что я никогда не звонила. Другие ему обрывали телефон, а я не звонила, и ей это понравилось». Она не появлялась в доме жениха до свадьбы. Он же, наоборот, постоянно присутствовал в ее доме. «Он приглашал меня в театр. Бывал у нас. Я у него была в первый раз невестой, когда он меня представил своей матери как невесту. Ходили так... В театр, в концерты, в филармонию... <...> Потом мы жили на даче в Луге, он приезжал туда. <...> Потом свадьба... Причем его мать путала ЗАГС и ЖАКТ. Она говорила: “24-го вы идете в церковь, не забудьте до этого за неделю записаться в ЖАКТе. Иначе вас не будут венчать”. <...> Мы венчались, хотя это в то время преследовалось, венчались в церкви князя Владимира. Но ехали туда очень скромно. Я ехала туда на трамвае, а он пришел пешком, потому что недалеко жил. <...> На мне было белое платье и фата. Фату я везла в чемоданчике. Букет держала в руках, который он мне подарил. Туфли тоже в чемоданчике везла, были красивые, на высоком каблуке. Это было 24 сентября 1933 года».

В некоторых бывших аристократических семьях глава семьи по-прежнему выбирал супруга, или супругу, своим взрослым детям. Т. А. Аксакова-Сиверс в «Семейной хронике» приводит эпизод из жизни княжеской семьи Львовых в Ленинграде 1930-х годов, который иллюстрирует инерцию прежних представлений об удачных альянсах: «Родители Львовы пожелали жить поближе к сыновьям. <...> На судьбе Юрия это отразилось так, что, поразмыслив, папа и мама решили его женить и в ультимативной форме предложили ему немедленно ехать в Тифлис и делать предложение княжне Ратиевой, которая была им давно знакома и как невеста отвечала всем их требованиям. Юрий Сергеевич встретил этот ультиматум без всякого энтузиазма, однако, воспитанный в рамках Домостроя, он “поспешно в путь потек” и через месяц вернулся женатым».²⁷

Приверженность старших поколений прежним представлениям и особенно религиозным ритуалам становилась источником больших и малых семейных драм. М. Н. Матвеева рассказывала о том, что сыновнее послушание пагубно отразилось на первых годах их жизни с мужем, ко-

²⁷ Аксакова-Сиверс Т. А. Семейная хроника: В 2-х т. Paris: Atheneum, 1988. Т. 2. С. 104.

торый в конце 1920-х годов был военным. «Мы с мужем венчались в церкви, и из-за этого его выслали в Севастополь на работу. Тогда же антирелигиозное все было. И узнали, пронюхали, что он венчался в церкви. А он венчался в церкви просто потому, что ему мать сказала: “Если ты не повенчаешься, то я на порог твою жену не пущу”. Давила мать на него. Его отсюда выслали и разлучили нас таким образом. Так что три года мы жили врозь, сразу после свадьбы».

Консерватизм старшего поколения приводил к конфликтам, спорам и даже разрыву родственных отношений. Укрывшись в уютном мире воспоминаний, старые дворяне не учитывали советских реалий и настаивали на том, чтобы молодежь жила по прежним стандартам в соответствии со старомодными представлениями о приличиях. И. Е. Гедройц 1915 года рождения рассказывала, как убежденность ее родственниц в том, что приличная девушка не должна поздно приходить домой, привели к разрыву с ними. «Я поздно возвращалась из института, в двенадцать часов, и у меня был ключ, и я могла приходить когда угодно, а они в одиннадцать часов закрывали на крюк, и я уже домой попасть не могла и ходила ночевать к кому-то из подружек или к соседям, с которыми дружила. Они меня не пускали, сколько бы я ни звонила. И когда я говорила об этом, они мне отвечали: “Не шляйся”. В то время, когда они прекрасно знали, что я нигде, никогда вообще не шлялась и что я приходила из института поздно. И мне пришлось просто переехать, ну не могла же я всегда ночевать где-то в чужом месте».

Более продуктивно функцию контроля за личной жизнью подрастающего поколения осуществляли те родители, которые учитывали особенности общества, в котором они жили. Готовность пойти на компромисс — например, отказ от публичных проявлений религиозности и аристократизма — позволяла воссоздать комфортный мир дома, в котором мнение старших родственников было значимо.

М. Н. Матвеева рассказывала о том, что мудрость и такт ее матери способствовали тому, что обе ее дочери вышли замуж за мужчин своего круга, защищавших и обеспечивавших их. Ее сестра жила и воспитывала сына по старинке: «Ее муж, Е. А. Водарский, был ровесником моей мамы. У них была разница в 25 лет. И она в него влюбилась. Потому что он был очень интересный человек. Много бывал за границей, много чего повидал. Много рассказывал. Он бывал в Африке, в Америке, в Париже. Он очень много ездил и рассказывал очень интересно. Евгений Александрович много очень зарабатывал, вполне обеспечивал семью и даже не давал Нине работать. А ее сын, когда был маленький, ходил в немецкую группу. Несколько семей организовали группу такую, человек восемь ребят, и с ними была немка, которая с ними гуляла, играла и говорила по-немецки».

Какой альянс мог считаться удачным в 1920—1930-е годы? Роман и брак девушки «из бывших» с активным рабочим-партийцем или выдвиженцем-управленцем (типичный сюжет литературных произведений) был скорее эпическим сказанием, чем распространенной реальностью. Интервью показали, что в дворянских семьях, которые жили в Ленинграде в 1930-е годы, такие браки считались опасными и не очень желательными. Вполне приемлемым с точки зрения многих семей был брак с образованным человеком, позитивно относившимся к ценностям «бывших». Высоко ценились принадлежность к интеллектуальным профессиям и дистанция по отношению к партийно-советским кругам, немало важное значение имел также социальный статус.

Эффективный родительский контроль за альянсами, как уже говорилось, был доступен лишь тем, кто был профессионально и социально интегрирован в советское общество. Многим молодым людям приходилось пробиваться в жизни без всякой помощи и совета со стороны старших родственников. Празднование торжественных дат казалось большой роскошью, а церковные ритуалы представлялись чем-то курьезным, из прошлого века. При этом были достаточно сильны представления о том, что мужчина обязан содержать семью, а женщина должна реализовать себя в заботе о муже и детях.

Б. С. Михайлов рассказывал о том, как он настойчиво ухаживал за своей будущей женой, пытаясь доказать ей и ее семье, что он больше всех любит свою избранницу, сможет быть достойным защитником и пробьется в жизни. Для него и его невесты было важно мнение ее родителей, но ритуальная сторона жизни уже ни для кого не играла роли. «Ну, прежде всего, я старался почаще приходить. Кроме того, они жили во внутреннем дворе. Так я приезжал часто, поднимался по лестнице первого дома и высматривал в окно Лялю. И был счастлив, если видел ее. И только потом я узнал, что она это знала и тоже смотрела. Иногда удавалось пригласить ее в кино. А удавалось почему — у меня сохранилась связь с одной приятельницей бабушки. Она работала кассиром в кино. И давала мне контрамарки. Потом, когда я начал зарабатывать, я уже и сам покупал. После этого, когда возвращались домой, обходили вокруг одного квартала рядом с их домом. Это был ритуал — обойти, не сразу расстаться. Потом домой. Иногда засиживались. Бабушка и тетя Маруся спать уходили, а мы сидели в большой комнате, и они полностью доверяли нам, что мы ведем себя достойно. И мы вели. Поцелуи были очень несовременные. Я смотрю, как сейчас. Мы так не умели целоваться. Потом, когда они уезжали на дачу, я обязательно приезжал на выходные к ним. Я уже работал, привозил что-нибудь вкусное. За ней там ухаживали молодые люди с мотоциклами. Так что мне было трудно, но я настойчив был. Кончили мы школу в 1927 году осенью. А познакомился я с ней на даче в

1929-м. А поженились мы в 1931-м. Мы приехали с работы — она и я. Октябрьский ЗАГС. Встретились в ЗАГСе, свидетели оказались незнакомыми. Мы расписались там и уехали каждый к себе. Через день было рождение Ляли. Там мы объявили, что мы муж и жена. А перебралась Ляля ко мне, очевидно, еще через недельку. Потому что у меня была восьмиметровая комната, надо было хоть как-то ее обустроить. Так что фактическая свадьба была не непосредственно после бракосочетания. Вот как жила молодежь того времени».

Возможность контроля за кругом общения и альянсами со стороны родителей была связана с инвестициями в воспитание начиная с детства. В семьях, где материальная, социальная и моральная поддержка родственников способствовала интеграции девушки или молодого человека в общество, осуществлялся также неустанный контроль со стороны семьи.

От «дома» — к «семье»: новая модель частной жизни

В послереволюционное двадцатилетие модель дворянского «дома» как семейного и жизненного пространства уступила место модели «семьи». Для модели «дома» было характерно наличие широкого круга людей, включенных в семейную группу, которые были связаны между собой отношениями экономической зависимости и взаимной протекции. Эта семейная группа представляла собой микрообщество, конфигурацию социальных связей, где каждый имел свою роль и свою обязанность. Семейное сообщество разбавлялось обширным кругом общения с соседскими семьями (на даче), с друзьями и подругами, с деятелями культуры. Взаимоотношения родителей и детей были не обязательно эмоционально близкими, и при этом они были даже более ритуализированными, чем общение с бабушками, дедушками, нянями и гувернерами.

С. Е. Трубецкой, сын известного философа кн. Е. Н. Трубецкого, рассказывает, что ему и брату «было запрещено входить в кабинет Папá,²⁸

²⁸ С. Е. Трубецкой в мемуарах называет родителей на французский манер — Мамá и Папá.

когда он занимается, но мы и так не посмели бы туда войти. В кабинете Папá был окружен для нас какой-то мистической атмосферой, и почтение к нему в раннем возрасте принимало чуть ли не религиозные формы. <...> Мы боялись не Папá, а “Папá в кабинете”». ²⁹

Е. И. Вощина вспоминает: «Если мое детство можно назвать золотым, то золотили его Вавочка и Леша. Вавочка — няня, Леша — брат. Мама — это совсем другое. Это организующее начало всей жизни, порядочность, строгость, без нее жизни нет, не может быть. Это внушает нам и Вавочка, неизменно и во всем на маминой стороне. Так понимаем Маму и мы — не ждем от нее особой ласки, тепла». ³⁰

В послереволюционное время в крупных семейных группах произошло разобщение и одновременно — сближение с родственниками, живущими вместе под одной крышей. Отношения стали более эмоциональными, менее ритуализированными. Общение в расширенной семейной группе стало сводиться к оказанию помощи в наиболее критических ситуациях, эпизодическому празднованию семейных дат. Разобщенность стала результатом миграций, различия стратегий адаптации, нехватки ресурсов, но, главное, страхом и привычкой к молчанию. Близкими родственниками стали считаться те, кого достаточно хорошо знали и кому доверяли. Е. В. Ивáнова 1906 года рождения отмечает: «Нужно было просеивать через мелкое сито каждое свое выступление, каждое высказывание, мнение. Все, что хочешь сказать, надо было очень тщательно обдумать. И у нас было так заведено, что о политике не говорили. С друзьями старались не говорить никогда. Если говорили, то о каких-то событиях. Боялись сказать лишнее слово. А с родственниками говорили. Потому что родственники — единомышленники».

Во многих семьях избегали говорить на опасные темы даже друг с другом, но между людьми, которые жили вместе, существовал негласный консенсус по поводу оценки всего происходящего. В атмосфере быстрых перемен и компромиссов трудно было предугадать эволюцию взглядов, которую могли пережить более далекие родственники, особенно те, которые жили в других городах. Поэтому в целом меньшее значение, чем прежде, стало играть общение подрастающего поколения с кузенами и кузинами. Вследствие различия жизненных траекторий и взглядов кузены, оставаясь родственниками, не всегда были социально близкими людьми. Исключением были семьи, жившие в родственных коммунальных квартирах.

По сравнению с дореволюционным периодом возросло значение дружеских связей. Источником пополнения опустошенных революцией

²⁹ Трубецкой С. Е. Минувшее. С. 15–16.

³⁰ Вощина Е. И. Детство и родные. Рукопись из личного архива. С. 1.

дружеских кругов служили соседи по дому и даче. Этому способствовало социально близкое соседство. «Бывшие» были неравномерно распределены в пространстве Ленинграда. Невзирая на жилищный передел и выселения, дореволюционная сегрегация отчасти сохранялась. Эту проблему неоднократно обсуждали на страницах местных ленинградских газет, где отдельные улицы и дома были заклеены как «социально чуждые» из-за высокой плотности населения «из бывших». ³¹ Приятное соседство было особенно важно для пожилых людей, оно также облегчало поиск нянь, домашних учителей и способствовало взаимному обмену услугами.

Многочисленная семья Зворыкиных после десятилетия миграций по России в начале 1930-х годов переехала в Ленинград, причем часть родственников поселились вместе в доме 73/75 по Каменноостровскому проспекту. Федор Анатольевич Зворыкин с женой и двумя дочерьми, его сестры Надежда и Ксения и дочь Николая Анатольевича Евгения расположились в этом доме в квартире № 38; в этом же доме, в квартире № 57, жил их племянник, Николай Иванович Зворыкин, с женой.

В доме 73/75, как в других домах на Каменноостровском проспекте, до революции покупали или снимали квартиры представители богатой буржуазии и дворянства. После революции многие из квартир, в том числе квартира № 38, были превращены в родственные коммуналки. Кроме того, весь дом 73/75 был местом жительства большого количества «бывших», которые «отличались от среднего уровня граждан тех лет». Например, «в доме жили какие-то адмиральши и генеральши — осколки разбитого вдребезги, с когда-то красивыми лицами, в когда-то элегантных туалетах, а теперь старенькие, жалкие, одетые во что-то бархатное и шелковое, но выцветшее и вытертое». ³²

Таким образом, поселившись в доме 73/75, семья Зворыкиных оказалась в среде людей, близких им по социальному положению и жизненному опыту. Завязались знакомства с соседями: Красовскими, Велиховыми, Лозинскими. Восстановились знакомства с бывшими соседскими помещиками, также переехавшими в Ленинград. Круг общения пополнился из числа социально и эмоционально близких коллег по работе. Продолжились старые обычаи: семейные обеды, игры, пение под рояль.

³¹ Герасимова Е. Ю., Чуйкина С. А. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду // Нормы и ценности повседневной жизни / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб. С. 33.

³² Зворыкина Н. Ф. Записки: История семьи Зворыкиных. Рукопись. С. 72.

От человека «этического» — к человеку «культурному»: новая модель воспитания

Взросление дворянина при старом порядке включало в себя образование и воспитание. Если первое сводилось к усвоению различных наук и практических умений, то второе заключалось в восприятии моральных принципов, которые в дальнейшем определяли поведение и принятие жизненно важных решений. Если образование ведали (под контролем родителей) гувернеры, гувернантки и учителя, то воспитание было задачей родственников. О. С. Муравьева отмечает, что образование и воспитание детей в дворянских семьях были нормативными, то есть направлены «не столько на то, чтобы раскрыть индивидуальность ребенка, сколько на то, чтобы отшлифовать его личность соответственно определенному образцу».³³ Стремясь к тому, чтобы индивидуальные способности каждого ребенка были реализованы, главной задачей родители считали внедрение некоторых общих принципов поведения, основанных на сословной и религиозной морали, национальной памяти (патриотизме, как говорили мемуаристы), семейной памяти и истории рода, принципах родственной солидарности. Основной принцип сословной морали заключался в том, что важно было не практическое последствие поступка, а его этическое значение.³⁴ В идеале честь являлась основным законом поведения дворянина, безусловно и безоговорочно преобладающим над любыми другими соображениями, будь то выгода, успех, безопасность или просто рассудительность.³⁵ Если стимулом всей жизни является честь, совершенно очевидно, что ориентиром в поведении человека становятся не результаты, а принципы.³⁶

³³ Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. С. 9.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 39.

³⁶ Там же. С. 51.

В сталинское время этические пределы возможного стали в каждой семье и даже для каждого индивидуума различными. Они редко являлись предметом обсуждения в сообществе. Порядочность или непорядочность и оправдания тех или иных решений определялись часто тем, насколько опасной могла быть признана ситуация, в которой человек себя проявлял. По сравнению с ситуацией индивидуум стал менее значимым актантом. Поводом для «дуэли» или разрыва отношений могли стать главным образом ситуации, обусловленные жесткостью режима, и к их оправданию фактически сводились морально-этические критерии благородных и неблагородных поступков.

Большую значимость, чем раньше, приобрела профессиональная этика, поскольку самореализация в профессии стала одним из главных удовольствий, поощряемых своим кругом и вознаграждаемых обществом. Стали более распространенными ориентации на достижения, на стремление к статусным позициям и благосостоянию. Несмотря на то что профессиональные стремления были приемлемы и распространены и раньше, это не считалось истинно дворянской чертой и не было существенным компонентом воспитания традиционной элиты. «Решающая установка в воспитании дворянского ребенка состояла в том, что его ориентировали не на успех, а на идеал. Быть храбрым, честным, образованным ему следовало не для того, чтобы достичь чего бы то ни было (славы, богатства, высокого чина), а потому что он дворянин, потому что ему много дано, потому что он должен быть именно таким».³⁷ В этой системе координат в понимание жизненного успеха входило не столько внешнее благополучие, сколько внутреннее состояние человека.³⁸

В сталинское время в кругах «бывших» попытка проникнуть во внутреннее состояние человека, его помыслы и воспоминания была фактически табуизирована (при условии, что публичная культура советского общества поощряла чтение тайных мыслей окружающих). Но внешние проявления благородного происхождения, которые и раньше были немаловажны, продолжали играть существенную роль. Однако эти внешние проявления стали иными, чем прежде. На первое место ставились умение поддерживать разговор и манера общения — в меру раскованная, изысканная и тактичная. Воспитание эстетического чувства в 1920—1930-е годы свелось к «пониманию прекрасного» (изобразительного искусства, музыки, театра, поэзии, природы), тогда как раньше оно включало в себя всеобъемлющее понятие стиля, в которое входило отношение к телу и одежде, расположение вещей в жилищном пространстве и многие другие аспекты.

³⁷ Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. С. 39.

³⁸ Там же. С. 51.

Единственным элементом воспитания, который стал более изощренным и сложным, не потеряв при этом своих прежних форм, было искусство молчания. Молчание в дворянских семьях всегда было важным инструментом как светской, так и внутрисемейной коммуникации, а в советский период у него появилось еще больше тональностей и вариантов.

Итак, в дореволюционное время период взросления подразумевал освоение целого комплекса различных норм и практик — этических, религиозных, эстетических, моральных и статусных. В советское время многие элементы воспитания исчезли или преобразовались. Те его составляющие, которые по тем или иным причинам не могли больше существовать, вытеснялись *культурными* составляющими, самыми безопасными и полезными в новом контексте. Таким образом, вместо человека «этического» стали воспитывать человека «культурного».

Советское дворянское воспитание 1920–1930-х годов было ориентировано не на воспроизводство, а на формирование новой социальной группы. Его целью было избавление от «бывшести» и создание комфортного мира в новых условиях. Но в реальности это воспитание способствовало как реконверсии, так и культурной инерции.

Биография дворян 1910-х годов рождения характеризуется более или менее ярко выраженным конфликтом между дворянской и советской социализацией, между пожеланиями семьи и социальной среды и требованиями общества. В процессе советской дворянской социализации приобретался значительный по меркам той эпохи культурный капитал, способствовавший реконверсии дворян как социальной группы, приобретению «бывшими» дворянами высокого социального статуса в советском обществе вопреки многочисленным препятствиям. Одновременно с культурным капиталом наследовалось чувство отчужденности от публичной жизни советского общества и чувство принадлежности к узкому кругу «своих».

часть II / глава 2. трансляция семейной памяти

Исследования показывают, что разные социальные классы помнят по-разному. В современной социологии в общих чертах изучены особенности коллективной памяти рабочих, крестьян, средних классов, элит, национальных и религиозных меньшинств.¹ В случае социальных групп, чей статус и классовую позицию определить сложно, практики памяти — то, как помнят, — помогают понять социально-структурную позицию тех, кто помнит.

---

¹ *Bozon M., Thiesse A.-M.* La Plaine et la Route, mémoire populaire du Vexin français et du Pays de France. Asnières-sur-Oise: Fondation Royaumont, 1982; *Debouzy M.* In Search of Working-Class Memory: Some Questions and a Tentative Assessment // *Between Memory and History* / Eds. M.-N. Bourguet, L. Valensi, N. Wachtel. Chur: Harwood Academic Publishers, 1990. P. 55–76; *Halbwachs M.* Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press, 1992; *Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: Mouton & Co, 1976; *Bastide R.* Les religions africaines au Brésil. Paris: PUF, 1960; *Le Wita B.* «Ni vue, ni connue...»; *Le Wita B.* La mémoire familiale des Parisiens appartenant aux classes moyennes // *Ethnologie française*. 1984. T. 14. N 1. Janvier–Mars. P. 57–66; *Mension-Rigau E.* Une certaine image de l'histoire // *Ethnologie française*. 1990. T. 20. N 1. Janvier–Mars. P. 27–33; *Mension-Rigau E.* L'enfance au château: l'éducation familiale des élites françaises au vingtième siècle. Paris: Rivages, 1990; *Mension-Rigau E.* Aristocrates et grands bourgeois: éducation, traditions, valeurs. Paris: Perrin, 1998; *Saint-Martin M., de.* L'espace de la noblesse. Paris: Métailié, 1993; *Moniot H.* The Uses of Memory in African Studies // *Between Memory and History*. Chur: Harwood Academic Publishers, 1990. P. 173–182; *Segalen M.* Quinze générations de Bas-Bretons. Paris: PUF, 1985; *Singly F., de, Thélot Cl.* Racines et profils des ouvriers et cadres supérieurs // *Revue française de sociologie*. 1986. Janvier–Mars. XXVII–1. P. 47–86; *Zonabend F.* La mémoire longue. Temps et histoires au village. Paris: PUF, 1980.

Семейная память традиционной элиты отличается от памяти других социальных слоев детальностью изложения и четкостью генеалогического знания имен и дат. Семьи элиты, утверждая свои позиции в обществе, приобретают тенденцию к бесконечному расширению, к трансформации семейной сети в социальную сеть, к превращению этой сети в конечном итоге в микрообщество, выходить за пределы которого приходится крайне редко. Поэтому у элиты значительно больше родственников, чем у других социальных групп. Представители высших слоев помнят больше имен и адресов. В сферу актуальной памяти включается несколько поколений живших ранее и ныне существующих членов расширенной семьи. На помощь памяти приходят светские регистры, родовые книги и семейные истории.

Семейная память, так же как и другие капиталы элит, является коллективным достоянием. В ее сохранении и трансляции участвуют все те, кто принадлежит к кругу «своих». Отношение к прошлому важно для определения границ этого круга и тех, кто не будет принят в него несмотря на высокий социальный статус. Настоящее в кругах традиционной элиты призвано обеспечить влияние прошлого на будущее. Этой задаче способствует и организация повседневной жизни, и воспитание подрастающего поколения, и образование в соответствующих учебных заведениях, и светская жизнь. Прошлое обеспечивает престиж семьи и социальной группы в целом. Поэтому трансляция семейной памяти является постоянно присутствующим элементом межпоколенной коммуникации.

Многие хранители семейной памяти считают, что их задача сводится к консервации известных им воспоминаний, преданий и образов. Но социологические исследования показывают, что такой консервации не происходит ни при каких обстоятельствах. Содержание и формы памяти постоянно меняются не только в течение длительного периода, но и на протяжении жизни одного поколения. Более того, ближайшие родственники имеют разные представления об истории семьи, дают прошлому разные оценки и имеют отличный друг от друга набор воспоминаний. Это связано с тем, что семейная память прагматична — в ней прежде всего сохраняется то из прошлого, что может послужить в настоящем, и то, что помогает принимать решения. Прошлое постоянно перелицовывается и пересматривается, какие-то события забываются, а затем вспоминаются.

И семейные воспоминания, и коллективная память актуализируются в процессе эмоциональной коммуникации. Эмоциональный опыт, который объединяет людей и обсуждается ими, формирует фундамент памяти, на котором она строится. Как пишет Морис Хальбвакс, наличие коллективной памяти, построенной на эмоциональной коммуни-

кации, свидетельствует о том, что социальная группа существует. Когда социальная группа перестает существовать, на смену живой коллективной памяти приходит монументальная история.² Когда же коллективная память группы уступает место истории, семейная память потомков тех, кто некогда к ней принадлежал, также меняет свои характеристики. Например, может измениться содержание памяти, ее длина и четкость, манера рассказывать о прошлом, обстоятельства и формы трансляции.

В этой главе исследуется, что и как помнит о предках поколение 1910-х годов рождения, как осуществлялась трансляция памяти этому поколению и от этого поколения — последующему. Нас интересует статус прошлого в дворянских семьях в послереволюционное время. Как, кем и где осуществлялась трансляция семейной памяти, какие посредники способствовали этому и какие послания потомкам передавались в различных версиях прошлого. Длина, четкость, содержание, манера изложения и способы трансляции семейной памяти являются измерениями социально-структурной позиции «бывших дворян» в советское время.

Трансляция семейной памяти находилась под влиянием двух особенностей внешнего контекста: дискриминации лиц «из дворян» как представителей «бывших эксплуататорских классов» и их вынужденного соприсутствия с чужими людьми в пространстве коммунальных квартир. Первое обстоятельство способствовало манипуляциям с социальным происхождением и стремлению забыть многие аспекты дореволюционного прошлого, второе — выработке особого языка общения, понятного только посвященным.

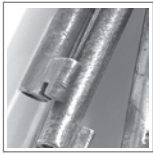
Важное мировоззренческое изменение, последовавшее за Октябрьской революцией, заключалось в том, что нарушилась организация жизни бывших дворянских семей, в которой прошлое было значимо для будущего. Настоящее вышло на передний план и для многих свелось к задаче спасения и физического выживания. Исчезла уверенность в том, что память о предках может что-то дать потомкам.

Но различные элементы дореволюционного прошлого зримо и незримо присутствовали в жизни дворянских семей. Некоторые из них стали помехой в новой жизни, другие приносили пользу и даже неожиданно уводили от опасности.

---

² *Halbwachs M.* La mémoire collective. Paris: PUF, 1950.

Проблема имени: скрыть, использовать, забыть?

В первые годы после революции среди представителей бывших привилегированных слоев не было единого мнения по поводу происходившего вокруг и того, что следовало предпринимать в той или иной ситуации.³ Кто-то возлагал надежды на победу Белой армии и вступал в ее ряды. Другие, наоборот, надеялись на победу Красной армии, считая, что победа белых привела бы к установлению реакционного правления. Кто-то полагал, что большевики — единственная реальная сила в стране, способная со временем навести порядок, и поэтому относились к ним позитивно, надеясь быть полезными новой власти. Значительная часть жила надеждой на возвращение старого режима и былых привилегий... Какими бы различными ни были реакции на Октябрьскую революцию в первое время, в дальнейшем отношение к режиму «бывших» унифицировалось. Стало понятно, что лояльность или нелояльность к целям и ценностям нового общества не спасают от перегибов дискриминационной политики. Отношение к государству, к окружающим, особенно к незнакомцам, стало окрашено опасениями, страхом, недоверием, настоятельностью и чувством нестабильности.

Переломным моментом был период первой пятилетки и сталинской культурной революции — конец 1920—начало 1930-х годов.⁴ Эти годы ознаменовались увольнением многих людей «из бывших» с рабочих мест во время крупномасштабной чистки партийного и советского аппарата, выселением уволенных в чистках «нетрудовых элементов» из квартир,⁵

³ Вихвайнен Т. Внутренний враг; Чуйкина С. А. Реконфигурация социальных практик: семья поместных дворян в до- и послереволюционной России, 1870–1930 // Социологические исследования. 2000. № 1. С. 81–92; Channon J. Tsarist Landowners after the Revolution: Former *Pomeshchiki* in Rural Russia during NEP. P. 575–598; см. также мемуары О. В. Волкова и В. Н. Ипатьева.

⁴ Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / Ed. S. Fitzpatrick. Bloomington: Indiana University Press, 1978; David-Fox M. What is Cultural Revolution? // The Russian Review 58 (April, 1999). P. 181–201.

⁵ Герасимова Е. Ю., Чуйкина С. А. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду. С. 27–74; Обертрейс Ю. «Бывшее» и «излишнее»: изменение социальных

массовым уплотнением жильцов, показательными процессами над «старыми специалистами» — инженерами и учеными, обвинявшимися в саботаже, усилением дискриминации по классовому принципу, в особенности при поступлении в высшие учебные заведения,⁶ постепенным вытеснением частных предприятий и огосударствлением всех областей жизни,⁷ введением паспортов, облегчившим контроль за населением.⁸ В это же время в повседневную жизнь прочно вошел компромисс как нормальный способ выстраивания отношений с собой, окружающими и государством.

Фамилия, напоминая о дореволюционном статусе, была едва ли не главной помехой при адаптации к новой жизни. Архивные исследования, проведенные в последние годы, обнаружили: чем более знатным происхождением и чем более известной фамилией обладал человек, тем большей была вероятность внимания тайной полиции по отношению к нему со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями. «Звучность» фамилий являлась одним из критериев отбора жертв во время массовых арестов дворян. В. А. Иванов, используя материалы архивов, показывает, что в Ленинграде носители известных в истории России фамилий рисковали своей жизнью больше, чем другие представители того же сословия.⁹

Вынужденные миграции в другие города и регионы предоставляли возможности для потери и подделки документов, смены фамилии, приобретения фиктивной биографии. К редактированию своего прошлого и «забвению» некоторых родственников прибегли почти все. Многие документы и вещи, свидетельствовавшие о символическом статусе фамилии, были уничтожены еще в период Гражданской войны, а часть прошлого была конвертирована в приемлемую для помещения в анкету информацию.

норм в жилищной сфере в 1920–1930-е гг. На материалах Ленинграда // Нормы и ценности повседневной жизни в России, 1920–1930-е годы. СПб.: Журнал «Нева», 2000. С. 75–98; Герасимова Е. Ю. Советская коммунальная квартира: историко-социологический очерк // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 224–243; Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города, 1920–1930 годы. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 1999.

⁶ См.: *Bailes K. Technology and Society under Lenin and Stalin; Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934.*

⁷ *Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М: РОССПЭН, 1997; Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s.*

⁸ *Kessler G. The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940. P. 477–504; Moine N. Passeportiation, statistique des migrations et contrôle de d'identité sociale. P. 587–600.*

⁹ *Иванов В. А. Миссия Ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20–40-х гг.*

И. Е. Гедройц рассказывала, как бабушка ее «метрику настоящую в свое время сожгла и получила мне обычную советскую метрику. Где я просто была дочкой гражданина такого-то и гражданки такой-то. В анкетах она мне велела писать: отец — военный служащий, мать — медсестра».¹⁰

И. В. Арнольд приняла решение, какую информацию о своих родителях она будет сообщать: «...держала анкету у себя в письменном столе и всегда четко переписывала все, что там было, чтобы что-нибудь не перепутать».¹¹

Изменение отдельных деталей в анкете ради конкретных целей не решало всех проблем. Изобретение же совершенно новой биографии требовало разрыва отношений со всеми знакомыми, с родственным и дружеским кругом, иначе риск обнаружения подлога становился слишком велик. Поэтому обычно «бывшие» старались затаиться и по возможности избегать ситуаций, в которых нужно было бы акцентировать свое происхождение. Однако иногда они пытались использовать свое родство с известными в истории России персонажами.

Современниками была замечена одна из особенностей функционирования советского режима. Для его существования постоянно требовалась легитимация, и поэтому советские идеологи пытались найти в истории своих «духовных отцов» и предшественников.¹² В качестве таковых в различные периоды привлекались те или иные известные личности, которые, возможно, всего лишь за несколько лет до этого осуждались. Эту особенность режима дворяне использовали в кризисных ситуациях. Стратегия выживания дворянских семей с «громкими» фамилиями осуществлялась в соответствии с тем, кого из исторических деятелей на текущий момент обличали или, наоборот, прославляли в советской публичной культуре. Поскольку многие были потомками сразу нескольких известных в истории России деятелей, была возможность выбора наиболее подходящей фигуры. Спасение арестованного или высланного, восстановление на работе уволенного достигались благодаря способностям родственников и знакомых сориентироваться и доказать абсурдность репрессий по отношению к потомку какого-либо исторического деятеля. Для того чтобы быть убедительным, следовало освоить советский язык и логику убеждения, приемлемую для советских функционеров.

¹⁰ Интервью с Гедройц Ириной Евгеньевной, 1915 г. р.

¹¹ Интервью с Арнольд Ириной Владимировной, 1908 г. р.

¹² О поисках советской идеологией и культурой легитимации в прошлом см.: *Geldern J., von. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley etc.: University of California Press, 1993; Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades. Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000.*

Е. И. Вощинина вспоминает, как ее знакомая, правнучка декабриста Бестужева-Рюмина, сумела в 1920-е годы выволить своего мужа из заключения, мотивируя абсурдность его ареста тем, что он родственник одного из первых революционеров: «У Первольфов в доме я была всего раза три. Первое впечатление страшной запущенности квартиры, обусловленной беспомощностью старших и в общем нищетой. <...> И, несмотря на все это, уют со старинной мебелью и темные портреты на стенах. Вот канцлер елизаветинских времен граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. <...> А вот и декабрист, тоже потемневший портрет. Сначала у меня мысль: как не бояться? У нас все портреты предков спрятаны или уничтожены. Конечно, не такие великие персоны, но все же, а здесь — всё на виду. Но потом узнала, что декабрист Бестужев-Рюмин выволил из беды старого Первольфа. И как!!! Непосредственной спасительницей была казавшаяся такой беспомощной и неприспособленной к жизни жена Первольфа. Когда тот попал в тюрьму в один из периодов очередных арестов, она собрала все документы декабриста-прадеда и сумела прекрасной неоспоримой речью убедить представителей власти в нелепости “покушаться на потомка первых революционеров”, как она выразилась (неважно, что муж правнучки). Они открыли рот под впечатлением потока убедительных слов, спасовали перед напористой дамой и отпустили Первольфа».¹³

Е. И. Вощинина также вспоминает в интервью, как знакомую семью потомков генерала Кутузова выслали из Ленинграда в 1935 году, а в конце 1930-х, когда многие русские герои были реабилитированы, а их имена возвращены в официальную историю, потомкам Кутузова дали возможность вернуться в город: «Тучковы имели квартиру в кутузовском доме. Их выгнали как родственников Кутузова, а потом вернули как родственников Кутузова, потому что стали интересоваться Кутузовым... Смешного было много, трагикомического...»¹⁴

В. В. Бурлакова рассказывает, как однажды удалось выволить из тюрьмы ее мужа князя Гагарина, апеллируя к заслугам его отца, основателя петербургского Политехнического института: «Отец Петра Андреевича, моего мужа, организовал Политехнический институт. Он там защищал студентов. Там учился Фрунзе, и Андрей Григорьевич в свое время не разрешил его арестовать. И за это Ленин выдал ему охранную грамоту, в которой написал: “Андрея Григорьевича Гагарина не трогать и давать ему для научных работ необходимое количество керосина”. И вот эта бумага находилась в музее Ленина, а у нас осталась копия, и один раз

¹³ Вощинина Е. И. Таня, или Опустелый дом потомков Бестужевых-Рюминых. Рукопись из личного архива. С. 3–4.

¹⁴ Интервью с Вощиной Екатериной Ильиничной, 1909 г. р.

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

СОВЕТЪ
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль.

20 января 1930 г.

№ 1000

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е.

Предъявляю сего инженеру Андрею Григорьевичу ГАГАРИНУ разрешение проживать в Поковской губернии, Порховском уезде, Шевницкой волости в Народном доме моего имени в "Холомках". Прошу местные власти ГАГАРИНА не беспокоить, в заложники не брать, вещей не реквизировать и давать ему керасину необходимое количество для его занятий, которые я считаю для Республики полезными.

Председатель Совета
Народных Комиссаров:

Народный Комиссар
внутренних Дел:

И. В. Сталин
М. Урицкий

Документ, выданный князю А. Г. Гагарину Советом Народных Комиссаров; он удостоверяет, что князь имеет право на проживание в своем имени «Холомки», переименованном в Народный дом им. Ленина, как ценный специалист (из архива А. П. Гагарина)

она нам помогла. <...> В 1935 году Петю арестовали в первый раз. Я поехала к академику В. Ф. Миткевичу. Академик Миткевич хорошо знал отца Петра Андреевича. И я сказала, что Петр Андреевич арестован, не может ли он помочь. “У вас есть копия этой ленинской бумажки, керосиновой?”, так мы ее называли. — “Есть”. Привезла. И он отхлопотал. Через три дня Петю выпустили. Хотя уже было нам написано: “высылка в Иргиз”. Обвинение одно — происхождение. Никакой другой вины нет. И вот, нам высылку отменили. Три дня просидел в тюрьме всего». ¹⁵ «Керосиновая бумажка» уберегла от преследований в начале 1930-х, однако в дальнейшем она уже не была весомым аргументом против репрессий и не спасла ее обладателя от ареста во время Большого террора.

Возможность манипуляций с фамилией и родословной обдумывали в то время все. Но интервью и воспоминания показывают, что целесообразность этого была для многих неочевидна; она представлялась кому-то опасной, кому-то позорной, кому-то неосуществимой. Чаще всего предпочитали использовать возможности, предоставленные государством «бывшим дворянам», и постепенно оттенять свое происхождение, акцентируя в трудовой биографии достижения на фронтах социалистического строительства.

Парадоксы трансляции

Проблема прошлого не ограничивалась взаимодействием с внешним миром. Очень важно было и то, как решалась эта проблема внутри семьи. Тут можно выделить две различные стратегии обращения с прошлым: сокрытие семейной истории от потомков и трансляция «отфильтрованного» прошлого.

Радикальная стратегия: разрыв с прошлым. Для того чтобы стать полноправным советским человеком, вступить в партию и сделать карьеру, некоторые дворяне предпринимали радикальные меры — меняли фамилию, легитимировали свои профессиональные навыки новым советским дипломом об образовании и переезжали в другой город или регион страны, «забывая» о своих родственниках и друзьях. В интервью и семейных хрониках таких родственников называют «приверженцами» или «сторонниками» режима, сообщая, что эти люди старались свести к минимуму контакты со средой «бывших», бросающие тень на их репутацию.

---

¹⁵ Интервью с Бурлаковой Варварой Васильевной, 1913 г. р.

О такой жизненной стратегии матери рассказывает в интервью Наталья Викторовна Гессе 1914 года рождения. Ее мать, как узнала Наталья много позже из книг, происходила из очень знатной дворянской семьи. «Мы из обрусевших немцев по отцовской линии, и по материнской это тоже старый дворянский род, К., видимо из каких-то татар, давно пришедших на Русь и обрусевших. Моя двоюродная сестра, она Хованская, говорила мне, что мы Рюриковичи. Что мы были в родстве с Соллогубом и еще с кем-то. Я знаю, что один из Гессе был комендантом двора Его Императорского Величества, только я не знаю, какого, кажется Александра III. Потом недавно я прочла, что один из Гессе был губернатором, только опять-таки я не помню, какой губернии, и зарекомендовал себя плохо, потому что взяточник был».

В предреволюционные годы мать Натальи, Елизавета Федоровна Гессе, была «демократически настроенной интеллигенткой» и работала преподавателем иностранных языков в частной гимназии в Петербурге. Сразу после революции Елизавета Гессе порывает со своими родственниками, друзьями и мужем и переселяется из Петербурга в Москву, возвращает свою девичью фамилию и поступает учиться в Академию Крупской. «У меня материнская фамилия. Мой отец был, видимо, из прибалтийских баронов, потому что он “фон...”. Но я его никогда не видела. Когда он нас разыскал в 1924 году, мать не пожелала с ним разговаривать».

Первые воспоминания Натальи относятся к 1918 году. Она помнит «две крохотные комнатки в городе Дмитров под Москвой, куда мать приехала из Петербурга»: «Я не сплю и слышу разговор в комнатке рядом, где сидят гости. Самовар там кипит... И разговор: “Лиза, вы с ума сошли, зачем вы вступаете в партию сейчас, у большевиков осталось пять губерний, вас повесят, у вас маленький ребенок”».

Не закончив Академию Крупской, Елизавета с дочерью отправляется работать в регионы и ведет кочевой образ жизни. «В доме у нас... Мне очень трудно описать безбытный быт. У нас была кровать со свертывающейся рулоном сеткой и маленький сундучок. Это все, что у нас было. И с этим мы скитались по всей стране. У нас никогда не было быта. Мы приезжали. Нам давали казенную комнатку, из какого-то ящика организовывался туалетик, на который ставилось зеркальце, вынутое из сундучка.

Я заболела костным туберкулезом в результате голода. Мать уехала со мной, бросив Академию Крупской, из Москвы. Она довезла меня как-то до Симбирска, там обнаружила, что у меня костный туберкулез, и меня положили в гипс. В это время начался чехословацкий мятеж, мать была в ЧОНе. Работала она не знаю кем. Она уходила рано утром, а я лежала в гипсе. Одна. Что у нас была за комната — снимали ли мы ее, дали ли нам казенную, я не знаю. Совершенно не знаю. Я лежала, закованная в гипсе, и ничего не могла. Она оставляла около кровати горшок на одной

табуретке, еду — на другой. И возвращалась она ночью и просила соседей занести мне лампу, когда стемнеет. Но чаще всего они забывали. И мое детство прошло в борении со страхами.

Мы жили в лесу на станции Инза. Это не то Сибирская, не то Владимирская область. Я не знаю, где она. Посреди леса стояли бараки. Гипс у меня скоро сняли, я начала ползать, потом ходить хромая. Но, в общем, я начала ходить. Был голод в Поволжье, волки подходят к дому. В одиночку, без ружья на порог ночью нельзя было выйти. Это был 1921 год. Или 1920-й, может быть. Даты у меня вообще слабое место, а в детстве тем более. Я помню, что я была уверена: ветер образуется оттого, что деревья качаются. И помню каждое утро разговоры, что замерз или умер от голода беженец какой-то из голодных губерний и его волки объели. И там впервые вошла по-настоящему в мою жизнь природа и животные, которые до сих пор, может быть, играют в моей жизни самую главную роль.

Потом мы переехали в Одессу. Опять-таки, вероятно, благодаря мне, потому что врачи сказали, что для того чтобы меня поднять на ноги, нужен юг. Там мать была директором одного детского дома для старших беспризорников. И я помню снова какие-то разговоры, сохранившиеся... Вообще, ведь вопросы секса, каким-то образом ребенком услышанные, который ничего не знает и безгрешен как ангел, все-таки оставляют на себе внимание и запоминаются. Я много раз с этим сталкивалась у других детей, а про себя я это очень отчетливо помню. Я присутствовала при разговоре взрослых, это мать рассказывает кому-то, а кому — я не помню совершенно. Что она не знает, что делать: “Я вхожу в спальню, там сорок человек. И все сорок откидывают одеяло и начинают заниматься мастурбацией”. Вот такое. Выловили там 15–16-летних подростков, и поставили мою интеллигентную, в пенсне, маму справляться с ними.

А потом мы жили в маленьком доме, это был особняк прекрасный, где уже был нормальный какой-то детский дом. Но на всем протяжении детства, и в очень большой степени юности, у меня не было друзей среди сверстников. Я была всегда одна. Одна с книгами. Одна с природой. Одна с муравьями. Я была всегда выключена из социума. Причем иногда меня колотили, чаще всего я была обиженная, потому что я была беззащитна в эти годы. И мне в голову не приходило сопротивляться как-то. Я была сама по себе и, наверное, была очень диким ребенком. И читала все время.

Это чрезвычайно книжный уже был взгляд на мир. Я очень поздно пришла к пониманию реальной жизни. Бог знает, какие во мне были... стихи... идеи благородства, самопожертвования.

Сперва Одесса, где я кончила школу; я училась в школе три года, пятый, шестой, седьмой класс. До этого я не училась ни одного дня,

потому что мать отправили на низовую партработу, а это деревни, где чаще всего не было школы. Тогда еще не было закона о высшем образовании. Меня никто не учил. Мать была занята своей работой. Мы очень голодали опять.

После Одессы поступила в химвокал. Там я не училась. Это меня не интересовало совершенно. Я занималась писанием стихов, жизнью порта. А потом мать перебросили для укрепления партийных кадров в приграничных районах. Она уже занимала более значительные должности. Житомир тогда был не областным городом, а окружным...

Но после седьмого класса надо было получать профессиональное образование или идти на рабфак и готовиться в институт. И в Житомире в 1930 году я поступила на рабфак киевского Института лингвистического образования.

Начиная с 1930 года мать ездит на коллективизацию. Мать ездит с пистолетом или револьвером по мятежным районам. А во мне живет... Ну, во-первых, политическое прекрасодушие, потому что я погружена совершенно в стихи. Учусь в каком-то техникуме, вместо лекций ухожу в леса одна и скитаюсь по лесам, смотрю муравьев, смотрю ежей».

Елизавета Гессе воспитывает свою дочь Наталью в коммунистическом духе, рассказывает о Ленине, о своей преданности партии и отказывается от всех разговоров о своем прошлом. При этом дочь знает с раннего детства о том, что партия является для матери источником постоянных драм и волнений, поскольку она скрывала свое происхождение, а «партия всегда ее недолюбливала». «Мать, видимо, в чистке, а может быть, и не в чистке, в 1924 году исключили из партии. О чем я, в общем, не знала. Но помню, что мать плакала, потом я помню разговор: “Я не могу жить без партии, я не могу дышать!” И тут же с ней была истерика. И она кричала: “Воздуха мне, воздуха!” И ее сослали на низовую партработу».

Наталья начинает внимательно и критически относиться ко всему, связанному с партией. Уже в подростковом возрасте она стала указывать матери на все недостатки общества и несоответствия между декларациями и реальностью. «И вот, все больше усугубляются колхозы, вроде все замечательно, но в то же время нищета наступает. Вот 32-й, 33-й год — изымается зерно, раскулачивание идет. Невольные разговоры идут — о том, что у человека есть лошадь и корова, и человека высылают. И в моих каких-то совершенно нежизненных понятиях о справедливости и благородстве это никак не укладывается, это все время смещает меня куда-то в другую сторону и относит от матери, которая с возмущением говорила мне: “Представляешь, эти колхозники нарочно сажают лук вверх корнем, чтобы он не пророс”. А я не верю, не верю, что крестьянин может это сделать. А потом наступает голод, трупы на улицах. А в газетах

пишут заголовки: “Цветущая Украина”. Мы голодаем. Мать в это время директор школы большой. И мы живем — я получаю 300 грамм хлеба, она 400. И, как я понимаю, наше спасение, что нам дают из школьной столовой две мисочки похлебочки пшенной. Иногда это пшено, иногда гречневая похлебочка. С деревней связи у нас нет, а деревня сама голодает. И лицемерие парадов, звона в газетах и того, что происходит. Эти опухшие, умирающие люди на улицах. Напротив нашего двора заходит нищий, копается в помойке, умирающий от голода человек. Он копается и вытаскивает кучу обрубленных пальцев человеческих.

Но я знала, что это безобразие не имеет отношения к социализму, в который я пламенно верила. И вообще, у меня уже была какая-то неприязнь, рождалась уже. И я помню тяжелую ссору с матерью, которая преподавала историю партии энкэвэдэшникам. Она ездила по командировкам. И она говорит: “Представляешь, мои мальчики мне рассказывают, какой ужас! Село решило уходить в Польшу, они поставили в середину мужчин, потом кольцо женщин и наружное кольцо детей”. Я говорю: “И что? Они стреляли?” — “Как ты можешь думать!” — “А как ты можешь думать, что они не стреляли! Ушло село?” — “Разумеется нет!” — “А почему они не ушли? В них стреляли?” Мать зарыдала. Это были уже реальные разногласия. А потом стало все хуже и хуже. Разногласия были между моими абсолютно поэтическими, книжными представлениями о том, что такое честь, что такое порядочность. Кстати, воспитанные матерью же в очень большой степени. Это ее воспитание».

Книжные представления, незнание реальностей советской жизни не замедлили сказаться на взрослой жизни Натальи, едва она поступила учиться на рабфак Лингвистического института. «Тогда был бригадный метод обучения, что вещь страшная сама по себе. Поскольку отметки ставились на бригаду. Бригады формировались чаще всего по однокачественному признаку. Но у нас проводился эксперимент, и их сформировали по разнокачественному признаку. Поскольку я была первой студенткой рабфака, мне дали самых отстающих. С которыми ничего нельзя было сделать. Это были две здоровые девицы из украинской глухой деревни. Русского языка они вообще не знали. Что-либо втолковать им было невозможно. А я украинский знала, потому что закончила украинскую школу. И я на собрании выступила с речью. Я редко произносила речи, но если уж произносила, то пламенно. Против этого положения. Что это такое? Я училась лучше всех и переваливалась с двойки на тройку. Но я не себя выпячивала, а вообще. И была тут же исключена, тогда в первый раз, но не в последний — за попытку дискредитировать социалистические методы образования. С этим я вернулась в Житомир опять».

Дети из бывших дворянских семей, которым также приходилось учиться на рабфаках или на курсах, для того чтобы попасть в вузы, были

осведомлены о негласных правилах, сопровождающих обучение интеллигенции в учреждениях, где их соучениками были выходцы из рабочих и крестьян и где царил бригадный метод. Осознание несправедливости притеснений и желание создать для себя комфортный мир в профессии давали им ключ к тому, как получить желаемое, используя имеющиеся возможности и избегая опасностей. Наталья Гессе, в отличие от них, не знала, как правильно ориентироваться в советском учебном заведении, была не в курсе правил поведения интеллигентов по отношению к рабочим.

Разговоры о родственниках и прошлом никогда не велись не только в раннем детстве Натальи, но и позже. Наталья терялась в догадках о том, что и почему от нее скрывают. «В те же годы у нее был брат, который был комиссаром на Восточном фронте, он в Уфе потом жил. В 1937 году мать страшно забеспокоилась, потом стала плакать втихомолку. Я спросила: “Что происходит?” — “Я узнала, что Вита умер в 1924 году”. Во что я сейчас абсолютно не верю. Начался террор, и она какими-то путями узнала, что случилось с братом. Видимо, тогда его арестовали. А может быть, уже было известно, что расстреляли».

В дальнейшем Наталья пытается самостоятельно отыскать ключи к разгадке тайн матери и постепенно находит ответ на интересовавший ее вопрос. «В публичке я как-то увидела “Весь Петербург” за 1915 год. И я на всякий случай этот словарь открыла на букву “Г” и увидела: “Гессе Елизавета Федоровна, дочь надворного советника”, не великий чин, но и не малый, так себе, “владелица конторы кинопроката”. А мама мне говорила: “Я была скромной служащей конторы кинопроката”».

Для Елизаветы Федоровны ее партийная карьера, которая могла быть успешной только при тщательном скрывании происхождения, требовала отрыва от петербургского круга, постоянных миграций и слепой веры в идеологию партии. При этом, по воспоминаниям дочери, мать продолжала быть «интеллигенткой в пенсне» и не становилась своим человеком для людей, с которыми ей приходилось работать.^X

Цена, заплаченная за успешную партийную карьеру, оказалась очень велика: невозможность приобретения близких друзей из-за отсутствия доверия, конфликт с дочерью по той же причине. Несмотря на коммунистические убеждения и высокую должность, дворянское происхождение продолжало по разным причинам быть значимым для самоидентификации и матери, и дочери. Для первой — из-за страха разоблачения, для второй — из-за повышенного интереса к таинственному прошлому.^{XI} Причем и первая и вторая оставались социально неинтегрированными и не обладали практическим знанием о том, как была организована советская повседневная жизнь.

Компромиссная стратегия: отредактированное прошлое.

Более очевидным и, можно предположить, более распространенным способом решения проблемы происхождения был компромиссный вариант — дворянское прошлое и связанные с ним воспоминания не были табуированной темой в семьях, но умалчивались подробности, которые считались опасными, например: информация о количестве владений до революции, рангах, общественной и политической деятельности предков. Как вспоминала одна из интервьюируемых, ее учили говорить не «помещик», а «*мелкий помещик*», не «чиновник», а «*мелкий чиновник*».

Типичной для того времени была ситуация, когда все члены семьи знали о чем-либо, что скрывалось ими от всех остальных. Такая информация была доступна только тем, кто помнил дореволюционное время, и во многих семьях до 1990-х годов ее не передавали последующим поколениям. Наиболее часто скрываемым эпизодом биографии было участие в Белой армии. «Мой отец (В. М. Шешин) был военным, артиллеристом, во время революции он был как доброволец в армии Деникина. И его спасло то, что при отступлении он заболел сыпным тифом и его оставили на какой-то станции и забыли, что он офицер, что он белый офицер... Таким образом он остался жив. И мы всю жизнь скрывали. Я помню, была еще маленькой девочкой, когда мама мне сказала: “Не смей никому говорить, что твой папа военный. Если ты скажешь, его расстреляют тут же”. И я молчала, конечно. Дети такие вещи хорошо понимают. Вот так. Папа потом, конечно, работал всегда... как-то... не на видных работах, а мама всю жизнь была врачом, педиатром. А до этого он был каким-то военным, точно не знаю, об этом даже дома не говорили, настолько боялись».¹⁶

Несмотря на царившую атмосферу страха и постоянное ощущение опасности, в семьях «бывших» рассказы о прошлом и обмен мнениями по поводу происходившего не прекращались, но возник язык общения нового типа. Общение было преимущественно невербальным. В коммуникации и, в частности, в обмене мнениями по поводу событий использовался язык мимики, усмешки, а также абстрактные саркастические высказывания, шутки и эвфемизмы. Вследствие того что обмен мнениями был часто завуалированным, в интервью информанты обычно сообщали, что не помнили никаких дискуссий о политике между старшими родственниками и сами не участвовали в таких разговорах. Тем не менее они знали мнение своих родственников по всем вопросам.

Н. П. Панаева вспоминала, что ее «не воспитывали во вражде к советской власти, скорее поведением своим указывали на игнориро-

¹⁶ Интервью с Бурлаковой Варварой Васильевной, 1913 г. р.

вание, по возможности на игнорирование». В ее семье были придуманы кодовые слова, используемые только между родственниками для обозначения опасности: «Я знала, что если говорят *les trois lettres*,¹⁷ это значило, что кто-то подслушивает, и мы моментально переходили на французский язык, которого из этого контингента никто не знал. Так что какие-то представления я имела, но никто мне их не навязывал и не внушал».¹⁸

По воспоминаниям Е. И. Воцининой, в ее семье «после Октябрьской революции к власти было критическое отношение. Абсолютно прямолинейно критическое. С юмором. Юмор никого не покидал. Была масса анекдотов, которые ходили». Однако, для того чтобы понять смысл ходивших анекдотов, нужно было иметь ключ к отгадке. Например, один из анекдотов 1935 года, ходивший в дворянских кругах, — *Диалог в железнодорожной кассе: «Гражданка, вы почему без очереди?» — «Я княгиня!»*¹⁹ — повествует о высылке остатков аристократии из Ленинграда. Обязанные выехать в 24 часа, высланные имели приоритетное право на покупку билетов. По воспоминаниям Е. В. Шуваловой, относящимся уже к 1950-м годам, в ее семье Октябрьскую революцию называли «это печальное событие», а Сталина — «отец родной».²⁰

Невербальная трансляция памяти осуществлялась также через религиозные ритуалы и традиции, которые играли важную роль в консолидации сообщества «бывших». Е. В. Негребецкая вспоминает: «Какое-то время отмечание Пасхи как-то отошло, а потом опять появилось сразу. Это делалось не то что тайно, но и не так, как сейчас. Святить не носили ничего. Но тайно это делали во всех домах, в которых мы бывали».²¹

Пространство ленинградских коммунальных квартир способствовало возникновению ситуаций, когда вспоминалось дореволюционное социальное положение жильцов. Эти «напоминания» были разными в зависимости от того, были ли это социально-разнородные квартиры или родственные коммуналки. В квартирах, где проживали соседи из разных социальных слоев, воспроизводилась как дореволюционная, так и послереволюционная социальная иерархия. В некоторых квартирах представители малообразованных слоев признавали превосходство людей с более высоким культурным уровнем. Их назначали квартуполно-

¹⁷ Три буквы (*фр.*). Имеется в виду ГПУ.

¹⁸ Интервью с Панасовой Ниной Платоновной, 1918 г. р.

¹⁹ Интервью с Воцининой Екатериной Ильиничной, 1909 г. р.

²⁰ Интервью с Шуваловой Еленой Владимировной, 1930 г. р.

²¹ Интервью с Негребецкой Еленой Васильевной, 1906 г. р.

моченными, ответственными за поддержание порядка и третейскими судьями в коммунальных ссорах. В других случаях, наоборот, их попрекали «бывшестью» и постоянно напоминали о том, на чьей стороне власть. Сложные отношения возникали и с представителями новых элит — образованными коммунистами.

В коммунальных квартирах, где жили родственники или давно знакомые семьи, прошлое напоминало о себе в сохранившихся привычках и ритуалах и в отношениях друг с другом. Особенно интересны с этой точки зрения конфликты, происходившие в родственных коммуналках, где жильцы, как вспоминают очевидцы, «попрекали друг друга дворянством». Н. Ф. Зворыкина в «Истории семьи Матвеевых» рассказывает об отношениях между представителями старших поколений в этой семье, проживавших в 1930-е годы в Ленинграде в коммунальной квартире: «Два семейства общались вообще мало. Отношения были корректные и довольно холодные. Никогда никаких громких конфликтов не было. Холодность между Ольгой Александровной и сестрами Федора Анатольевича (ее мужа) возникла сразу. Они относились к ней свысока за то, что недворянка. Она к ним так же, потому что была из богатого дома и с приданым, а они обе были бесприданницы, всегда без копейки и старые девы. О. А. рассказывала, что, собираясь в свое время поехать к ним в (имение) Воздвиженское, она взяла с собой самую дорогую из своих вещей — соболью пелерину и пожалела об этом, потому что ее все время сопровождали завистливые взоры четырех пар глаз — сестер и невесток».²²

Невзирая на прохладные родственные отношения, семьи, жившие в этой квартире, имели широкие возможности для трансляции семейной памяти и культурного капитала. Тут можно отметить совместное воспитание четырех детей, организацию для них совместных развлечений, обеспечение их учебы в хорошей школе старой формации, использование многих вещей из прежнего обихода.

Как показывают интервью и воспоминания, в трансляции памяти большую роль играли вещи. То, насколько хорошо помнилась семейная история, было во многом связано с тем, была ли у памяти материальная опора. Например, те, кто в детстве продолжал жить в дореволюционной квартире, где сохранилась мебель прежних времен, вспоминал больше и о ситуациях, в которых использовались те или иные предметы.

Н. Б. Ветошникова рассказывала о том, какую роль в воспитании играла сохранившаяся в ее семье домашняя библиотека: «В квартире была комната, примерно 24 метра, библиотека. Говорили раньше библиотека. В этой комнате стояло два огромных, громадных даже, шкафа с книж-

²² Зворыкина Н. Ф. Матвеевы. История семьи. Рукопись из личного архива. С. 293.

ками, несколько стеллажей, один шкаф невысокий был. Было очень много книг. Все классики были — русские и зарубежные. Было очень много журналов. Я помню, был “Огонек”. С тех пор, как он начал издаваться, с 1902 года. Очень интересный был журнал, там было много познавательных статей. Детские журналы были, по мере взросления детей. Были “Светлячки”, потом “Задушевное слово”. Причем надо сказать, что дедушка научил мальчиков и мою маму, они сами переплетали эти журналы. До меня эти журналы дошли уже в переплетенном виде. В этой комнате стоял большой диван, который меня привлекал тем, что сбоку были откидные полочки, они на кронштейнах поднимались, можно было класть книжку и читать. И стоял большой стол посредине, на котором лежала тоже очень интересная для меня книжка, огромный толстый фолиант “История Франции”. Видимо, это была дорогая книжка. Может быть, это подарок был. Она была на французском языке, в кожаном переплете и тисненая золотом. Французского языка я не знала, дедушка мне переводил. Я очень любила смотреть картинки, потому что она была богато иллюстрирована. И я в те годы, будучи 7–9 лет, знала французскую историю очень хорошо. Сейчас что-то помню в общих чертах. Ну, и русскую, конечно, мне рассказывали еще до того, как я сама начала читать».²³

Вещи были свидетелями счастливых или трагических эпизодов семейной истории, и их хранили как память. Например, одна из информанток сохранила старые неработающие часы как память о первом страшном эпизоде, изменившем жизнь ее семьи. «Когда большевики пришли, они в 24 часа выгнали нас из дома. Дали один грузовичок, полуторатонку. Ну, вы представляете себе, что из целого дома на полуторатонке ничего не вывезти. И дали две комнаты в общей квартире, где жили матросы. Ленечка, брат мой, вон, видите, там стоят часы, я их очень берегу как память. Эти часы он нес на руках, чтобы маятник не сломался. Но он все-таки сломался. И он принес эти часы из дома нашего в квартиру, которую нам дали».²⁴

Кроме материальных носителей семейной памяти, в жизни дворянских семей присутствовали тени прошлого, которые, несмотря на свою эфемерность, оказали влияние на мироощущение поколения 1910-х годов рождения. Например, коммуникация в семьях в довоенный период строилась в значительной мере вокруг *утраченного имени*, постоянно присутствовавшего в виде образа. Социальные и культурные формы, присущие поместной жизни, причудливым образом приживались в пространствах ленинградских коммуналок. Незримое присутствие по-

²³ Интервью с Ветошниковой Натальей Борисовной, 1921 г. р.

²⁴ Интервью с Ивановой Екатериной Владимировной, 1906 г. р.

местья проявляло себя в привычках представителей старших поколений, лишь постепенно приспособившихся к новому антуражу (например, в послеобеденных «моционах» по коммунальному коридору и утренних омовениях водой из розовых лепестков), в критике городской жизни — сумбурной, суматошной, нервной.

Н. Ф. Зворыкина описывает коммунальный быт сестер ее отца, проживших всю жизнь в имении: «День у сестриц начинался довольно поздно, около двенадцати. Потом еще полдня занимали утренние кофеи. В советское время такой распорядок производил странное впечатление. Иногда Надежда Анатольевна устраивалась со своим кофе на коммунальной кухне. На кончике длинного общего стола постилась белая салфетка. На нее ставилась чашка, тарелочка, масло, сахар и т. д. Чашка всегда была чисто белая без цветочков и украшений, и тарелка тоже».²⁵

Прошлое ностальгически вспоминалось при встрече старых знакомых — переехавших в город бывших помещиков, крестьян. Оно напоминало о себе в долетающих со случайными гонцами новостях «оттуда» — о том, стоит ли еще «наш дом», что в нем происходит, что «творят они» на «нашей» территории.

Идеализация поместной жизни у изгнанных со своих земель дворян нашла отражение в рассказах о раннем детстве возрастной когорты 1910-х годов рождения, в их собственных воспоминаниях об имениях и дачах. Ностальгия старших по утраченной «малой родине» вызывала у потомков и любопытство, и привязанность к покинутой территории, и желание символически обрести ее. Поэтому уже в послевоенные годы они совершали паломничество на земли своих предков.

«Последние светлые воспоминания — лето 1916, 1917 годов в Березках. Владение Волковых, близ Боровна, их имения, олицетворения светлого, счастливого, уходящего мира. Усадьба скромно, но с изысканным вкусом вписана в лиричную природу с низкими берегами озер, с просторными лугами и перелесками. Дом — простое изящество, как и поведение их тихих, удивительно радушных хозяев. Покой и тишина охватывают всех, входящих в этот приют. Мы, дети, ходили по аллеям дивного парка, утопающего в цветах, как по неземному саду. Бегать, шалить в этом волшебстве не хотелось — бродить, как во сне, и любоваться. И масса интересного. Вот оранжереи, где неслыханные розы, а Леше интересны конюшни, откуда выводят на разминку красивых лошадей, к моему удовольствию со смешными жеребятами. В птичнике наблюдала единственный раз в жизни, как помогают вылупляться запоздавшему утятам: просто пальцем вытаскивала птичница несчастных мокреньких

²⁵ Зворыкина Н. Ф. Записки: История семьи Зворыкиных. Рукопись. С. 94.

птенцов за шейку из яйца, а их братья, уже обсохшие клубочки, тут же топчутся вокруг важной матери-утки. А ягодные кусты во фруктовом саду! Но это все уж поодаль от дома и сада, где виднеется в зелени еще более привлекательное — домик, где в детстве играл маленький Сережа. Здесь еще хранятся такие немислимые игрушки, что мы стоим оторопело, не зная, что выбирать для игры. В доме роскошь соединяется с уютом — особенность русских поместий. Так же и в Лоборже, но там больше небрежности из-за шумной молодежи, здесь все подчинено покою для самой главной хозяйки — Александры Ивановны Манзей, тихой маленькой старушки, которую все обожают, перед которой все невольно ниже приседают в реверансе».²⁶

«В 60-е годы этого века мы с мужем бродили по местам моего детства. Забрели мы — умышленно — и в колхоз, носящий милое моему сердцу название: Боровно. Это было имение Манзей, позднее Волковых-Манзей, доставшееся молодой чете по хитроумному плану Николая Павловича сто с лишним лет тому назад. С трудом можно было узнать знакомую с 1915 года местность. Парк был уничтожен. А дом стоял ободраный: ни парадной лестницы, вводившей гостей сразу в хоромы на второй этаж, ни просторного балкона, где по вечерам пили чай, любуясь закатом солнца, отражавшегося в озере. Наводила жуть глухая дверь, ведущая изнутри в никуда. Дом не манил. Подошли к озеру. Вот прогнившие доски, остатки ступеней спускающейся к воде лестницы, от которой озеро заметно отступило, — а когда-то здесь была пристань с покачивающейся у пирса красавицей-яхтой, возжеленной мечтой всех нас, детей. Но голод все же заставил войти в дом, на первый этаж, в бывшую людскую, где сейчас расположилась столовка».²⁷

При старом порядке имение было для всех членов расширенной семьи, мужчин и женщин, общей вещью, за которую все несли ответственность. Если семья владела несколькими поместьями, ответственность за их поддержание в порядке и доходность распределялась между взрослыми членами семьи. Потребности имения могли предопределять жизненный путь его наследников. В наибольшей степени оно оказывало влияние на матримониальные стратегии: женитьба на богатой наследнице позволяла модернизировать поместье, а отсутствие приданого вынуждало средне- и мелкопоместных дворянок оставаться незамужними или переселяться в города и приобретать профессию.²⁸ Дворянский жизненный опыт и после революции был определен в значительной мере

²⁶ *Вощина Е. И.* Детство и родные. Рукопись из личного архива. С. 21.

²⁷ *Вощина Е. И.* Мозаика из прошлого. СПб.: Журнал «Нева», 1999. С. 5.

²⁸ *Чуйкина С. А.* Реконфигурация социальных практик: семья поместных дворян в до- и послереволюционной России, 1870–1930. С. 81–92.

опытом прошлой поместной жизни. Он определял траекторию миграций семьи на протяжении 1920—1930-х годов, реконверсионные стратегии старших поколений, композицию их социальной сети.

Поколения, социализированные в имениях, были носителями определенного стиля и эстетических предпочтений. Как отмечали современники, во всех поместьях было нечто общее — в архитектуре, в организации пространства, во внутреннем антураже усадьбы. Бывая в домах соседей, родственников и друзей в разных губерниях, можно было везде увидеть неуволимо знакомую обстановку.

С. Б. Шереметев, в 1898 году впервые посетивший усадьбу семьи Мещерских Лотошино, в воспоминаниях о поездке несколько раз делится впечатлением о том, что все в Лотошино казалось ему знакомым. Это ощущение возникло, когда усадьба еще виднелась вдаль, в то время когда он и его спутники ехали «на двух тройках сначала полями, пересеченными рощами, потом мимо полузастывшего круглого озера с отлогими берегами, все ближе подвигаясь к границе Волоколамского уезда. Далеко впереди на плоской возвышенности виднелись высокая колокольня и белая церковь Лотошина. Мне казалось, что я еду в давно знакомое место, о котором действительно приходилось часто слышать от дорогого мне князя Егора Васильевича Оболенского. <...> Мы въехали в большое село и обогнули величественное здание церкви с высокой белой колокольней, окруженной белой каменной оградой. Еще шаг, и мы остановились у крытого с колоннами подъезда старинного дома, обращенного лицом к селу; вот мы в просторной передней этого дома, где прежде всего мне бросилась в глаза большая икона Преображения, в киоте под стеклом».

Впечатление *дежа вю* не покидало Шереметева и внутри дома. Сразу по приезде гостей «встретил радушный хозяин и повел в свой кабинет. Это большая угловая комната, сразу показавшаяся мне особенно знакомой. Словно я где-то видел ее. И чем-то отдаленным, из воспоминаний детства, вдруг пахнуло при входе в эту комнату, где вся обстановка, мебель и стены с картинами и портретами, рабочий стол и плющи на ширмах и даже запах чайных деревьев, стоявших на подоконниках, все казалось давным-давно известным и словно родным. То же впечатление повторилось и в столовой, просторной и глубокой, с накрытым столом и большим портретом Екатерины, со старинным шкафом, переполненным фарфором, посудой и старым хрусталем».²⁹

Приведенный отрывок из эссе князя Шереметева показывает, что «знакомыми» в незнакомом поместье оказались и его пространственная организация, и планировка дома, и стиль общения, принятый в семье

²⁹ Шереметев С. Б. Лотошино. М.: Тип. Н. И. Куманина. 1899. С. 4–5.

Мещерских. Подъезжавший к Лотошино гость издалека видел колокольню и церковь, находящиеся «на плоской возвышенности». Строительство усадьбы и церкви на высоком месте было в то время делом обычным. Холм — неизменный атрибут воспоминаний о поместьях, находящихся в средней полосе России. Например, в мемуарах Н. В. Волкова-Муромцева упоминается, что оба имения, где ему приходилось жить в детстве, находились на холмах.

Описание Шереметевым величественной церкви и старинного дома с колоннами, прудов и различных хозяйственных строений, увиденных в Лотошино, перекликается с описанием В. А. Оболенским имения Ольхи, хотя последний пользуется менее высоким стилем. «Вот и куца деревьев с торчащей из нее колокольней. Это наша усадьба. Пронесшись мимо приземистой белой церкви с зеленой крышей, мимо грязного пруда, в котором, визжа, плавают, подкидывая задами, несколько баб, миновав ряд служб, подъезжаем к крыльцу большого деревянного дома стиля ампира, желтого с белыми колоннами».³⁰

Дом родителей Н. В. Волкова-Муромцева «Хмелита» также «был очень красивый, ампир, с четырьмя колоссальными колоннами», и окружали этот дом «старинный парк, великолепные скотный и хлебный дворы и масса других построек. Кроме этого, было 5000 десятин полей и леса, два озера, пруд».³¹ Усадьба Аладино, которую описывает Т. А. Аксакова-Сиверс, была построена в таком же архитектурном стиле. Это был «типичный для средней полосы России помещичий дом с четырьмя белыми колоннами, мезонином, полукруглым окном на фронте и террасой, которая широкой лестницей спускалась в сад, обвитая хмелем и диким виноградом. Этот дом простоял 100 лет, видел в своих стенах пять поколений одной семьи и погиб в огне... после революции».³²

Когда появилась возможность снимать и приобретать дачи, отдельные элементы поместного стиля получили вторую жизнь. На дачах оказались и некоторые остатки былой роскоши — мебель, картины, иконы, различная утварь, сохранявшаяся до этого как в деревнях, так и в коммунальных квартирах. Элементы эстетических представлений и вкуса, пространственной организации и расположения вещей, цветников и деревьев в саду наряду с соответствующими элементами культурного досуга продолжали жить еще очень долго, однако дворянское происхождение этих практик те, кто их унаследовал, в послевоенные годы уже не вспоминали.

³⁰ Оболенский В. А. *Моя жизнь, мои современники*. С. 48.

³¹ Волков-Муромцев Н. В. *Юность от Вязьмы до Феодосии*. С. 13.

³² Аксакова-Сиверс Т. А. *Семейная хроника*. Т. 1. С. 10.

Трансляция семейных моральных норм

Как показано в предыдущих параграфах, те, кто пытался использовать возможности, «предоставленные» советской властью дворянам, быстрее ассимилировались и обретали новую профессиональную и социальную идентичность, чем те, кто предпринимал радикальный разрыв с прошлым. Сохранение своего круга знакомств, использование и передача детям культурных ресурсов — подобная тактика оказалась в конечном итоге оптимальной с точки зрения адаптации к советскому обществу и даже возможностей восходящей социальной мобильности молодого поколения в этом обществе. Знание своих, пусть даже ограниченных, возможностей, поддержка родственников и использование социального капитала семьи помогали в достижении целей, а наличие круга общения, состоявшего из людей со схожей социализацией, придавали уверенность в себе.

Отказ от своего прошлого, попытка перевоплощения и боязнь разоблачения, наоборот, не давали забыть о своем тайном «изъяде». Наличие тайны отбрасывало тень и на потомков, поскольку прерывалась межпоколенная трансляция семейной памяти, что не способствовало интеграции семьи, солидарности и взаимопониманию поколений. Противоположный путь, то есть демонстративная привязанность к образам прошлого, также не способствовал трансляции семейной памяти и культурного наследия в целом. Не все те, кто стремился к передаче последующим поколениям моральных норм, представлений о желательных и нежелательных знакомствах и досуговых практиках, смогли это реализовать.

Среди представителей дворян среднего и старшего возраста были те, кто не стремился к интеграции в общество, не желал «работать на большевиков». Такой способ хоть и таил в себе опасности, но в то же время позволял пренебрегать многими условностями советской жизни. Например, эти люди могли посещать церковь, позволить себе «архаичный» внешний вид и необычный распорядок дня. Но те, кто жил прошлым, отстраняясь от настоящего, обычно не могли обеспечить условия для передачи морального и культурного наследия потомкам и, главное, убедить младшие поколения в значимости этого наследия. Нередко влияние образовательных учреждений и комсомола оказывалось более сильным, и семейное наследие отвергалось или просто игнорировалось.

Анализ интервью и воспоминаний показывает, что возможность трансляции семейной памяти была связана с социальным статусом родителей в советском обществе и их самооощущением. Высокий общественный статус старших родственников подкреплял их моральный авторитет в глазах молодежи, социальная же неинтегрированность и

непонимание окружающей реальности понижали его. В интервью информанты вспоминали о взглядах на жизнь некоторых людей из своего окружения, называя их не иначе как «предрассудками», тогда как советы и идеи других воспринимались как непоколебимые истины. Очевидно, что семейная память ценилась тогда, когда она исходила от человека, чье мнение было значимо, сочеталась с современностью и была в ней полезна. То же можно отметить применительно к самому поколению 1910-х годов рождения. В трансляции семейной памяти преуспели те его представители, кто чувствовал себя полноценным членом общества.

В послевоенное время, когда страх преследований стал уходить в прошлое, открылись новые возможности для трансляции памяти. Начиная с периода «оттепели» некоторые представители этого поколения стали создавать семейные хроники, чтобы передать потомкам знание и дореволюционной, и советской истории семьи, приправленное моральными посланиями.

Многие мемуары повествуют о печальной судьбе дворян в СССР и гибели дворянской культуры, о чем говорят даже их названия. Авторы семейных хроник представляют противоположный полюс дворянского опыта. Это люди уцелевшие, приспособившиеся и ставшие самореализованными представителями советского общества с патриотическим настроем.

Например, автор семейной истории рода Воронцовых-Вельяминовых, написанной в 1955 году, Борис Александрович Воронцов-Вельяминов 1904 года рождения, был самым заслуженным и известным представителем этого рода, проживающим в СССР. Он «астроном, профессор, доктор физико-математических наук, член-корреспондент Академии педагогических наук, автор учебника астрономии».³³ Показательно и название истории семьи — «От варягов к строителям коммунизма», которое ставит в один ряд достижения князей и деятелей советской науки и культуры.

Автор другой семейной истории, Глеб Анатольевич Вахарловский 1908 года рождения, — «крупнейший специалист в области проектирования и строительства предприятий судостроительной промышленности, лауреат Государственной премии и премии Совета министров СССР, его имя упоминается в статьях БСЭ».³⁴ Другие авторы — это жены самореализованных мужчин, матери, бабушки с достойной по советским меркам женской биографией. То есть именно те, кто имел

³³ Сахаров И. В. Воронцовы-Вельяминовы // Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России. С. 47–56.

³⁴ Вахарловский Г. А. Написано для потомков Вахарловских. Рукопись из личного архива.

В Саратове мы провели около полутора лет. Девочки понав в совершенно новую среду, принципиально отбрасывая все прошлое, совершенно отдели от подданных маме. Авторитетом для них она больше не являлась. Зина поступила на работу каким-то канцеляристом в Совнархоз (Совнархоз). Зина также вышла из подданных. Поняла, что мы в это время были 17, 18 лет. Школа в городе фактически развалилась. Мне было около десяти лет и мама включила меня в группу, которую вела одна преподавательница с очень большими талантами. Виктор и Анатолий учились в каких-то школах, но фактически там учиться не учили.

Я помню, что Анатолий заболел тифом: сыпчаным или брюшным. Во всяком случае он умер бы, т.к. ухода и лекарств в больнице не было. Мама вспоминала свою любовь к сестре милосердия, фактически переселилась в больницу, доставала лекарства и спала с ним. Я училась в группе, где преподавательница преподавала как наизусть лучше. Фактически Анатолий и Виктор учились просто не ждали.

Положение отца было очень опасным. Это поняли гораздо позже. Я общалась с солдатками 8-ми бригады - кой сестрой, которая формировалась мы на восточном берегу. Офицеров у кого не было. Включен случай были офицеры-офицеры, которых он обрал искусству стрелять из пистолетов.

Отрывок из семейной хроники «Написано для потомков Вахарловских»
(из архива З. Г. Вахарловской)

сильную позицию в советском обществе, мог заняться трансляцией семейной памяти в форме текста.

Надо отметить, что авторы семейных хроник размышляют о сохранении семейной памяти не только с позиции семьи, но и с точки зрения общества. Создавая эти тексты, они не были уверены в том, что с точки зрения общества и государства создание семейной истории может быть оценено позитивно.

Например, Н. С. Левицкая-Стрелецкая, предваряя «Хронику семьи Стрелецких», над которой она работала с 1980 по 1985 год, пишет, что, заинтересовавшись историей семьи, она не была уверена в легитимности этого занятия. «Долгое время считалось чем-то зазорным интересоваться своей родословной. Интерес этот расценивался как кичливость, как поиски подтверждения родовитости происхождения и т. д. И я вначале испытывала некоторое смущение, мол, не тем чем надо занялась». ³⁵ Н. Ф. Зворыкина предваряет историю семьи, также законченную к середине 1980-х годов, эпиграфом из частного разговора с подругой: «Каждый, кто в наше время пишет мемуары, тем самым становится антисоветчиком».

В тексте авторы поясняют свою позицию по отношению к семейной истории и говорят читателю о том, что предметом их изучения являются прежде всего моральные качества и черты характера членов семьи. «В наши дни нам кажутся смешными притязания наших предков на знатное происхождение. Ныне нам важны не древность и знатность рода, а нравственные качества, унаследованные нами от предков, а именно: порядочность, ответственность за судьбы семьи, близких людей и Родины. Нам теперь важно, не кем был тот или иной член клана Стрелецких, а что именно он дал или мог дать людям. Иные времена и иные критерии в оценке личности». ³⁶

В некоторых семейных историях подчеркивается патриотический настрой по отношению к своей стране, несмотря на откровенное осуждение сталинского режима. Даже в те из них, для которых патриотический настрой не является лейтмотивом, включены эпизоды, содержащие отрицательные оценки по отношению к тем родственникам, кто уехал за рубеж, сочувствовал немцам во время войны или дезертировал.

Процесс приспособления дворян к советским условиям жизни описывается особым образом. Вмешательство государства, хотя оно играло значительную роль в жизни персонажей семейных историй, не помещается в центр повествования. Авторы не осмыслиют акции государства,

---

³⁵ Левицкая Н. С. История семьи Стрелецких. Из архива биографического фонда Института социологии РАН. С. 11–12.

³⁶ Там же. С. 26.

но стремятся обсудить опыт своих предков и потомков с позиций этики и морали. Авторы имеют намерение показать, что моральная норма (которая есть не что иное, как сложный набор сословных и религиозных представлений и обобщение практического опыта) возвышается над эпохой и над государством, что это есть нечто внутреннее, семейное, более сильное, чем внешние обстоятельства.

Истории семей дворян имеют несколько функций, но главная их цель — *трансляция моральной нормы*. Метод написания семейных историй — выделение отрицательных и положительных персонажей, а также описание компромиссных ситуаций. С помощью иронического или, наоборот, возвышенного тона авторы указывают на свое отношение к тому или иному эпизоду. Мораль есть стержень текста, на который нанизываются истории жизни людей из разных эпох.

Приведем два примера из семейных хроник, в которых видны образцы построения эпизодов, содержащих моральные оценки неправильного поведения по отношению к семье и внешнему миру.

«Софья Гавриловна не работала. Она стала заниматься со мной английским языком. У Софьи Гавриловны был серьезный пробел. Она не понимала и не хотела понимать, в какой стране и при каком режиме она живет. Закон о пироге с грибами был написан не для нее. Хорошо, что в Кременчуге у нее почти не было знакомых. Она была религиозна и аккуратно посещала церковь, причем Василий Васильевич сопровождал ее. Живя в доме, находившемся в одном дворе с управлением от склада, она наклеивала на заборе объявления, требующие не ходить по газонам, ходить по дорожкам между газонами. Эти объявления по содержанию были допустимы, но по тексту были контрреволюционны, так как содержали букву “ять”, твердый знак и “фиту”. Писать иначе она не умела... Софья Гавриловна, посещавшая церковь в сопровождении (своего мужа) В. В. Ушакова, тем самым делала невозможной службу В. В. Ушакова в Красной армии».³⁷

«Весной 1944 года вернулся из эвакуации брат Александры Александровны Леман. Моложе ее на год. Он собирался зайти к ним, и я спросила АА.:

- Чем будем угощать? Сделать ужин или просто подать чай?
- Чаю не нужно, — ответила АА. ледяным тоном.
- Ну, тогда поужинаем?
- Ужина тем более не нужно. Ничего не нужно!

Не знаю, какая была предыстория, но звучало это дико. Во время войны столько близких было потеряно, а тут приходит родной брат, в те

³⁷ Вахарловский Г. А. Написано для потомков Вахарловских. Рукопись из личного архива. С. 178–179.

годы уже единственный. Видно, радость, что кто-то из близких уцелел, сейчас придет живой и здоровый, прошла мимо АА. Предположим, что брат в чем-то был виноват перед ней, но даже война не помогла АА. сдать в архив обиды, порадоваться, что брат цел, здоров. Я решила, что если буду дома, сгорю со стыда, и ушла в кино».³⁸

Наше исследование показывает, что ностальгические и печальные мемуары свойственны выходцам из дворянских семей, ощущавших себя в разных смыслах деклассированными, лишенными чувства позиции. Более жизнеутверждающие по тону тексты семейных хроник принадлежат перу тех, кому удалось обрести общественный статус или, говоря социологическим языком, удачно реализовать реконверсионную стратегию. То же можно заметить и применительно к устной трансляции памяти. Оптимистическая история, содержащая в себе ненавязчивую мораль, могла восприниматься как актуальное послание от старшего поколения, тогда как констатация того, что настоящее по сравнению с прошлым уныло, воспринималось как ритуальные жалобы неадекватных личностей «из сундука».

В связи с этим можно обратиться к исследованиям французских социологов, которые изучали манеру того, как рассказывали о прошлом выходцы из разных слоев. Они выяснили, что рассказы о прошлом старых людей из малообразованных и бедных семей, проживших тяжелую жизнь, пристрастны и ностальгичны. В них жизнь описывается не иначе как череда печальных обстоятельств. Рассказы представителей образованных и обеспеченных слоев более нейтрально-описательны и стремятся к объективности. Например, рассказывая о каком-то родственнике, чье поведение оценивается как заслуживающее порицания, представители элит стараются объяснить это поведение или, во всяком случае, рассказать о нем бесстрастно, без раздражения и жалоб. Также им не свойственно апеллировать к обстоятельствам и случайностям или утверждать, что прошлое было лучше настоящего. Основной посыл их рассказа в том, что необходимо уметь жить в любом времени и в любых обстоятельствах, — иначе говоря, «голубая кровь», унаследованные черты характера и воспитание должны быть сильнее случайностей.

Таким образом, можно отметить, что удачно приспособившиеся к жизни в СССР представители дворянских семей обладали некоторыми чертами мировосприятия, характерными для традиционной элиты во всех странах, — семейственностью, патриотизмом, признанием значимости моральных норм и моральной ответственности, уверенностью в правильности своих представлений, их полезности для потом-

³⁸ Зворыкина Н. Ф. Матвеевы. История семьи. Рукопись из личного архива. С. 129–130.

ков. Им также были свойственны представления о необходимости инвестиций в воспитание, контроля старших над младшими. Однако, как будет показано в следующем параграфе, многие характеристики семейной памяти за советский период все же претерпели существенные изменения.

Семейная память как зеркало изменения статуса социальной группы

На основе биографического интервью можно сделать вывод об объективных характеристиках памяти, ее длине, детальности, пространственном охвате, ее функциях в социальной среде, к которой принадлежит информант, и отчасти о социальном статусе всей группы.

Семейная память традиционной стабильной элиты отличается от памяти других социальных слоев наличием «генеалогии», то есть знанием многих имен и дат далеких предков.

Отличительной чертой является также проведение идентификационных параллелей с предками, то есть внешнее сходство с ними, родство характеров, интересов, профессиональной деятельности. Свои заслуги информанты часто объясняют унаследованными склонностями и особенно чтят тех, от кого они получили те или иные качества или материальные ценности. Представители традиционных элит, как правило, лично знают всех своих дальних родственников, двоюродных, троюродных и четвероюродных братьев и сестер, дядей и тетей, имеют представление об обстоятельствах их жизни.

В отличие от элит, имеющих генеалогическую, долгую и четкую память, рабочие и представители городского среднего класса знакомы с меньшим количеством родственников, не помнят их имен и профессий и имеют тенденцию ограничивать свою семейную память теми, кого они лично знали, исключая из нее далеких предков. Для них характерна «память о пережитом». В их семейной памяти остаются оригинальные (положительные и отрицательные) персонажи, патриархи, рано и трагически умершие родственники, моменты объединения, радости, странные необъяснимые эпизоды, сбывшиеся предсказания. При построении рас-

сказа о себе они чаще обращаются к истории социальной группы в целом, чем к истории далеких предков.³⁹

Семейная память крестьян охватывает обычно больший исторический период, чем память городских рабочих, и оказывается неразрывно связанной с пространством обитания. Крестьянская память не является генеалогической, имена и даты путаются (поскольку они не имеют практической значимости), но в ней остается много легенд из предыдущих времен. При изменении места жительства она постепенно теряется, становится «корочей».⁴⁰ В отличие от крестьянской памяти, семейная память элиты простирается за пределы небольших поселений и провинций, опирается на события национального или даже международного масштаба, в которых члены семьи принимали участие. В интервью с элитами образы страны и региона проживания занимают важное место. Интервью превращается в национальную историю, рассмотренную через призму семейной саги.⁴¹

Опрошенные потомки русских дворянских семей 1910-х годов рождения знали дореволюционную историю лишь в общих чертах, а если они знали ее в деталях, то приобрели это знание в последнее десятилетие из книг или благодаря архивным поискам. Несколько опрошенных в своих рассказах не упоминали предков более далеких, чем бабушки и дедушки, с которыми они были лично знакомы. Подобный рассказ представлял собой *память о пережитом*, где были значимы лишь те люди, которые встречались на жизненном пути. Для структурирования рассказа о себе они апеллировали к особенностям исторического контекста 1920–1950-х годов, к политическим и общественным событиям, современным их собственной жизни, а не к истории семьи. В этом смысле с социологической точки зрения их семейная память соответствует памяти городского среднего класса и мигрантов. Кроме того, лейтмотивом многих рассказов были несправедливости, дискриминация, трагические случайности, что тоже сближает их авторов с представителями тех слоев, которые рассчитывали лишь на себя, не имея протекции.

Другие информанты больше знали о своих предках. Они рассказывали в интервью легенды, предания о происхождении фамилии, упоминали родство с известными историческими деятелями, полководцами, писателями и поэтами. Но они также сообщали, что их знание истории

³⁹ *Bozon M., Thiesse A.-M.* La Plaine et la Route, mémoire populaire du Vexin français et du Pays de France; *Le Wita B.* La mémoire familiale des Parisiens appartenant aux classes moyennes. P. 57–66.

⁴⁰ *Zonabend F.* La mémoire longue. Temps et histoires au village.

⁴¹ *Mension-Rigau E.* Une certaine image de l'histoire. P. 27–33; *Mension-Rigau E.* L'enfance au château: l'éducation familiale des élites françaises au vingtième siècle.

семьи неполное, например, что они знают историю лишь по одной линии, тогда как о других линиях у них информации нет.

Здесь следует отметить одну особенность жизни этих семей в 1920—1930-е годы, а именно то, что среди дворян старших возрастов преобладали женщины. Мужчины погибали в Первую мировую или в Гражданскую войну, они чаще становились жертвами репрессий. Кроме того, многие семьи были разлучены в результате эмиграции и эвакуации Белой армии и впоследствии не смогли, или не захотели, воссоединиться. Поэтому поколение 1910-х годов рождения лучше знает семейную историю по женской линии.

При некотором сходстве этих рассказов с их зарубежными эквивалентами есть и важное отличие. Те семейные легенды далекого прошлого, которые были рассказаны в интервью, не связывались с собственной жизнью. Идентификационные параллели не проводились, как это обычно происходит в интервью с элитами в Западной Европе. Истории о предках оказались невостребованными в контексте собственной жизни. Дореволюционное прошлое представлялось в рассказах оторванным от настоящего. Истории из жизни предков воспринимались скорее как иллюстрации быта, морали, культуры, которых в настоящее время нет и быть не может, чем как истории, имеющие непосредственное отношение к рассказчикам.

Характерно, что некоторые информанты сознавали свое отстраненное отношение к предкам. Они объясняли его различием того воспитания, которое получили, и тем воспитанием, которое дается в нынешнее время, когда семейная история является предметом интереса и открытого обсуждения. «Бабушка меня воспитывала так, что, кто бы ни были твои родители, кем бы ты ни была, важно, какой ты человек, все остальное не имеет никакого значения. Конечно, мне очень сейчас было интересно и приятно узнать, что у меня такие предки. Это же интересно, но это история. Как вы понимаете, это история. Сейчас я вам покажу фотографии. Как любая история, это интересно, верно ведь? <...> Надо вам сказать, что Гедройцы, это я сама-то недавно все подробно узнала, они литовцы. Они княжили в Литве до Гедимина. Потомков у них очень много, масса».⁴²

За советский период у «бывших» дворян количество родственников драматически уменьшилось. В дореволюционное время модель дворянской семьи подразумевала значимость семейных связей и возможность обратиться к родственнику за помощью или протекцией. Родственников ценили за сам факт родства. Революция вызвала разобщение дворянских семейств. Поэтому немногочисленные авторы семейных историй ставили своей задачей не только написание текста, но и объединение семьи,

⁴² Интервью с Гедройц Ириной Евгеньевной, 1915 г. р.

знакомство с дальними родственниками. В текстах они подчеркивали, что создание семейной истории — это форма коммуникации. Например, написание истории семьи Воронцовых-Вельяминовых позволила найти родственников, потерянных на территории СССР и за границей.⁴³ Однако такие попытки объединения в советское время были исключительно редки. Разобщение в результате миграций и деклассирования сыграло свою печальную роль. Поэтому если выходцы из французского дворянства и крупной буржуазии определяют число родственников в две-три сотни, то это совсем не свойственно для потомков дворянских семей, живших в СССР.

Еще одно отличие поколения 1910-х годов рождения как от их родителей, так и от зарубежных ровесников того же происхождения состоит в том, что они не были связаны с «малой родиной», то есть с регионом, где находилось поместье предков. Опрошенные обычно были патриотами Петербурга и относили себя к петербургской интеллигенции. При этом многие из них родились в других местах и имели опыт проживания в других регионах. Но их восприятие пространства страны и воспоминания о переездах нисколько не напоминают той черты сознания традиционных элит, которую социологи называют «мультилокальностью», то есть сознательной и добровольной жизнью и деятельностью одновременно в нескольких местах. Переезды поколения 1910-х годов рождения были исключительно вынужденными (ссылки, эвакуация, командировки) и воспринимались как скитания, поэтому важной вехой для этих людей всегда было возвращение в Ленинград.

Поколение 1910-х годов рождения фактически утратило связь с «малой родиной». Те, кто начиная с 1960-х годов предпринимал поездки в места жительства родителей, рассказывали, что они приезжали туда инкогнито, избегая общения с местным населением. За редчайшим исключением, на протяжении всего советского периода общения между изгнанными бывшими помещиками и местными жителями не было.

Связь между потомками дворянских семей и провинциальными краеведческими музеями стала налаживаться в 1980-х годах. Память помещичьего дворянства востребована сегодня именно в глубинке, в деревнях и небольших городках, где стремятся больше узнать об истории края. Некоторые информанты рассказывали о том, что на момент интервью они переписывались с краеведами, школьными учителями или музейными работниками из той местности, где когда-то находилось поместье кого-либо из их родителей, присылали им фотографии или другую интересующую их информацию, а заодно и сами узнавали что-то новое о своих корнях.

⁴³ Сахаров И. В. Воронцовы-Вельяминовы // Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России. С. 47–56.

Итак, поколение 1910-х годов рождения уже имело дело с отредактированной историей семьи, которая к тому же часто не содержала послания, актуального для принятия жизненных решений. Как же осуществлялась устная трансляция семейной памяти от этого поколения к их детям, родившимся в 1930—1940-х годах?

После многочисленных переездов и перемен уже к концу 1930-х годов в дворянских семьях почти не оставалось материальных свидетелей их предреволюционного прошлого. Имена и прежние большие квартиры были покинуты, портреты предков уничтожены, письма и фотографии сожжены или спрятаны, одежда и посуда проданы на барахолках. Немногие старые вещи, пережившие 1920—1930-е годы, например книги и мебель, погибли во время Второй мировой войны. Нематериальная культура ушла в подполье. Устная коммуникация подвергалась внутренней цензуре, прежние ритуалы общения за ненадобностью забывались. Одежда и другие способы выражения индивидуального стиля были большинству недоступны. Внешние статусные символы практически исчезли, и о принадлежности «бывших» к старой элите напоминали исключительно их телесные, коммуникативные и культурные практики: память о прошлом воплощалась в ее живых носителях.

Поколение, родившееся в 1930—1940-х годах, лично не столкнулось с дискриминацией и не помнило жизни в имениях. Эти люди выросли в то время, когда ни государство, ни семья, ни материальная обстановка ничего не сообщали о предках. Однако страх и опасливое отношение ко всему «внешнему» продолжало оказывать влияние на коммуникацию. В целях безопасности в семьях предпочитали говорить как можно меньше о прошлом, а зачастую и о настоящем. Е. В. Шувалова вспоминает: «Мы не интересовались прошлым. Это было не положено. Не было такого направления даже. Я помню с раннего детства — когда я что-то спрашивала, мне ответили, и меня поразил этот ответ: “Чем меньше будете знать, тем лучше”. Это я услышала то ли от дяди, то ли от мамы и папы. Я была в младшем школьном возрасте, это был конец тридцатых годов. И стиль был такой, что ничего не рассказывали».⁴⁴ Как и в предшествующем поколении, имели место страдания и умолчания, попытки защитить потомков от неприятных впечатлений.

Представители поколения 1910-х годов рождения, как и их родители, стремились к тому, чтобы межпоколенная трансляция все же не нарушалась, передавалась в форме культурного капитала и легенд, *не интересных для общества*.

К их детям вполне может относиться известный тезис социологов о том, что родившиеся в 1930-е представляют собой единственное под-

⁴⁴ Интервью с Шуваловой Еленой Владимировной, 1930 г. р.

линно советское поколение в советской истории.⁴⁵ Можно также предположить, основываясь на теоретических формулах психоаналитиков, что это поколение унаследовало страхи и страдания двух предшествующих поколений.⁴⁶

По причинам как социологическим, так и психологическим именно это поколение остро переживало кризис социальной идентичности во время перестройки. В дворянских организациях, созданных в 1990-е годы, значительную часть активных участников составляют именно его представители. Они ищут свои корни, но нередко вынуждены запрашивать информацию о дореволюционном прошлом семьи в публичных архивах.

Теперь, когда интерес к прошлому легитимен, можно наблюдать, как происходит запоздалая трансляция семейной памяти от поколения 1910-х к поколению 1930-х годов рождения. Автор этой книги была свидетелем диалога в одной семье. Во время интервью с отцом, родившимся в 1910-е годы, его сын, родившийся в 1930-е, слушал наш разговор в соседней комнате. Отец знал лишь в общих чертах дореволюционную историю семьи. Сын, наоборот, много знал об истории семьи, поскольку в 1990-е годы собрал в архиве биографическую информацию о представителях рода. Интервью было посвящено в основном 1930-м годам. После интервью сын подошел к отцу и спросил, почему тот ему не рассказывал многих вещей о жизни семьи в 1930-х годах, и услышал в ответ: «А ты меня не спрашивал».

Те, кто родились в 1930-е, в молодости мало интересовались историей семьи, потому что эти знания были нефункциональны и не давали ключа к пониманию современной жизни. В силу постоянных социальных трансформаций каждое советское поколение должно было самостоятельно определять жизненные стратегии. Поэтому было неясно, как задать вопрос о прошлом своим родственникам, да и целесообразность подобных вопросов представлялась сомнительной. В 1930-е годы произошел разрыв в трансляции семейной памяти, в преемственности жизненного опыта и семейного стиля, и «советско-дворянская» память, в той форме, в которой она предстает сегодня наблюдателю, по социологическим характеристикам не является памятью традиционной элиты.

Наше исследование показывает, что наряду с семьей существенна роль государства и публичного дискурса в трансляции семейной памяти.

---

⁴⁵ Этот вывод принадлежит Юрию Леваде, цит. по: *Semenova V. The Message from the Past: Experience of Suffering Transmitted Through Generations // Biographies and the Division of Europe: Experience, Action and Change of the 'Eastern Side' / Eds. R. Breckner, D. Kalekin-Fishman, I. Miethe. 2000. P. 93–114.*

⁴⁶ *Tisseron S. Secrets de famille. Paris: Ramsay, 1996.*

ти. В дореволюционный период семейное прошлое было неотъемлемой частью настоящего, поскольку память была тесно связана с идентичностью и социальным статусом. В 1920—1930-е годы аристократическое происхождение проблематизировалось государством и не забывалось в значительной мере из-за дискриминации и репрессий. В послевоенный период дореволюционное время было забыто и государством, и семьями. В 1990-е годы, когда общество стало смотреть в далекое прошлое в поисках новых постсоветских представлений о жизни, интерес к семейной истории и трансляция памяти в семьях активизировались.

заключение

После 1917 года советским государством были сконструированы различные социальные «классы». Среди них была категория «из бывших» («бывшие эксплуататорские классы»). Она определяла в советском обществе место дореволюционных элит: рудиментов прежней социальной системы, отживших свое, ненужных, лишних и чуждых людей. Вследствие дискриминационной политики получили новую жизнь сословные категории, в том числе и категория «дворян», точнее, «бывших дворян». В 1920–1930-е годы дворянами стали не только те, кто ценил свою принадлежность к благородному сословию, но и те, для кого сословная принадлежность при старом порядке была малозначима. Социальное происхождение стало определять жизненные шансы. Однако уже с 1940-х годов упоминание о дворянах, как и других «бывших», исчезло из публичной культуры советского общества.

Наше исследование началось с вопросов: куда исчезли дворяне, что происходило с ними в период социалистического строительства? Что они предпринимали и как осмысливали происходящее? В каких слоях советского общества они оказались, какое место заняли в советской социальной структуре? Можно ли считать, что процесс ассимиляции традиционных элит, который в европейских странах, начавшись в 1870-е годы, еще не завершен и поныне, в СССР занял двадцатилетие?

Решения и случайные шаги отдельного человека, семьи и целого слоя определяются отчасти рациональными соображениями и стремлениями. Не меньшее значение имеет весь багаж культурных, социальных и материальных ресурсов, который проявляет себя зачастую незримо, но во многом определяет возможности и шансы. В фокусе исследования, таким образом, оказалась *дворянская память* и социальные структурные последствия ее «деятельности».^{XII}

Столкновение дворянской памяти с условиями жизни раннего советского общества обусловило преобразование в публичной и частной жизни «бывших дворян»: профессионализацию, создание новых мифологий, обретение статуса, поиск языка для само-

описания, позволяющего встроить свое сообщество в новую социальную структуру.

Вынужденная попытка реконверсии социальной позиции была в советское время единственным общим для всех дворян биографическим опытом. Независимо от того, как эти люди воспринимали окружающую реальность, ощущали ли на себе дискриминацию, скрывали ли происхождение, отдавали ли предпочтение государственной службе или теневой занятости, — перед всеми ними стояла необходимость поиска своего места на нестабильном рынке труда.

Методы нашего исследования не позволяют определить, большая или меньшая часть «преуспела» в советском обществе, но они позволяют обнаружить, какие социально-структурные, биографические и личные факторы были важны для осуществления реконверсионной стратегии.

Реконверсионная стратегия определялась прежде всего наличием нематериальных и материальных ресурсов и способностью их мобилизовать. Больше шансов было у тех, кто имел профессию и профессиональный опыт, а также многочисленные познания в разных областях, кто обладал разносторонней социальной сетью, имел опыт жизни в разных регионах. Исследование показало, что в целом дворянское воспитание и образование давало мощный потенциал для приспособления к изменившимся условиям жизни. Наибольшие возможности имели мужчины молодого и среднего возраста. Наибольшему риску деклассирования подверглись пожилые женщины.

Наличие конвертируемых ресурсов было не единственным обстоятельством, определявшим профессиональные пути. Играли роль представления о достойных и недостойных видах деятельности, страхи и опасения, приверженность любимым занятиям и расписанию дня, гендерные стереотипы.

Исследование профессиональных траекторий дворян показывает: в 1920—1930-х годах произошло перемещение старых элит в профессиональные сферы, связанные с воспроизводством и передачей традиции, знания и информации (в науку, культуру, образование, искусство). Это было обусловлено как возможностями и предпочтениями дворян, так и потребностями в функционировании данных сфер жизни общества. Исчезновение сословий и переход к обществу советского типа был связан с процессом *профессионализации*.

На социальном статусе сказывались эмоциональный настрой и отношение к окружающей реальности. Для тех, кто культивировал в себе отрицательное отношение к советскому обществу, приобретение профессии было более затруднительным, чем для оптимистично настроенных. Однако и те, кто считал свое пребывание в новом обществе вынужден-

ным, предпринимали попытки (зачастую удавшиеся) обрести высокую социальную позицию.

Изменение социально-структурной позиции выходцев из дворян особенно зримо в биографиях возрастной когорты 1910-х годов рождения. Социальную траекторию этого поколения определили два фактора: коллективная память о дореволюционном периоде, которая воплотилась в домашнем воспитании, и социализация в советских учебных заведениях.

Советское дворянское воспитание было ориентировано на трансляцию наследия. Для реализации этой задачи необходимо было приспособить знакомую модель воспитания к окружающей действительности. Этические составляющие дворянского воспитания постепенно забывались, и все большее значение придавалось культурным составляющим, самым безопасным и полезным в новых условиях. Советское дворянское воспитание предполагало усвоение разнообразных культурных навыков. Организовывались домашние спектакли, уроки танцев и «балы», уроки иностранных языков, сбор «изысканного общества» на дачах.

Роль воспитательного процесса не сводилась к выращиванию широкообразованных людей, обладающих чувством культурного превосходства. Этот процесс формировал как детей, так и самих родителей. Воссоздать хотя бы отдаленное подобие дворянского воспитания в одиночку было невозможно. Поэтому оно стало коллективным проектом выходцев из дореволюционных образованных слоев. Желание обеспечить воспитание и домашнее образование на должном уровне побуждало объединяться, встречаться, реанимировать старые связи и увеличивать круг знакомых. Из солидарности материально преуспевающие семьи вовлекали в свой круг менее успешных, приглашая их к участию в постановке дореволюционного сценария светской жизни. Общая социальная ситуация объединила выходцев из прежде чуждых друг другу, а теперь равно «бывших» кругов дореволюционного общества — салонную аристократию, демократически настроенную общественность, предпринимателей, помещиков, чиновников, профессионалов. В процессе коммуникации возникали новые ритуалы и мифологии, создавалось сообщество на новых основаниях.

Семейная память, так же как и воспитательный проект, на протяжении 1920—1930-х годов приспособлялась к новым условиям. Прежде длинная, детальная и четкая *генеалогическая* память о предках, включавшая в себя жизненный опыт нескольких поколений, утеряла свойства, присущие памяти традиционной стабильной элиты. Поколение дворян 1910-х годов рождения сегодня имеет *память о пережитом*, характерную для социальных слоев, недавно изменивших социальную позицию и/или пространственно неукорененных. Эта более короткая и менее чет-

кая память характеризуется тем, что жизненный опыт предков не заключает в себе послания, актуального в настоящем и будущем, и, следовательно, забывается.

Обретение социальной идентичности и чувства принадлежности к поколению возрастной когорты 1910-х годов рождения было связано с общением в публичных пространствах, прежде всего в образовательных учреждениях. Школы и вузы были неравномерно охвачены революционными экспериментами, преобразованиями и идеологическим контролем. Некоторые из них были эпицентрами формирования нового человека, тогда как другие оставались островками традиционности и скептического отношения к коммунистическим образовательным проектам. Эти различия между институциями были в значительной мере обусловлены случайными факторами, однако можно отметить, что учебные заведения дореволюционной формации имели иное воспитательное воздействие на учащихся, чем вновь созданные.

Бывшие гимназии и училища, университеты и институты, преимущественно интеллигентные по контингенту и особенно сильно подвергшиеся чисткам в период первой пятилетки, в большей степени культивировали социальные различия, чем новые школы и вузы. Они стали ареной борьбы между старыми и новыми элитами (как на уровне преподавателей, так и учащихся) и явились основными публичными пространствами для формирования сообщества, назвавшего себя «старой (настоящей) интеллигенцией». «Настоящая интеллигенция» вобрала в себя в основном потомков дореволюционных образованных и состоятельных слоев, но в нее вошли и выходцы из других групп, соответствовавшие старым элитам по образовательному уровню, досуговым практикам и ценностным ориентациям.

Новые школы, вузы и заводы-втузы, в отличие от образовательных учреждений с традициями, смотрели в большей степени в будущее, чем в прошлое. Здесь стандарты карьеры, мировоззрения и культурного потребления учащихся определялись идеологизированными представлениями о культурности и предоставляемыми государством возможностями повышения социального статуса. Ударный труд и приверженность ценностям коллективизма давали возможность влиться в «единую трудовую семью» и стать своим вне зависимости от происхождения и начального культурного уровня. Бывшие дворяне, как и кулаки, подкулачники и священники, вовлекались в строительство нового общества под руководством «класса-архитектора» — пролетариата. Именно здесь формировался советский средний класс, вознаграждаемый за свою лояльность и готовность войти в «актив страны». Бок о бок с выдвиженцами, выходцами из рабочих и крестьян (которые составляли абсолютное большинство советского аналога среднего класса), инженерами, агроно-

мами и другими специалистами с дипломами новых вузов и втузов стояли некоторые выходцы из «бывших», которые обрели позитивные отношения к государству и причисляли себя к «советской интеллигенции». Легче и быстрее в советских публичных пространствах ассимилировались те, кто был в меньшей степени связан с семейным кругом, особенно молодые люди и девушки из социально неинтегрированных семей.

Время первой пятилетки было наиболее значимым формирующим периодом, когда у потомков дворян, влившихся в ряды советской молодежи, возникло ощущение принадлежности к поколению. В результате переживания событий вторичной социализации они оказались в различных социальных средах советского общества. Одни стали «советской интеллигенцией», другие — «настоящей интеллигенцией», критиковавшей актив страны со своих позиций. В послевоенные годы, когда ушла в прошлое дискриминация, часто случалось так, что между теми, кто происходил из семей, некогда связанных отношениями родства, дружбы и взаимной протекции, стояла стена непонимания.

Исследования последних лет акцентировали значимость публичной культуры общества, категорий прессы для самоидентификации и формулировки своего жизненного проекта. Сравнение интервью с представителями «настоящей» и «советской интеллигенции» 1910-х годов рождения позволяет предположить, что использование некоторых категорий советского дискурса для самоописания и игнорирование других существующих категорий стало следствием переживания тех или иных событий на этапе вторичной социализации. Представители различных социальных групп воспринимают разные пласты публичной культуры в зависимости от объектива, через который они смотрят на мир. «Советская интеллигенция» сохранила гордую память о быстро достигнутой индустриализации. «Настоящая интеллигенция» донесла до XXI века память о трагической стороне того же процесса.

«Бывшие дворяне» 1910-х годов рождения были последним из живущих в России поколением, для которого дворянское происхождение на формирующем этапе биографии являлось социальным статусом, определявшим жизненные шансы, и которое хранило остатки памяти о дореволюционной дворянской жизни. Семейная память, которую они передали своим потомкам, уже не была дворянской. Адаптация к условиям жизни советского общества потребовала забвения корней, а тяготы этой адаптации в свою очередь также потребовали забвения, необходимого для того, чтобы жить дальше.

Исследование памяти и забвения открывает перспективу для анализа социально-структурных преобразований. Социальная группа существует, если у нее есть фундамент памяти, а монументальная история приходит на смену живой памяти, когда социальная группа перестает су-

ществовать. Двадцатилетняя история приспособления дворян к жизни в СССР уже находится на значительной дистанции от современного общества с его социально-структурными процессами. Трансляция дворянской памяти была прервана в сталинское время. Однако коллективная память «старой интеллигенции», которая сформировалась в 1930-е годы и состояла по большей части (но не исключительно) из представителей старых элит, играет свою игру вместе с другими меняющимися социальными идентичностями и связана с политической и культурной жизнью современного российского общества.

комментарий

I (с. 10) Понятие «фигурация» ввел немецкий историк и социолог Норберт Элиас. Под фигурацией Элиас понимает сообщество взаимозависимых участников социальной игры, которые действуют по определенным правилам, соответствующим их социальной позиции и статусу в этой игре. Следуя терминологии Элиаса, дворянство в конце XIX—начале XX века можно рассматривать как сообщество, которое характеризуется наличием взаимозависимостей индивидов особого рода, проявляющихся в ситуациях повседневного взаимодействия. Быть дворянином — значит следовать определенным правилам, знать свое место, роли, границы возможного поведения в некоторой системе координат. Рассмотрение дворянства как *фигурации* помещает в центр внимания правила социального взаимодействия, вознаграждения, получаемые за соблюдение этих правил и культурное обрамление этого «спектакля». Применительно к периоду 1920—1930-х годов можно говорить о процессе *дефигурации* дворянства, а затем — о формировании *новой фигурации*, «старой интеллигенции».

II (с. 10) Классиком среди отечественных авторов, описывающих жизнь и быт русского дворянства в XVIII—XIX веках, является, несомненно, Ю. М. Лотман. Интересный анализ структуры русской дворянской семьи, норм и традиций содержится в работе американского историка Джессики Товров (J. Tovrov). Из работ, где анализируются бытовые установки и идентичность дворянства и в XIX, и в начале XX века, наиболее важны книги О. С. Муравьевой о воспитании дворянства, Т. П. Каждан, П. Рузвельт (P. Roosevelt), Е. Е. Дмитриевой и О. Н. Купцовой о культурной и социальной жизни и быте в дворянских усадьбах, А. Уахтеля (A. Wachtel) о конструировании дворянской идентичности в автобиографиях. Ряд работ — и отечественных, и зарубежных — посвящен дворянству как субъекту политики на рубеже веков

(В. С. Дякин, Ю. Б. Соловьев, Г. Хамбург (G. Hamburg), Р. Маннинг (R. Manning) и др.). О стратификации элиты в целом и дворянского сословия в частности наиболее значимы работы А. М. Анфимова, Дж. Веста (J. West), С. Кассова (S. Kassow), А. П. Корелина, Р. Маннинг, Б. Н. Миронова, С. Бекера (S. Becker), Т. Оуэна (T. Owen), А. Рибера (A. Rieber).

А. Рибер в статье «Осадочное общество» отмечает, что характерной чертой русского общества рубежа XIX–XX веков была ярко выраженная «переходность» его социальной структуры и систем иерархии. Россия была включена в общеевропейский процесс перехода от добуржуазного, доиндустриального общества, носящего черты феодализма, к индустриальному классовому обществу. Переходный период сопровождался понижением роли аграрных элит в экономике и управлении, их попытками удержать доминирующие позиции, сложным взаимодействием старых и новых элит. Сословная система стратификации в значительной мере перестала функционировать, тогда как классовая система в целом не сформировалась. Некоторые классы (земельные собственники, пролетариат, средний класс) находились в стадии формирования. Продолжали играть роль и прежние формы социальной идентификации (по принципу сословия, чина, состояния). К началу XX века они становятся значительно слабее, но полностью не исчезают, и периодически предпринимаются попытки возродить их значимость. Сила прежних идентичностей была одним из препятствий для формирования классов и статусных групп.

Т. Оуэн отмечает, что различная сословная принадлежность владельцев предприятий и фирм была одной из помех в формировании класса буржуазии, поскольку как предприниматели-дворяне, так и предприниматели-крестьяне привносили в бизнес-стиль докапиталистические традиции. Поэтому можно отметить, что к началу революции дворянские нормы, ценности и представления определяли мышление и поведение высших слоев. При этом дворянство было единственной статусной группой внутри образованного слоя, которая, будучи сильно дифференцированной, все же обладала коллективной идентичностью, достаточно четким представлением о нормах поведения и правилах общения.

Как и в других европейских странах, в России постепенно менялся социальный состав высших слоев, контролировавших сферы экономики и управления. Дворянство постепенно теряло монополию на политическое влияние, управление государством, занятия ответственных должностей в армии и гражданской сфере. Произошла также дифференциация дворянского сословия по сравнению с предреформенным периодом, изменился традиционный образ жизни и представления о предпочтительном образе жизни, профессиях, занятиях (S. Becker).

Границы внутри дворянского сословия формально устанавливались по принадлежности к одной из категорий, содержащихся в Уставе дворянства 1785 года. Устав разделял дворян на несколько категорий: 1) титулованное дворянство, то есть дворянство, приобретенное на основании титула (граф, барон, князь и т. п.); 2) древнее дворянство, или находившееся в составе дворянства на момент издания Жалованной грамоты в 1785 году не менее 100 лет и записанное в первую Бархатную книгу; 3) дворянство, пожалованное государем; 4) дворянство, приобретенное военной службой; 5) дворянство, приобретенное по индигенату иностранных дворян, перешедших в русское подданство (Миронов, т. 2, с. 85). Несмотря на то что, согласно уставу, все дворяне имели равный статус, каждую группу отдельно записывали в специальную часть губернской дворянской книги. Те, кто получил дворянство через воинскую и гражданскую службу и кто получил дворянство менее 100 лет назад были менее привилегированными по сравнению с представителями древних родов и титулованными дворянами. Так, только выходцы из этих последних групп могли обучаться в Пажеском корпусе и в Александровском лицее в Петербурге (J. Товгов). Но к концу XIX—началу XX века эти формальные различия на повседневной жизни практически не сказывались. Между представителями различных категорий дворянства заключались браки, и наличие состояния, чина и приданого играло значительно большую роль, чем знатность рода супруга.

А. Рибер утверждает, что дворянское сословие к началу века разделилось на четыре группы, различные по экономическим, политическим и культурным интересам: дворяне на государственной службе (в основном безземельные, получившие высшее образование в учебных заведениях, обладающие этикой бюрократов, ориентированные на карьерный рост); профессионалы (преимущественно работающие в сферах юриспруденции, медицины, инженерной и преподавательской деятельности и считающие профессиональную деятельность своим призванием); группа предпринимателей, крупных инвесторов, состоятельных рантье; и наконец, землевладельцы, живущие на доходы от продажи сельскохозяйственной продукции на рынке.

К концу XIX века представители различных сословий пополняли слой элиты, и вне- и внутрисословные границы становились все менее четкими. При этом вновь пришедшие заимствовали образцы дворянского поведения и потребления, поэтому именно дворянская культура определяла стиль поведения всей элитной прослойки. Как отмечает Б. Н. Миронов, в предреволюционные годы «дворянство... пополнялось наиболее способными и энергичными представителями духовенства, купечества, мещанства и крестьянства, которые к тому же были в высшей степени лояльными к существующему режиму, так как он дал им возможность войти

в состав самого привилегированного сословия. <...> В дворянство переходили только те представители других сословий, которые в предшествующий переходу в дворянство период своей жизни получали образование, профессию, делали карьеру на государственной службе, приобретали мировоззрение и привычки, свойственные дворянству. Это означало, что они одворянивались прежде, чем получали статус дворянина. Данное обстоятельство вместе с ростом требований к служебному положению, дававшему право на дворянство, приводило к тому, что перемещения в дворянство из других сословий не нарушали, а, наоборот, способствовали формированию дворянской субкультуры, сословных традиций, понятий чести, манеры поведения, ментальности. Ибо никто не был так щепетилен в отношении соблюдения чистоты дворянской субкультуры, как новые дворяне» (т. 1, с. 146).

То же можно сказать и о других представителях элиты, не получивших личное дворянство. Отрицательное отношение к дворянству и его ценностям, а также попытки выработки новых ценностей были характерны и для купцов, и для критически настроенной интеллигенции, но альтернативные стили жизни в рядах образованных и состоятельных слоев не успели сформироваться.

В этой книге не ставилась задача исследовать социальную структуру дворянства как сословия, класса или статусной группы при старом порядке. Но эпизоды из жизни дворянских семей в 1920—1930-е годы бросают свет на дореволюционный период, в том смысле что они показывают изнанку дворянской культуры, те ее аспекты, которые невозможно было наблюдать ранее. В 1920—1930-е годы произошла реконфигурация дворянских практик: например, многие навыки, которые раньше были вторичными, теньевыми, приобрели огромную значимость, и наоборот, то, что в прежние времена было в центре внимания, оказалось малозначимым. Поэтому в этой книге показан скрытый потенциал дворянского воспитания и дворянского опыта, который проявил себя тогда, когда очевидные институциональные возможности воспроизводства статуса исчезли.

III (с. 10) Нам известно лишь несколько работ современных историков и социологов, где рассматриваются жизненные стратегии людей «из бывших» и, в частности, дворян после 1917 года. Многочисленные публикации советского периода, где отчасти затрагивается судьба дворянства вместе с другими ликвидированными «эксплуататорскими классами» (Г. Е. Глезерман, В. М. Селунская, И. Я. Трифонов и др.), предоставляют видение послереволюционной политики дискриминации через очки советской идеологии.

Критический анализ этих работ и современное историческое исследование политики ликвидации «эксплуататорских классов» и стратегий выживания «бывших» в Москве содержится в книге московского историка Т. М. Смирновой «Бывшие люди Советской России» и в статьях этого же автора.

В статье Дж. Ченнона (J. Channon) рассматриваются способы выживания бывших помещиков, их усилия по скрытию своего происхождения, взаимоотношения с властями. Американский историк показывает, что не только класс сельскохозяйственных предпринимателей прекратил свое существование, но и большинство бывших землевладельцев вынуждены были после 1926 года уехать из сельской местности. Следовательно, вопрос о стратегиях выживания в советском обществе конца 1920–х годов сводится в основном к жизни дворянства в советском городе.

Если говорить о публикациях социологов, где рассматриваются некоторые аспекты жизни дворянства в советском городе (на примере Москвы) в 1920–1930-е годы, то можно назвать лишь две работы: Д. Берто «Трансмиссии социального статуса в экстремальной ситуации» и Е. Фотеевой «Социальная адаптация после 1917 года. Жизненный опыт состоятельных семей» (обе опубликованы в сборнике статей «Судьбы людей. Россия XX век»). Эти статьи фокусируются на проблеме социальной мобильности представителей бывших привилегированных слоев в 1920–1930-е годы.

Первая попытка интерпретации интервью и историй семей из частных архивов жителей Санкт-Петербурга была предпринята петербургскими социологами В. Б. Голофастом и Т. З. Протасенко. Отвечая на вопрос, чем является жизнь дворянства после революции — выживанием или деклассированием, авторы выдвинули гипотезу, что только в первые послереволюционные годы жизнь дворянства отличалась от жизни других слоев населения, тогда как в дальнейшем, начиная с послевоенных лет, никакого своеобразия советской дворянской судьбы не прослеживается.

Для понимания контекста повседневной жизни дворян в предвоенном Ленинграде важна глава из книги В. А. Иванова, посвященная репрессиям в отношении дворянства и основанная на материалах архивов, а также публикация генеалога А. А. Бовкало об участии дворянства в церковной жизни Ленинграда.

Книга американского историка Г. Алексопулос (G. Alexopoulos), посвященная лишенным избирательных прав («лишенцам»), их тактикам сопротивления дискриминации, помогает понять контекст дискриминации, идентичность стигматизированных и сравнить «бывших» с другими дискриминированными социальными группами в рассматриваемый период.

Наконец, среди многочисленных публикаций о жизни советского общества в межвоенный период особенно значима литература о повседневности и быте различных социальных слоев Ленинграда 1920–1930-х годов, позволяющая поместить результаты данного исследования в более широкий исторический контекст. Это работы Н. Б. Лебиной, сборники статей под редакцией Е. Берар и Т. Вихавайнена, сборник интервью с ленинградцами 1930-х годов под редакцией М. А. Витухновской и, конечно, многочисленные мемуары, среди которых отметим серию «Дневники и воспоминания петербургских ученых», выходящую в издательстве «Европейский дом».

Для нашего исследования важна также литература, позволяющая сравнить ситуацию российского дворянства в 1920–1930-е годы с жизнью их соотечественников в эмиграции и с жизнью дворян в других европейских странах после отмены сословных привилегий. Траектории белой эмиграции уже были объектом многочисленных исследований историков (М. Gorboff, С. Gousseff, R. Johnston, Н. Menegaldo, М. Raeff, N. Struve и др.). Социально-антропологическое исследование русской белоэмигрантской общины в Ницце представлено в магистерской диссертации К. Кауринкоски (К. Kaurinkoski) «Белая эмиграция. Русские в Ницце». Сравнение советского и западноевропейского дворянства позволяют произвести публикации французских социологов (М. de Saint-Martin, E. Mension-Rigau, С. Grange, М. Pinçon et М. Pinçon-Charlot, В. Le Wita, С. Bidou-Zachariasen и др.) о французском дворянстве и буржуазии в XX веке.

IV (с. 10) «Символические границы» — это воображаемые границы, которые «очерчивают» индивиды, когда категоризируют других людей. Этот термин использовали в социологии достаточно давно, его применяли в исследовании социального контроля, норм и отклонений, а также культурных кодов. Но в 1980-е годы термин был переформулирован. Под влиянием работ Пьера Бурдьё, особенно его книги «Различение», стали уделять внимание потенциальной роли символических границ в формировании групп и порождении социального неравенства. Исследователи заинтересовались тем, как люди прибегают к выстраиванию границ в процессе определения своей идентичности, идеологии, статуса и отличия от других групп.

Важный вклад в переопределение концепции «символических границ» внесла книга американского социолога Энтони Коэна (А. Cohen) «Символическое конструирование сообщества». Он пишет, что каждое сообщество (community) «отгораживается» от других сообществ с помощью разделяемых символов. Присутствие сообщества на социальной

арене воплощается в его границах, которые заявляют о себе и актуализируются в процессе взаимодействия. Эти границы могут существовать объективно, могут быть институционализированы и даже законодательно закреплены, но в основном они не высказаны и существуют только на уровне интуитивного понимания, воплощаясь скорее в поведении, чем в рефлексии. Даже при наличии структурно определенных пределов сообщества его границы создаются также символически.

Роль символичности в конституировании границ возрастает, когда под влиянием внешних условий изменяется структурная позиция сообщества. Когда структурный каркас границы теряет четкость очертаний, усиливается символический каркас — через «фанфары и декорации», «эстетические деликатесы» и т. д. Символы могут быть эксплицитными (например, мифы, ритуалы, кодекс правил поведения) и имплицитными, для обозначения которых не существует устойчивого словаря или устойчивого поведения и которые являются, скорее, частью значений, приписываемых вещам и словам в данном сообществе.

Наиболее интересное развитие эта идея получила в книге Мишель Ламонт (M. Lamont) «Деньги, мораль и манеры». В ней рассказывается о применении концепции «символических границ» в исследовании, посвященном сравнению французского и американского высшего и среднего класса.

Механизмы категоризации и формирования сообществ на основе не реальных, а воображаемых («символических») критериев оценки играли большую роль в советском обществе, где классовая структура носила искусственный, фасадный характер, не отражая реального расслоения общества, и где внешние проявления социальных различий были ограничены. Были значимы отличия по манере говорить, стилю мысли и другим культурным и моральным критериям.

V (с. 10) Существует два русских перевода французского понятия *reconversion* — «конвертация» и «реконверсия». Понятие «реконверсия» обычно ассоциируется с концепцией классового воспроизводства, разработанной социологами школы П. Бурдьё. Концепция реконверсии объясняет механизмы воспроизводства социальной позиции элит в случае угрозы деклассирования. Применительно к изменениям на макроуровне дискуссия о реконверсии ведется в терминах «классы» и «капиталы».

Считается, что стратегии воспроизводства элит в стабильном обществе представляют собой функционирующую систему. Классовая позиция определяется общим объемом и структурой капиталов класса или статусной группы и в то же время — состоянием общественных струк-

тур, в частности социальными институтами, ответственными за воспроизводство (например, системой образования), законодательством, обуславливающим возможность передачи капиталов по наследству, открытостью общественной системы (то есть тем, насколько в этом обществе возможна социальная мобильность), традициями и отношениями между классами.

Реконверсия капиталов класса или отдельного индивида, как правило, является вынужденной. Она обусловлена чаще всего экономическими или политическими изменениями или перемещением в другой социальный контекст (например, миграцией или эмиграцией). Необходимость реконверсии капиталов вытекает, таким образом, из невозможности воспроизводства классово-позиции привычными способами.

Если по тем или иным причинам общий объем капиталов той или иной группы элит начинает иссякать (например, в силу экономических причин) или если происходит изменение общественных структур, ответственных за воспроизводство, то возникает потребность «приобрести» новые капиталы в обмен на старые, которые позволят упрочить классовую позицию. В результате может возникнуть статистический эффект уменьшения численности этой группы. Когда статистика показывает, что какая-то группа за относительно небольшой промежуток времени сильно уменьшилась или исчезла — значит, за этим стоит работа сотен или тысяч людей по реконверсии, по обмену своих капиталов на другие капиталы, полезные в новых исторических условиях.

В этой работе исследуется реконверсия не на макро-, а на микроуровне. Нас интересует прежде всего то, как различные навыки, ресурсы и умения дворян могли быть профессионализированы в новых условиях. В центре внимания находится в большей степени сам процесс социальных изменений, а не его результат. Изучение процесса реконверсии ресурсов и одновременно процесса конструирования символических границ, то есть формирования представлений о «своих» и «чужих», позволяет в конечном итоге проследить механизмы изменения социальной структуры, постепенное исчезновение старых и формирование новых сообществ.

VI (с. 10) Акцентирование внимания на социальных практиках при исследовании социальных изменений подразумевает, что практики рассматриваются как участницы социальных преобразований, относительно автономные от рациональных построений и целеполаганий их носителей и способные помешать или повернуть в неожиданную сторону исторический процесс, замышляемый идеологией и политиками.

- VII (с. 11)** Данная работа относится к жанру исторической социологии. При формировании концепции исследования автор вдохновлялась работами великих предшественников, которые изучали взаимосвязь социальных практик и формирования социальной структуры, — в особенности работами Э. П. Томпсона (E. P. Thompson), Н. Элиаса (N. Elias), М. де Серто (M. de Certeau).
- VIII (с. 85)** Несмотря на то что 1920—1930-е годы являются временем радикальных перемен, можно рассматривать этот период и с точки зрения отсутствия изменения, в «прустианской» перспективе. «Социолог» Марсель Пруст описывает драматичный период заката французской прекрасной эпохи (1880—1920-е годы) (С. Bidou-Zachariasen) и вкладывает в уста героев свое видение трансформации элитарного пространства. Идею деклассирования и реклассирования выражает у Пруста метафора *фонтан*. Струи фонтана, казалось бы, одни и те же, но на самом деле они все время разные. Казалось бы, вода постоянно падает одинаково, но, стоит подуть ветру, некоторые потоки отклоняются в сторону и уже не могут войти в ту же струю. Кто-то удерживается в струе, кто-то выпадает — этому способствуют самые случайные факторы, и неслучайные тоже. Это происходит всегда. Радикальные трансформации — лишь частный случай, когда фонтан наиболее сильно отклоняется под давлением ветра. Некоторые эпохи считаются особенно драматичными для традиционных элит, но социальные изменения, наиболее заметные в определенные исторические периоды, на самом деле происходят постоянно, и борьба за светское пространство перманентна.
- IX (с. 94)** Исследования реконверсионных стратегий дворян в европейских странах обращают внимание на различия путей реконверсии этого класса в зависимости от специфики исторической ситуации, национальных традиций, законодательства и положения других слоев населения. Во Франции, где сословная система была юридически отменена в 1870-х годах, реконверсия дворян стала массовым явлением лишь после Второй мировой войны. Капиталы таяли, дворянская идентичность становилась все более многомерной, уменьшалась власть традиций. Во Франции наблюдались разнообразные виды реконверсионных стратегий. Статистика показывает, что значительное количество дворян пополнило в 1930—1940-е годы советы директоров банков, страховых и транспортных компаний. Ими была осуществлена продажа замков, земель, статусных атрибутов и вложение средств в бизнес.

Другой относительно востребованный способ реконверсии французских дворян — работа в области администрирования большого спорта: участие в комитетах по организации соревнований, патронаж традиционных аристократических видов спорта. Еще одна возможность реконверсии — вложение средств в издательское дело. Французские дворяне предпочитают небольшие издательские дома, выпускающие литературу по истории региона, туристические справочники, местные газеты и журналы. Возможным вложением средств является покупка земель в Латинской Америке или на островах, организация экотуризма или экобизнеса. Многие женщины из дворянских семей работают в области рекламы и связей с общественностью, для них также «зарезервирована» работа пресс-атташе — особенно в фирмах, связанных с модой и сферой искусства. Наконец, «дворянскими» профессиями являются ландшафтный дизайн и разведение скаковых лошадей.

В целом исследователи отмечают, что дворяне предпочитают мало рутинизированные профессии со слабо определенной профессиональной компетенцией, где важен престиж имени, налаживание контактов, умение подать себя, искусство общения, умение держаться. Они предпочитают частный сектор государственному, так как он в большей степени позволяет опираться на знакомства и в меньшей степени — на формальное образование, которое продолжает быть в этих кругах презираемым.

Успешные реконверсионные стратегии представителей русской белой эмиграции в довоенный период также были связаны в основном с частным сектором, особенно с индустрией моды, рынком антиквариата, со спортом, танцами и всеми видами искусств и развитием досуговых учреждений (А. Васильев, С. Gousseff, Ch. Ledre).

Иной случай представляет собой венгерское дворянство в конце XIX — начале XX века, когда в ходе формирования Австро-Венгерской империи создались удачные условия для реконверсии венгерских помещиков в государственные чиновники (V. Karady). Падение цен на зерно на мировом рынке привело к разорению значительного количества помещиков. В 1848 году около 30 000 венгерских дворянских семей были владельцами больших поместий, в 1867 году — около 15 000, а к концу века — лишь около 10 000 семей. То есть за тридцать лет 20 000 семей перешли в другую социальную группу. Консолидация государства, происходившая в тот же период, требовала увеличения государственных служащих и политиков. Требовались судьи, префекты, министерские служащие, военные, работники полиции и магистратуры, преподаватели, руководители государственных предприятий. В 1890-х годах 59 % служащих министерств составляли выходцы из дворянских семей. Это стало возможным благодаря взаимной протекции. Также большую роль

сыграла система образования, которая была реформирована для этой цели. Была создана сеть лицеев с классическим образованием, готовивших для дальнейшего получения профессии юриста. Доминирование венгерского дворянства на государственной службе в многонациональной империи, и особенно в политике и судебной практике, привело к «дворянизации общества», то есть к принятию культуры поместного дворянства как доминирующей, и к формированию особенной психологии у немецко-еврейского среднего класса, привыкшего к отсутствию возможности влияния на государственные дела.

Итак, сравнение результатов исследований показывает: представители социальных групп, имеющих в своем распоряжении схожие ресурсы, используют их противоположным образом и попадают в разные профессиональные сферы в зависимости от того социального контекста, на фоне которого происходит конвертация. Для социологического исследования процесса реконверсии элит необходимо реконструировать два элемента — конвертируемые ресурсы и контекст.

X (с. 170) Для анализа идентичности дворян в советское время полезна концепция «стигматизированной» идентичности (stigma, или spoiled identity) И. Гофмана (E. Goffman), то есть идентичности людей, обладающих социальным или физическим «клеймом» (изъяном, недостатком). Такие люди по-разному реагируют на свою стигму.

Во-первых, может быть предпринята попытка исправить то, что вызывает причину негативного отличия данной личности от «нормальных» людей. В этом случае, как считает Гофман, происходит не обретение полностью нормального статуса, а трансформация личности, обретение идентичности «избавившегося-от-позора». Во-вторых, «заклейменный» индивид может предпринять попытку косвенно изменить свою позицию, участвуя в тех видах деятельности, которые являются для него закрытыми (тут можно привести в пример такие парадоксальные случаи, когда безногий человек становится летчиком или слепой — художником). В-третьих, стигматизированный индивид может порвать с реальностью и предложить себе и окружающим оригинальную интерпретацию характера своей социальной идентичности.

Итак, важно, что стигма — в виде или «физического», или «социального» клейма — всегда осознается, а состояние стигматизации конструируется совместно носителем стигмы и его социальным окружением. Следовательно, если принадлежность к дворянскому сословию, или, пользуясь терминологией П. Бурдьё, «дворянский габитус», после революции становится клеймом, он постепенно переходит из сферы бес-

сознательного в сферу осознаваемого, «классовое Я» перестает быть целостным. Оно перестает быть «принципом знания без сознания» (габитусом) и становится объектом манипуляции и презентации. Это «классовое Я» конструируется по-разному в публичной сфере (среди незнакомых людей, на работе), в приватной сфере (в семье) и в приватно-публичной (на коммунальной кухне, среди знакомых). Например, в публичной сфере носитель стигмы старается не проявлять тех черт, которые могут его (или ее) разоблачить. Он пытается избавиться от тех черт своего «классового Я», которые обычно приписывают его классу. Наоборот, в приватной сфере, встречаясь с теми людьми, кто разделяет с ним стигму, человек актуализирует те же черты «классового Я», которые пытался скрыть в публичной сфере, — говорит привычным языком на привычные темы, специально подчеркивает свое отличие.

Таким образом, стигма может порождать несоответствие между настоящей (actual) социальной идентичностью и номинальной — той, которую демонстрируют (virtual). Послереволюционная стигматизация по принципу социального происхождения дает наиболее яркие примеры того, как социальная идентичность становится продуктом созидательной деятельности самого человека, в отличие от стабильной ситуации, когда идентичность не проблематизируется.

XI (с. 170) Как показывают исследования психологов и психоаналитиков (S. Tisseron), не обсуждаемые с детьми страдания родителей, а также травмирующие (или «патологические») секреты и тайны сказываются на психике потомков в двух последующих поколениях, причем в наибольшей степени от этого страдает третье поколение (то есть внуки). Страдание родителей и наличие секрета, даже если они не заявляют о себе с очевидностью, заметны в жестах, изменениях интонации и тембра голоса при упоминании определенных тем, в учащении дыхания, нервных реакциях. Страдание, очевидное лишь по косвенным признакам, становится для ребенка и подростка вечным вопросом, и это проявляется обычно уже во взрослом состоянии, поскольку, когда дети становятся взрослыми, именно это определяет поиск их жизненной стратегии. Они подсознательно помещают себя на место родителя и проигрывают это страдание в своей собственной жизни. Динамика секретов в нескольких поколениях объясняется действием механизма символизации, то есть конструирования психического эквивалента событию. Обычно событию соответствуют три формы символизации — вербальная, образная, сенсорно-моторная. Если же символизация в одной из этих форм запрещена, например имеет место запрет на обсуждение и на вопросы, то это приводит к психо-

логическим и психическим проблемам. Негативно воздействует не сам секрет и не само страдание, а нарушение коммуникации вокруг него. Обычно секреты касаются интимной жизни — внебрачных рождений, параллельных сексуальных связей, гомосексуальности, самоубийства как реальной причины смерти. В советском «обществе компромисса», кроме этих традиционных причин беспокойства, появились и другие источники внутренних переживаний, которые невозможно было разделить с окружающими и даже близкими, — социальное происхождение родителей, наличие родственников в эмиграции и в тюрьме, сотрудничество с органами безопасности (V. Semenova, G. Rosenthal).

ХII (с. 192) Понятие «память» используется в книге в двух различных, но взаимосвязанных значениях — как *коллективное представление* и как *социальная практика*.

Разработка концепции памяти как коллективного представления была сделана французским социологом Морисом Хальбваксом в работе 1925 года «Социальные рамки памяти». Эта книга, идеи которой были в дальнейшем доработаны и опубликованы в книге «Коллективная память» (1950), выполнена в традиции дюркгеймианской школы, и развивает идею о том, что коллективные представления обладают силой принуждения. Социологическая концепция памяти как *коллективных представлений* оказала значительное влияние на социологию элит 1990-х годов, особенно на работы ведущих французских исследователей этого направления — С. Гранжа (С. Grange), Э. Мансион-Риго (E. Mension-Rigau), М. де Сен-Мартэн (M. De Saint-Martin), М. Пэнсона и М. Пэнсон-Шарло (M. Pinçon et M. Pinçon-Charlot). Изучая традиционные элиты (т. е. принадлежащие к высшим слоям в нескольких поколениях, обладающие унаследованными капиталами) с различных исследовательских перспектив (с позиций демографии, этнологии, социологии, истории), они показывают, что *вера в существование группы* в значительной мере и объясняет ее воспроизводство. Теоретический вклад французской социологии элит 1990-х годов заключается в удачном сочетании теории коллективной памяти М. Хальбвакса и теории классового воспроизводства П. Бурдьё для объяснения механизмов функционирования элитарного пространства.

Таким образом, из исследований западноевропейских социологов можно сделать вывод о том, что коллективная память находится «за кадром» реконструкции элит, трансляции наследия и конструирования символических границ общества, но она является фоном, который необходим для того, чтобы эти процессы могли осуществиться. Эта идея оказала существенное влияние на формулировку проблематики нашего исследова-

дования, но с учетом того, что коллективная память чувствительна к социальному контексту и меняет свое содержание под влиянием обстоятельств ее трансляции. В СССР передача дворянской памяти потомкам осуществлялась заклеемными государством индивидами, обладателями стигматизированной идентичности. Следовательно, важно было постоянно иметь в виду драматургический аспект их жизнедеятельности, постановочность и изменчивость их самопрезентаций.

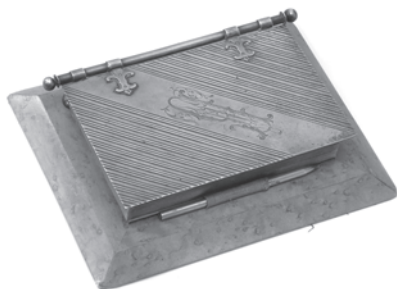
Учитывая эту специфику, для нашего исследования особенно интересен оказался созидательный потенциал коллективной памяти, то, как она может меняться и преобразовываться, какие новые формы социальных взаимодействий она может порождать. В этом смысле полезным аналитическим инструментом стала концепция «*коллективной памяти сценария*» французского социолога Роже Бастида (R. Bastide), разработанная им на основе эмпирического исследования эмигрантов. В этой концепции акцентируется социально-структурный потенциал коллективной памяти групп, потерявших очевидные возможности воспроизводства. На основе изучения африканских племен в Бразилии Бастид показывает, что созидательное действие памяти не ограничивается лишь «коллективными представлениями» и их модификациями. Память является также *воплощенной*, то есть проявляет себя в репертуаре телодвижений. Привлекая теоретический арсенал социальной антропологии, Бастид пересматривает взаимосвязь коллективной памяти и социальной структуры и делает вывод о том, что сохранение сообщества в новом контексте определяется тем, есть ли возможность сохранения «коллективной памяти сценариев», то есть воссоздания сцен, «постановок», совместных действий, имеющих ритуальный смысл. Оказалось, что эта возможность определяется двумя моментами — наличием достаточного количества носителей памяти, способных сообща воссоздать хотя бы основной «скелет» сценария, и наличием пространств (жилищных или природных), которые выполняли бы роль декораций, подходящего антуража, то есть стимулировали бы работу коллективной памяти. В случае если сообщество имеет возможность реализации «постановок», оно сохраняет себя как *иного*, но в то же время меняется, приспосабливаясь к новым условиям.

Исследователи, которые занимались изучением «молчаливых» социальных групп (рабочих, крестьян, этнических меньшинств) с помощью метода «устной истории», продемонстрировали, что память является индикатором социальной позиции и одновременно инструментом для воспроизводства социального неравенства. Они обратили внимание на то, что «память исчезающих групп исчезает», «память подчиненных групп является подчиненной памятью». Результаты этих исследований свидетельствуют о том, что целесообразно анализировать не только содержание повествования, но и его форму, то есть такие характеристики, как

эмоциональный фон рассказа, его пространственный охват, количество упоминаемых родственников и знакомых и их статус, «якоря» памяти, от которых отталкивается рассказ.

Тема взаимосвязи семейной памяти и социального неравенства получила интересное развитие в работах этнологов, среди которых особенно полезным было этнологическое изучение буржуазной культуры Беатрис Ле Вита (B. Le Wita). На основе исследования крупной буржуазии она детально проанализировала, как связаны содержание и формы семейной памяти с практикой использования родства. Ее исследование показало, что для традиционных элит характерно практическое использование семейной памяти, в том числе генеалогии, ее ежедневное преобразование в доходный социальный капитал, тогда как для высококомобильных индивидуумов характерна *генеалогическая озабоченность*, то есть потребность главным образом в символическом обретении прошлого и в его позитивной социальной оценке.

Все измерения социологического понятия «память» подчеркивают ее динамичный, изменчивый характер и ее способность функционировать в качестве практики, порождающей социальную реальность.

приложение

методы сбора и анализа данных

Автобиографическое повествование как социологический инструмент

В данном исследовании были применены социологические инструменты, позволяющие изучить выживание в новых условиях некоторых прежних способов взаимодействия, привычек, ценностей, идентичностей и в то же время исчезновение некоторых других элементов прежнего обихода и появление новых или по-новому окрашенных. Социологическим инструментом, который делает такое исследование возможным, является автобиографическое повествование. В нашем корпусе источников представлено два типа повествований: непровоцированные, созданные авторами безотносительно к данному исследованию (семейные хроники, письма, мемуары, (авто)биографии), и спровоцированные (интервью).

Что представляют собой автобиографические повествования? Каковы их возможности в качестве источника информации для социологического исследования? Сколько автобиографических материалов необходимо проанализировать, чтобы исследование состоялось? Как оценить достоинства и недостатки каждого конкретного источника? Какова процедура анализа? Эти вопросы, уже много раз обсуждавшиеся, продолжают быть актуальными, и на этих страницах мы пытаемся дать ответы на них.

Автобиографические повествования являются одним из наиболее распространенных видов повседневной коммуникации. Рассказ о себе присутствует в общении

людей постоянно. Рутинные каждодневные разговоры были предметом социологических исследований, посвященных изучению «само собой разумеющегося знания», не упоминаемого в беседе и находящегося за пределами коммуникации, но присутствующего как незримый фон общения (Г. Гарфинкель). Однако в большинстве социологических исследований, и в частности в этой работе, используются не повседневные автобиографические повествования, а рассказы, специально созданные для непосвященного слушателя или читателя, продуманные и идеологизированные. В них создается определенный имидж автора и той социальной среды, из которой происходит автор. К такому типу автобиографических повествований относятся интервью, автобиографии, мемуары, семейные хроники и псевдоавтобиографии, которые мы использовали в этом исследовании.

Между этими материалами существуют различия. Интервью с выходцами из дворянских семей 1905–1918 годов рождения являются единственным инициированным документом. Все остальные материалы — непровоцированные, то есть они были созданы авторами независимо от задач исследования. Автобиографии характеризуются тем, что они ставят автора, события его жизни и его переживания на первый план. Различие между автобиографией и мемуарами, по определению Ф. Знанецкого, состоит в следующем: последний вид литературы обычно предписывает автору поместить себя на задний план повествования.¹ Мемуары посвящаются не судьбе того, кто их пишет, а тому, что автор видел или знает из личного опыта, — как правило, знаменитым современникам или историческим событиям. Семейная хроника — это мемуары, в центре внимания которых находится жизненный путь членов семьи автора и события, происходящие с ними. Псевдоавтобиография — это автобиография или воспоминания, которые подаются как художественное произведение с заменой некоторых имен и дат, но где действующие лица и события узнаваемы.²

Тот или иной тип (авто)биографических повествований выбирается в качестве инструмента в зависимости от целей и теоретических основ исследования. Например, автобиографии, написанные в ответ на объявления о конкурсах (так называемые провоцированные автобиографии), которые проводились в Польше в 1930–1950-х годах, анализировались с марксистских позиций — польские социологи исследовали, как переживают реальность представители различных социально-профессиональных групп (рабочие, крестьяне, интеллигенция и т. д.) и как определенная позиция на рынке труда структурирует личностное сознание.³ С появлением феноменологичес-

1 *Znaniecki F. Über die Sammlung und Verwertung des soziologischen Materials // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1927. N 3. S. 274–293.*

2 *Wachtel A. The Battle for Childhood: Creation of a Russian Myth. Stanford: Stanford University Press, 1990.*

3 *Sisyphus. Sociological Studies. 1982. Vol. 2: Polish Memoir Sociology.*

кой философии, претендующей на то, чтобы быть философией человека в его жизненном мире и научно объяснять значение этого жизненного мира, возникает необходимость получения «конструкций первого порядка». С этой целью феноменологи используют метод нарративного интервью, позволяющего интервьюируемому представить свой жизненный путь в собственной перспективе.

Исследователи, работающие с автобиографическими повествованиями, относят себя или к «реалистам», или к «конструктивистам» («антиреалистам»). Первые считают, что автобиографическое повествование, будь то интервью или автобиография, отражает то, что объективно и субъективно переживает респондент. «Конструктивисты» придерживаются мнения, что автобиографическое повествование может не отражать пережитого, тем не менее этот рассказ представляет интерес для социолога сам по себе как социальная конструкция реальности, созданная представителем какой-либо социальной среды.

Данное исследование идейно ближе к «лагерю реалистов» и может быть отнесено к числу этносоциологических работ. Последние Даниэль Берто определяет как эмпирические исследования, которые методологически и методически близки этнографической традиции, но конструируют свой объект исходя из социологической проблематики.⁴ В таких исследованиях автобиографические повествования используются как рассказы о жизнедеятельности людей в конкретной социально-исторической ситуации, и анализ автобиографических повествований через исследование практик позволяет прийти к пониманию социальных контекстов, в воспроизводство и трансформацию которых эти практики «простых людей» вносят свой вклад.⁵ Исследователя особенно интересуют пределы возможного поведения в различных ситуациях, то есть он ищет и сравнивает описанные в разных источниках ситуации рационального и нерационального выбора, принятия решений.

Методом анализа первичного эмпирического материала в этом исследовании является сравнение и сопоставление рассказов на одни и те же темы. Если какой-либо рассказ повторялся, то я считала ту практику, о которой рассказывают, характерной для данной среды, достаточно распространенной. Если, наоборот, какой-то рассказ не вписывался в слышанное ранее, в наше понимание реальности изучаемой социальной группы, то проводился опрос других информантов — слышали ли они о подобных явлениях, кажется ли это им правдоподобным. Также делались попытки дать социологическую интерпретацию «выпадающему» рассказу. Иногда такой рассказ признавался недостоверным, но такие исключительные, нетипичные случаи и истории позволяли лучше понять характерное и типичное, а также дать давно известным фактам новую интерпретацию.

---

⁴ Bertaux D. *Les récits de vie: Perspective ethnosociologique*. Paris: Ed. Nathan, 1997. P. 12.

⁵ Ibid. P. 8.

Особенно ценны были повествования, которые позволяли как можно более подробно реконструировать повседневную жизнь дворянской семьи и ее социального окружения в до- и послереволюционные годы на протяжении как минимум трех поколений: поколения, пережившего революцию в трудоспособном возрасте, их родителей и их детей, то есть источники, охватывающие жизнь семьи примерно с 1870-х до 1970-х годов. Один богатый описанием деталей повседневной жизни, быта и размышлений источник больше дает для социологического исследования преемственности и изменений, чем много источников, описывающих лишь один из аспектов или периодов жизни семьи.

Ценность, субъективность и (не)достоверность автобиографических повествований

Часто как социологи, так и историки критикуют автобиографические материалы (интервью, мемуары, автобиографии и т. п.) как не заслуживающие доверия и недостаточные свидетельства. Поэтому я хочу показать, каким образом эти материалы используются в исследовании и как решается проблема достоверности.

Финский социолог Й. П. Руус, который анализировал ценность автобиографий как источника для социологических интерпретаций,⁶ выделяет несколько критериев их оценки (которые можно распространить и на другие субъективные самоописания, такие как биографическое интервью и истории семей) с точки зрения полезности для социологического исследования. Он выделяет четыре пункта, по которым может определяться социологическая ценность автобиографии: *контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность*.⁷

Ценным источником для социологического исследования является только та автобиография, в которой можно реконструировать контекст рассказа, то есть понять, что автор хотел сказать своим повествованием и какой общей нитью связаны различные его части. Рассказ должен быть понятен социологу как целое, и только тогда ему можно дать социологическую интерпретацию. У одной автобиографии может быть один или несколько контекстов.

В нашем исследовании контекст задан изначально: в интервью или мемуарах человек часто описывает свою семью именно как дворянскую, а свою биографию — как биографию дворянина (дворянки). Контекстами, необходимыми для понимания историй дворянских семей, в наших источ-

⁶ Руус Й. П. Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад к основам автобиографии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. СПб., 1997. С. 7–14. (Труды ЦНСИ; № 5).

⁷ Там же. С. 10–13.

никах являются правила жизни дворянства и стигматизированных людей. Это основные контексты, которые присутствуют в каждом интервью, автобиографии, семейной истории. Есть и другие — например, собственная жизнь рассматривается как биография представителя поколения, пережившего несколько социальных драм (революцию, Гражданскую войну, репрессии, Вторую мировую войну). Этот контекст актуализируется в сравнении своей жизни с жизнью потомков. Например, одна женщина на протяжении интервью повторяла: «Сейчас я не верю, что могла все это пережить! Мне кажется, что такого не может быть... Вот мои внуки, у них все хорошо, они ходили в школу, в университет, их дети ходят в детский сад... они не знают, что бывает в жизни».

Чтобы автобиография была аутентичной, ее создатель должен стремиться представить свою жизнь наиболее реалистично, чтобы она вызывала доверие у слушателя (или читателя). Автор мемуаров и человек, дающий интервью, должен иметь желание поведать другим предполагаемым читателям и слушателям о том, что он знает о жизни. В интервью, которые собирались для этого проекта, респонденты, как правило, стремились рассказать историю своей семьи и своей жизни как можно более подробно, понятно и точно. Интервью проводились только с теми людьми, кто был сам заинтересован в том, чтобы рассказать о своей семье и своем жизненном пути. В большинстве интервью возрастной разрыв между интервьюером и информантами в два-три поколения создавал ситуацию «разговора на разных языках». Эта ситуация всегда позволяла интервьюеру переспрашивать, задавать вопросы «почему» и «как», удивляться, провоцировать более подробный рассказ и стимулировала информантов рассказывать все в деталях человека, который ничего из описываемого не знает и ничего не видел. Многие рассказы сопровождалась уверениями, что все действительно было, хотя сейчас в это трудно поверить.

«Правдивость рассказа подтверждается тем, что он имеет референтов, — он сконструирован так, что отсылает к определенным действиям, событиям, социальной реальности. Но этого недостаточно. Аутентичность предполагает также рефлексивность, при которой рассказчик в нарративе смотрит на себя со стороны, меняя уровни рассмотрения и углы зрения. Рефлексивность также связана с контекстуальностью: чем более рефлексивен рассказ, тем в большей степени присутствует в нем контекст».⁸

Итак, для того чтобы можно было интерпретировать рассказ с социологической точки зрения, он должен быть контекстуальным; он должен быть таким, чтобы в него можно было поверить; у рассказчика должно быть желание рассказать то, что он знает; в рассказе должны присутствовать рефлексия, размышления и рассуждения; текст должен состоять из одного или нескольких нарративов. В оценке аутентичности, правдивости рассказа по-

---

⁸ Руус Й. П. Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность... С. 12.

могает исследовательская интуиция и знание истории. В данном исследовании определить, правдоподобен ли рассказ, не сложно, поскольку он рассматривается в сравнении с другими аналогичными материалами.

В интервью и в текстах некоторые события, факты истории семьи скрываются. Кое-какие темы обходятся стороной. Умолчания касаются семейных тайн, в основном интимной стороны жизни — разводов, романов, измен. Кроме того, фальсификации и умолчания связаны с многолетней привычкой скрывать некоторые факты своей биографии от посторонних.

Приведу пример фальсификации, встреченной в одном интервью, и ее объяснение. Было проведено два интервью с N. Во время второго визита N. сказала, что уже давно написала свою автобиографию и может дать ее на время. После прочтения двух частей интервью и автобиографии я заметила, что в этих текстах автор указывает три разные даты смерти отца. В первом интервью — 1913 год, во втором — 1916, в автобиографии, написанной для потомков, — 1919. Может ли человек не помнить даты смерти своего отца? Не помнить, умер он до революции или после? В третий визит, придя вернуть автобиографию, я решила уточнить, без диктофона, сведения об отце. «Вы указываете три разные даты смерти отца. Когда он умер — до революции или после?» — «После. Отец не уехал с Белой армией, поэтому остался в России, он был уже болен, в 1919 году умер». — «Вы не говорили, что отец был в Белой армии». — «Об этом не надо говорить». — «Вы боитесь?» — (после паузы) «Да, пожалуй сейчас мне уже нечего бояться».

Этот случай дает понять, что N. скрывала свое происхождение, о чем она также не упоминает в интервью. Скрывала она и то, что ее отец был в Белой армии. Вероятно, на все случаи жизни у нее были легенды, которые она рассказывала, — о том, когда умер ее отец, и привычка называть неправильные даты сохранилась по сей день. В автобиографии, написанной для потомков и содержащей много подробностей жизни ее семьи, автор не скрывает реальной даты смерти отца, хотя про Белую армию также не пишет. Судя по готовности предоставить свою автобиографию для исследования, эта женщина не собиралась скрывать правду и сделала это скорее по привычке.

Метод сбора интервью небольшими частями, в несколько визитов, оправдал себя, позволил уточнить и исправить многие неточности, неизбежно встречающиеся в рассказах.

Влияние момента воспоминания на интерпретацию событий

Итак, мы рассмотрели ценность автобиографических повествований с точки зрения особенностей личности автора, его желания рассказать достоверную историю так, чтобы читатель или слушатель смог ее понять. Но, работая с автобиографическими повествованиями, мы сталкиваемся не

только с желанием человека так или иначе рассказать о пережитом, поведав одни эпизоды своей биографии и скрыв другие, но и с возможностью это сделать. Каковы же особенности памяти и как человек вспоминает о своем прошлом?

Если какое-то событие или переживание запомнилось человеку, значит, оно было важным не только для него одного. Мысли, чувства, переживания, эмоции, слова и, следовательно, воспоминания социальны; они создаются сообществом, несмотря на то что каждый человек уверен в исключительности собственных переживаний и впечатлений. Те эпизоды, которые человек запоминает из своего детства, остаются в его памяти обычно потому, что они запомнились также его родителям. Эпизоды взрослой жизни также запоминаются постольку, поскольку они были значимы для окружения, и чем больше людей реально или потенциально заинтересованы в этом воспоминании, тем больше вероятность, что оно сохранится в памяти человека более детально. С этим связан феномен реальных и фиктивных воспоминаний, сосуществующих в памяти человека. В восприятии людей смешиваются воспоминания о реально пережитом и засвидетельствованном и образы некоторых событий, которые не были замечены в свое время, но запомнились по рассказам окружения и принимаются за свои собственные. В то же время некоторые другие события, которым человек был свидетелем, не сохраняются в его памяти.⁹ Нередко в интервью и семейных историях люди отдают себе (а также читателю или слушателю) отчет, что какой-либо эпизод запомнился, по всей вероятности, с чьих-то слов. Но сам слушатель рассказа, как правило, не может определить, реально или фиктивно это воспоминание. Для социологического исследования реальность и фиктивность воспоминания практически не имеют значения. Если фиктивное воспоминание, как и реальное, имело место по убеждению рассказчика, то оно является частью его легенды, его идентичности, его жизни.

Любые воспоминания являются интерпретацией прошлого, независимо от того, идет ли речь о вчерашнем дне или о событиях пятидесятилетней давности. Каждый, кто вспоминает молча, «про себя», и каждый рассказчик, который стремится рассказать другим «как это было», имеют свою интерпретацию прошедшего события. При этом воспоминания приспособляются к нынешним впечатлениям автора — то, что и как излагается, подвержено влиянию его настроения и мировоззрения в момент создания воспоминания.

Применительно к нашему исследованию необходимо упомянуть особенность момента его проведения. Исследование началось в 1997 году, и сбор материала продолжался до 2003 года. Предшествующее десятилетие ознаменовалось значительным количеством журналистских публикаций, телепередач и книг о репрессиях 1930-х годов, реабилитацией репрессированных,

---

⁹ Halbwachs M. *Collective Memory*.

отрицанием советской идеологии и поиском новых ориентиров, который неизменно приводил к переосмыслению дореволюционного наследия и вызывал повышенный интерес к жизни дореволюционного высшего общества.¹⁰ В качестве иллюстрации результатов поиска новых идеологий можно привести примеры трансформации советских идеологических учреждений в постсоветский период. Например, музей «Смольный», который раньше был посвящен Октябрьскому вооруженному восстанию, в настоящий момент имеет постоянную экспозицию, посвященную институту благородных девиц, ранее находившемуся в этом здании. Музей-квартира Ленина (квартира Елизаровых) показывает «быт интеллигенции начала века» через судьбу персонажа. Бывший Музей Октябрьской революции стал Музеем политической истории, в котором часть экспозиции составляет постоянная выставка о балерине Кшесинской и ее взаимоотношениях с царской семьей. Во время перестройки появились новые общественные организации, в том числе дворянские собрания и общества, объединяющие потомков дворянских родов, которые занимаются просветительской и издательской деятельностью. Потомки белоэмигрантов вкладывают средства в реставрацию своих бывших владений и в российский бизнес.¹¹ Происходит реабилитация не только отдельных репрессированных личностей, но и дворянской культуры в целом. Эти общественные процессы представляют собой благоприятный фон для проведения исследования. В то же время они влияют на интерпретацию прошлого, на выбор того, о чем вспоминают или забывают мемуаристы.

Контекстуальность, направление интерпретации устного рассказа создает сам социолог, когда договаривается об интервью и задает вопросы, но господствующая общественная идеология проявляет себя не только в мемуарах, написанных в 1990-е годы, но и в устных рассказах о 1920—1930-х годах. Например, о дискриминации и отрицательном опыте 1930-х многие респонденты вспоминали легче и раньше, чем о положительных моментах своей жизни в эти годы, а информация о дореволюционной жизни семьи или, в некоторых случаях, о периоде до начала 1930-х годов часто подавалась «в розовом свете».

Сталинская эпоха, поставившая людей перед необходимостью поиска компромисса между прошлым и настоящим в экстремальных условиях, оставила о себе болезненные воспоминания. Многие потенциальные информанты отказались рассказывать о своей жизни, мотивируя отказ нежеланием мысленно возвращаться к этим годам и делиться с кем-либо пережитым. Для тех, кто согласился на интервью, воспоминания становились эмоцио-

¹⁰ *Hellberg-Hirn E.* Imperial Imprints: Post-Soviet St. Petersburg. Helsinki: SKS Finnish Literature Society, 2003.

¹¹ *Pinçon M., Pinçon-Charlot M.* Le capital cosmopolite des élites: conversions et reconversions // Formation des élites et culture transnationale / Eds. D. Broady, N. Chmatko, M. de Saint-Martin. Paris; Uppsala, 1997. P. 35–45.

нальным переживанием. Стремясь объективно анализировать биографические и социальные процессы, необходимо учитывать, что одним из значимых контекстов для их понимания является трагический фон эпохи в целом и изучаемой социальной группы в частности.

Источники

Основным источником для написания этой книги послужили глубинные биографические интервью. Главный корпус устных источников составляют 23 интервью с выходцами из дворянских семей, родившимися до 1918 года. Время проведения интервью — 1997–2002 годы. Среди опрошенных — коренные жители Петербурга-Петрограда, те, кто родился в других регионах России и переехал в Ленинград в 1920–1930-е годы, кто жил сначала в Ленинграде, а затем вынужден был уехать в другие регионы и те, кто эмигрировал в другие страны до 1925 года. Поиск информантов осуществлялся методом «снежного кома». При этом были использованы различные пути (и места) поиска.

Одним из источников были многочисленные знакомства с представителями поколения 1910-х годов рождения, приобретенные в ходе реализации различных исследовательских проектов, посвященных раннему советскому обществу. Другим источником была моя личная сеть знакомых. В течение нескольких лет я рассказывала всем о том, что ищу выходцев из дворянских семей, родившихся до революции и проживающих в Санкт-Петербурге. В результате были опрошены родственники и друзья моих знакомых, согласившиеся помочь мне в реализации этого проекта. Еще одним источником были Санкт-петербургские ассоциации потомков дворян. Несколько интервью было проведено благодаря содействию предводителя Санкт-Петербургского губернского дворянского собрания А. П. Гагарина. Интервью в Париже проводились с помощью французских коллег и ассоциаций эмигрантов.

Я искала информантов по «объективному» критерию — рождение до революции в потомственной дворянской семье. В ходе проекта я старалась охватить различные семьи — разные по статусу и месту жительства в начале века и по послереволюционной социальной траектории. Однако у меня не было большого выбора информантов, и некоторые варианты приспособления к советской реальности, известные мне по другим источникам, не были озвучены в интервью. Например, ощущается нехватка интервью с представителями деклассированных семей, которые не смогли адаптироваться и были выселены в полном составе в начале или середине 1930-х годов. Почти нет сведений о попытках высланных вернуться в Ленинград. Следует также отметить значительное преобладание интервью с женщинами (20 из 23).

В ходе поиска информантов я сталкивалась с несколькими проблемами. Это был преклонный возраст информантов и ограниченное число потенциальных собеседников, готовых встречаться несколько раз и подробно вспоми-

нать; большое количество отказов (выше среднего, по сравнению с другими группами населения того же возраста), сильная идеологизация и тенденциозность некоторых рассказов.

Перед началом интервью я звонила (всегда по рекомендации кого-либо из знакомых информанта) и сообщала, что интересуюсь жизнью дворян в послереволюционный период. Данная постановка вопроса в первый момент удивляла многих интервьюируемых и часто вызывала различного рода остроты и шутки с их стороны. (От моих зарубежных коллег я знаю, что такая реакция является типичной для потомков дворян и в других странах, когда их интервьюируют на тему семейной истории, так как им свойственно утверждать, что дворянства больше нет и, следовательно, отсутствует предмет разговора). Во время первой встречи я обычно начинала с вопроса об истории семьи («насколько далеко вы помните своих предков»), но в некоторых случаях информанты предпочитали сразу рассказывать свою биографию или же начинали говорить о том, что их волнует. В случае если их нарратив относился к теме исследования, первое интервью проводилось с минимальным количеством вопросов со стороны интервьюера. В целом обычно задавались вопросы типа «расскажите о...».

В процессе интервьюирования у меня было ощущение, что большая часть информантов (за исключением тех, кто состоит сегодня в дворянских ассоциациях) не имеет интереса к дворянской истории; некоторые даже как будто снеснялись, что их об этом спрашивают. Кое-какие информанты были яростными патриотами СССР, несмотря на свои жизненные трудности. Интервью меняли представление информантов о самих себе и о том ракурсе, в котором они могут «подать себя».

Очень важны были и другие биографические интервью, которые проводились по другой схеме, но также использовались в этом исследовании. Начиная с 1997 года я работала интервьюером и исследователем в нескольких коллективных проектах, посвященных формированию социальной структуры советского общества в довоенный период. Эти проекты осуществлялись Рэнвалл-Институтом при Университете г. Хельсинки под руководством профессора Т. Вихавайнена. При разработке концепции книги использовался архив биографических интервью Рэнвалл-Института, большую часть которых провели мы с коллегой, к. с. н. Катериной Герасимовой, в 1997–2002 годах. Особенно были полезны материалы проектов «Старые и новые ленинградцы 1930-х годов» (1997–1998, общее число интервью — 35), «Интеллигенция и мещанство в советском обществе» (2000–2002, общее число интервью — 40). Использовались также материалы Биографического фонда Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН и интервью из архивов Санкт-Петербургского Центра независимых социологических исследований.

Таким образом, в моем распоряжении имелось около ста глубинных интервью, среди которых были рассказы жителей Ленинграда 1920–1930-х годов — как коренных, так и приезжих, принадлежавших к различным соци-

альным слоям. Среди этих интервью были жизненные истории выходцев из дореволюционных образованных слоев, не принадлежавших к дворянскому сословию, но которых в послереволюционные годы также относили к «бывшим» или другим дискриминируемым группам (например, «лишенцам»). Особенно ценны были интервью с соседями «бывших» по коммунальным квартирам, которые имели иной взгляд на интересующие меня темы.

Для этого проекта были также полезны отдельные, случайно проявившиеся в других социологических исследовательских проектах интервью с потомками дворян различного возраста (1930–1970-х годов рождения), а также с сотрудниками современных государственных и частных культурных учреждений и общественных организаций Петербурга, занимающихся популяризацией отдельных аспектов дворянской культуры.

В этом исследовании использовались также источники мемуарного характера, как опубликованные, так и неопубликованные. Наиболее ценным типом мемуарного источника являются *истории семей*, или *семейные хроники*. Они ценны тем, что в них подробно рассматривается жизнь семейного клана на протяжении примерно столетия, то есть с их помощью можно проследить изменения, происходившие со многими членами семьи, и взаимодействие между ними.

Семейные хроники являются одной из разновидностью мемуаров, где автор старается упомянуть всех своих предков, потомков и родственников, о которых у него есть информация. В отличие от классических мемуаров, где упоминаются только те, кто оказал влияние на жизнь автора, а также «известные» и «интересные» люди, в семейной хронике упоминаются даже те, о ком не известно ничего, кроме имени. Семейная хроника не всегда пригодна к публикации, она не претендует на хороший литературный стиль, изобилует бытовыми деталями, мало интересными для читателя, не являющегося частью семьи. Семейная история предназначена прежде всего для потомков. Обычно об этом указывается в тексте, в прологе или эпилоге.

Семейная история, как правило, является плодом коллективного творчества, в отличие от мемуаров. Например, одному из авторов семейной истории помогали собирать информацию две его родственницы. Другой автор надиктовал историю семьи своей дочери, которая записала ее от руки. Его другая дочь сделала копию и переплела ее. Она же дополнила записки своими собственными воспоминаниями о родственниках по материнской линии. Третий автор проинтервьюировала своих старших родственников, ее муж провел по ее просьбе архивный поиск.

Другая особенность семейной хроники состоит в том, что она опирается не только на память и субъективные впечатления, но еще больше, чем мемуары, претендует на достоверность сообщаемой информации. Для ее написания используются различные источники: семейные архивы (например, письма, дневники, дворянские книжки, статьи из энциклопедий, посвященные известным представителям рода), публичные архивы, опубликованная литература, интервью с родственниками. В семейной истории

приводятся документальные подтверждения сообщаемой информации, все источники обильно цитируются.

Особенно интересны истории семей, написанные в советский период, — они неоднозначно представляют и старый режим, и советское время. Тексты, созданные во время перестройки, имеют тенденцию приукрашивать до-революционные годы и очернять советский период.

Естественно, в книге использованы не все материалы, полученные в результате прослушивания интервью или изучения мемуаров. Для публикации отбирались только наиболее точные и образные цитаты.

Схема интервью

История семьи до революции. В каком городе жили или в каком имении. Кто кем работал, какое образование получали. Какие это дворяне (поместные, бюрократы, народовольцы, нигилисты, интеллигенция, аристократы, монархисты)?

Семья в империалистической войне. Кто, где, в чем принимал участие?

Революция. Что изменилось в жизни? Где были в это время? Как принимались решения и кем (эмигрировать или остаться, где жить и работать).

Как далеко помнят историю семьи? Кто самый старший предок семьи, которого помнит респондент?

Где учились предки и родители? Профессии, ранги.

Где жила семья до революции?

Сколько человек проживало вместе под одной крышей в начале века, в 1920-е, 1930-е годы?

Часто ли переезжали?

Круг общения семьи. (Кто приходил в дом? С кем дружили? Как изменился круг общения после революции?)

Что изменила революция в жизни семьи? Что стало хуже и что лучше?

Как приспособились к жизни после революции? Где работали? Где жили?

Когда семья оказалась в Ленинграде? Почему переехали в Ленинград (если мигранты). Просьба эту историю изложить подробнее, включая пропуск, жилищный вопрос, наличие здесь родственников, друзей.

Выезды и возвращения из Ленинграда в 1920—1940-е годы.

Политические ориентации семьи. Отношение к советской власти.

Политическое воспитание детей.

Взаимопомощь и солидарность или их отсутствие.

Соблюдались ли после революции какие-либо старые традиции, ритуалы?

Место религии в жизни семьи. Посещали ли церковь? Имели ли место венчания, крещения?

Где, когда родился (родилась) интервьюируемый (интервьюируемая)?

Как воспитывали детей? На что было ориентировано воспитание? Роль в воспитании отца и матери. Какие воспитательные функции выполнял каждый из родителей? Какие были родительские обязанности у отца и матери? Кто был авторитетом в детстве? С кем проводил(а) больше всего времени?

Как изменились семейные роли после революции? (Например, стали ли работать женщины?) Отец, бабушки и дедушки, тети, дяди — кто менял вещи на базаре, кто готовил и т. д. Как решались проблемы повседневной жизни? Что ели, что пили, как жили?

Слуги. Няни. Гувернеры. Соседи.

Домашнее образование.

Семейные праздники и развлечения.

Как проводили свободное время в детстве? Гимназия, школа. Какие предметы были любимыми? Успехи и неудачи в учебе. Воспоминания о школе. Эмоциональная окраска.

С кем дружили? Ходили ли друзья в дом? К кому ходили сами?

Чем обусловлен выбор профессии? Начало профессиональной деятельности (желательно в форме истории). Были ли попытки получить высшее образование? Какие были проблемы? Как преодолевали дискриминацию?

Приходилось ли скрывать социальное происхождение при устройстве на работу, учебу?

Подробнее про профессиональную карьеру, особенно в довоенный период, но и в послевоенный тоже (более кратко).

Личная жизнь. Романы. Брак. Дети.

Муж/жена. Кто, откуда, где познакомились, что делали в период ухаживания, куда вместе ходили и т. д. Как относились родители с обеих сторон к этому браку.

Пыталась ли семья влиять на выбор друзей, знакомых? Правила общения с противоположным полом. Что можно и что нельзя в личной жизни.

Как воспитывали своих собственных детей? Осталось ли что-либо от дворянского воспитания?

Дополнительные вопросы:

- конфликты в семье — до революции и после;
- «хорошие» и «плохие» люди с точки зрения информанта и его семьи;
- интересные и неинтересные люди, достойные и недостойные;
- достойное и недостойное поведение после революции (все возможные аспекты);
- что значит быть дворянином, значит ли это что-нибудь;
- приходилось ли идти на компромисс с самим собой для достижения каких-то целей (например, вступить в партию или выйти замуж за партработника);
- конфликты между собственными взглядами и родительскими (например, в молодости) (тут может быть все что угодно, от прически до профессии).

использованные материалы и библиография

Список процитированных интервью¹

- Амилахвари Руссудана Александровна, 1906 г. р. (2002, 2003, Париж)
Арнольд Ирина Владимировна, 1908 г. р. (1999, 2000, Петербург)
Бурлакова (урожд. Шешина, в первом браке Гагарина) Варвара Васильевна, 1913 г. р. (1998, Петербург)
Вахарловский Глеб Анатольевич, 1908 г. р. (1998, Петербург)
Ветошникова Наталья Борисовна, 1921 г. р. (2001, Петербург)
Воцинина Екатерина Ильинична, 1909 г. р. (1998, 1999, 2001, Петербург)
Гедройц Ирина Евгеньевна, 1915 г. р. (1997, 1998, Петербург)
Гессе Наталья Викторовна, 1914 г. р. (1994, Петербург, получено в подарок автором от Р. Д. Исат)
Горбатовская Тамара Борисовна, 1913 г. р. (2002, Париж)
Дьяконова Нина Яковлевна, 1915 г. р. (2001, Петербург, из архива Рэнвалл-Института, Хельсинки)
Жедринская Марианна Львовна, 1905 г. р. (2002, Париж)
Зак Соломон Иосифович, 1911 г. р. (2001, Петербург, из архива Рэнвалл-Института, Хельсинки)
Иванова Екатерина Владимировна, 1906 г. р. (1997, 1998, Петербург)
Матвеева (Раппапорт) Марина Николаевна, 1906 г. р. (1996, 1997, 1998, Петербург)
Медведская (Вильчковская) Ксения Дмитриевна, 1910 г. р. (1997, Петербург)
Михайлов Борис Сергеевич, 1908 г. р. (2000, Петербург)
Негребецкая Елена Васильевна, 1906 г. р. (2001, Петербург)

---

¹ Интервью проводились автором лично, за исключением отдельно оговоренных случаев.

Панаева Нина Платоновна, 1918 г. р. (1997, 1998, Петербург)

Сементовская Зоя Сергеевна, 1908 г. р. (интервьюер Т. З. Протасенко, из архива биографического фонда Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН, примерно 1994)

Успенская Лидия Александровна, 1906 г. р. (2002, Париж)

Шидловский Игорь Александрович, 1910 г. р. (2000, Петербург)

Шувалова Елена Владимировна, 1930 г. р. (2001, Петербург)

Неопубликованные семейные хроники, воспоминания, автобиографии из личных архивов

Вахарловский Глеб Анатольевич. Написано для потомков Вахарловских.

Вощинина Екатерина Ильинична. Детство и родные.

Вощинина Екатерина Ильинична. Таня, или Опустелый дом потомков Бестужевых-Рюминых.

Зворыкина Наталья Федоровна. Записки: История семьи Зворыкиных.

Зворыкина Наталья Федоровна. Матвеевы. История семьи.

Ива́нова Екатерина Владимировна. Все, что я помню о своей жизни.

Левицкая Наталья Сергеевна. История семьи Стрелецких. Рукопись из архива биографического фонда Института социологии РАН.

Любá Юрий Борисович. Воспоминания. Часть 1.

Никольская Вера Васильевна. Воспоминания.

Опубликованные воспоминания

Аксакова-Сиверс Т. А. Семейная хроника: В 2-х т. Paris: Atheneum, 1988.

Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992.

Белый А. На рубеже двух столетий. М.: Художественная литература, 1989.

Белый А. Между двух революций. М.: Художественная литература, 1990.

- Белый А.* Начало века. М.: Художественная литература, 1990.
- Бенуа А.* Мои воспоминания: В 2-х т. М.: Наука, 1980.
- Великий князь Гавриил Константинович.* В мраморном дворце. Мемуары. М.: Захаров, 2001.
- Волков А. А.* Около царской семьи. Париж; Москва, 1928.
- Волков О. В.* Погружение во тьму: из пережитого. Париж: Atheneum, 1987.
- Волков-Муромцев Н. В.* Юность от Вязьмы до Феодосии (1902–1920). Париж: Имка-Пресс, 1983.
- Волконская С. А.* Горе побежденным. Vae Victis. Париж: Oreste Zeluk. Без даты.
- Вощина Е. И.* Мозаика из прошлого. СПб.: Журнал «Нева», 1999.
- Врангель Н. Н.* Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 2000.
- Врангель Ф. Ф.* В обновленной России. Впечатления, встречи, мысли. СПб.: Тип. Уль, 1908.
- Голицын К. Н.* Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М.: РДС, 1997.
- Голицын С. М.* Записки уцелевшего. М.: Орбита, 1990.
- Головкина И. В.* Побежденные. М.: МП «Русло», 1993.
- Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995.
- Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. Л.: Лениздат, 1991.
- Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю: В 2-х т. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1955.
- Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Под ред. В. М. Боковой, Л. Г. Сахаровой.* М.: НЛО, 2003.
- Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика: В 2-х т. Нью-Йорк, 1948.
- Кирпичников М. Э.* Телега на ходу легка. СПб.: Ретро, 2002.
- Мануйлов В. А.* Записки счастливого человека. СПб.: Европейский дом, 1999.
- Маньков А. Г.* Дневники 1930-х годов. СПб.: Европейский дом, 2001.
- Мещерская Е. А.* Трудовое крещение // Новый мир. 1988. № 4. С. 198–243.
- Мещерская Е. А.* Китти (мемуарная проза княжны Мещерской): Сборник / Сост. Г. Нечаев. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001.

Нелидова Л. Современная помещица Коробочка и ее хозяйство // Мир Божий. 1901. № 1–3.

Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. Париж: Имка-Пресс, 1988.

Памяти баронессы Наталии Николаевны Мейендорф / Сост. А. Левитский. Умань: «Порядок», 1912.

Памяти Ольги Леонтьевны Штаден // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 35. 1914. Март. С. 913–923.

Рабинович М. Б. Воспоминания долгой жизни. СПб.: Европейский дом, 1996.

Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Под ред. Т. И. Орнатской. Л.: Наука, 1989.

Сайн-Витгенштейн Е. Н. Дневник. 1914–1918. Париж: Имка-Пресс. 1986.

Свиньина Е. А. Письма в Париж (1922–1938) // Звезда. 1997. № 11. С. 40–79.

Трубецкой Е. Н. Из прошлого. Томск: Издательство «Водолей», 2000.

Трубецкой С. Е. Минувшее. Париж: Имка-Пресс, 1989.

Хоментовская А. И. Пройденный путь // Итальянская гуманистическая эпитафия: ее судьба и проблематика. СПб., 1995. С. 222–257.

Шереметев С. Б. Лотошино. М.: Тип. Н. И. Куманина, 1899.

Baschmakoff M. Mémoires: 80 ans d'épreuves et d'observations. Paris: Besson et Chantemerle, 1958.

Botkine T. Au temps des Tsars. Paris: Bernard Grasset, 1980.

Dolgorouky V. Au temps des Troikas — Russie 1886–1919. Paris: Editions France-Empire, 1978.

Gagarine M. Blonds étaient les blés d'Ukraine. Paris: Robert Laffont, 1989.

Gagarine M. Le thé chez la Comtesse. Paris: Robert Laffont, 1990.

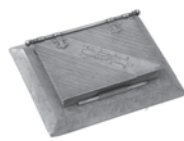
Romanoff Maria (S.A.I. La Grande Duchesse Marie de Russie). Une Princesse en Exil. Paris: Librairie Stock, 1933.

Romanoff Maria (S.A.I. La Grande-Duchesse Marie de Russie). Education d'une princesse. Mémoires traduits de l'anglais par F. W. Laparra. Paris: Librairie Stock, 1934.

Законодательство

- О введении трудовых книжек в гг. Москве и Петрограде: Декрет ВЦИК и СНК от 25 июня 1919 г. // Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1971. Т. 5. С. 304.
- О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйствах: Резолюция президиума ЦИКа и Совнаркома СССР от 20 марта 1925 г. // Сборник декретов по земельному законодательству СССР/РСФСР, 1917–1954. М., 1954. С. 19–20.
- Об освобождении от ответственности за совершенные в прошлом преступления против трудового народа бывших офицеров, которые окажут содействие в ликвидации белогвардейских отрядов: Декрет СНК от 2 июня 1920 г. // Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1978. Т. 9. С. 7–8.
- Об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности при царском и буржуазном строе: Декрет СНК от 23 сент. 1919 г. // Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1973. Т. 6. С. 124–125.
- О порядке приема бывших чинов полиции на службу в советские учреждения: Постановление президиума ВЦИК от 11 февраля 1919 г. // Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1968. Т. 4. С. 358.
- О порядке призыва на действительную военную службу всех бывших офицеров: Декрет СНК от 23 ноября 1918 г. // Известия народного комиссариата по военным делам. 1918. 3 декабря.
- О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства: Постановление СНК от 2 авг. 1918 г. // Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1964. Т. 3. С. 137.
- О призыве на действительную военную службу бывших офицеров, врачей, фельдшеров, лекарских помощников и военных чиновников: Декрет СНК от 29 июня 1918 г. // Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1964. Т. 3. С. 111.
- О трудовых книжках для нетрудящихся: Декрет СНК от 5 октября 1918 г. // Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1964. Т. 3. С. 396–397.
- Об учете красных командиров (инструкторов), бывших офицеров, юнкеров, военных чиновников, чиновников военного времени, унтер-офицеров и старших писарей: Постановление Совета обороны от 20 ноября 1919 г. // Декреты советской власти: В 13-ти т. М., 1973. Т. 6. С. 297.

Речи и статьи

- Ленин В. И.* Государство и революция // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. в 55-ти т. М., 1958–1965. Т. 33. С. 1–120.
- Ленин В. И.* Удержат ли большевики государственную власть? // Там же. Т. 34. С. 287–339.
- Ленин В. И.* Как организовать соревнование // Там же. Т. 35. С. 195–205.
- Ленин В. И.* Очередные задачи советской власти // Там же. Т. 36. С. 165–208.
- Ленин В. И.* О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Там же. Т. 36. С. 283–314.
- Ленин В. И.* Московская губконференция 29–31 октября 1921 г. Доклад о новой экономической политике // Там же. Т. 44. С. 191–200.
- Ленин В. И.* О диктатуре пролетариата // Там же. Т. 39. С. 259–268.
- Программа Российской Коммунистической партии (большевиков) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2.
- Сталин И. В.* Доклад о проекте Конституции Союза ССР. М., 1951.
- Сталин И. В.* Новая обстановка — новые задачи социалистического строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 года // Сочинения: В 13-ти т. М., 1951. Т. 13. С. 51–80.

Газетные публикации

- Кто же буржуи? // Красная газета (далее — КГ). 1918. 3 марта.
- Меньшой А.* Сифилис // КГ. 1922. 14 января.
- Положение обязывает // КГ. 1922. 15 января.
- Муралов Н.* Красная армия к ее четвертой годовщине // КГ. 1922. 23 февраля.
- Пролетарии на коне // КГ. 1922. 23 февраля.
- Выборы новых академиков // КГ. 1928. 14 апреля. Вечерний выпуск.
- Д'Актиль А.* Конкуренты // КГ. 1928. 28 апреля. Вечерний выпуск.
- «Бедные родственницы» профобра // КГ. 1928. 28 апреля. Вечерний выпуск.
- О чистке советского аппарата // КГ. 1929. 23 февраля.

Гнездо «бывших» // КГ. 1929. 1 марта.

Бисярин В. Об учительстве, «чистке» и самокритике // КГ. 1929. 2 апреля.

«Бывшие» не имеют права работать в советском аппарате // КГ. 1929. 4 апреля.

Проверка аппарата Академии наук: губернатор, шпион и «дьякон с психозом» — в академическом аппарате // КГ. 1929. 20 августа.

Комсомол и интеллигентная молодежь // Комсомольская правда (далее — КП). 1925. 15 января.

Нагрузка, кино, базар, девчата // КП. 1926. 5 января.

«Прочая» молодежь и комсомол // КП. 1926. 6 марта.

Луначарский А. Девятисотые годы. Корни Андреева // КП. 1926. 24 октября.

Тайные общества и союзы // КП. 1928. 6 марта.

Детский уголок мадам Полетаевой // КП. 1928. 23 мая.

Алперс Б. Инженер Елагин // КП. 1928. 23 июня.

«Учащиеся» по протекции // КП. 1928. 20 октября.

Тихая пристань молодых чужаков // КП. 1930. 9 февраля.

Два мира — две интеллигенции. Старая интеллигенция в революции // КП. 1931. 26 сентября.

Хозяйственники поддерживают инициативу комсомола // КП. 1931. 17 декабря.

Бровман Г. Разоблачение буржуазного героя // КП. 1932. 17 января.

И парень хочет в индустриальное // КП. 1932. 9 сентября.

Крупская Н. Дать кадры всем участкам соцстроительства // КП. 1932. 9 сентября.

Создадим кадры социально-культурной интеллигенции // КП. 1932. 9 сентября.

Учитесь у них учиться. Михаил Фарадей — великий физик // КП. 1932. 22 ноября.

Внимание молодому специалисту // КП. 1932. 3 декабря.

Каганович Л. М. Врагов революции карать беспощадно (речь на заседании, посвященном 50-летию со дня смерти К. Маркса) // КП. 1933. 16 марта.

Коротяев В. Какой активист нам нужен: коренную рабочую молодежь — к рулю союзного руководства // КП. 1933. 23 марта.

Витензон З. Чей грех? (О романе В. Вересаева «Сестры») // КП. 1933. 15 июня.

- Лазаревский*. Карьерист // КП. 1933. 29 июля.
В поход за культуру! // КП. 1934. 18 февраля.
Кто виноват? // КП. 1934. 22 февраля.
Пинкевич А. П. О пролетарском интеллигенте и его культурности // КП. 1934. 26 марта.
Брайнина Б. О романе Б. Левина «Юноша» // КП. 1934. 11 мая.
Вопрос отнюдь не праздный: вежливость — дисциплина быта // КП. 1934. 30 мая.
Вольберг Е. В борьбе за культуру // КП. 1934. 12 декабря.
«Мадемуазель Лили» и «мадам Рош» // КП. 1935. 17 июля.
Наша ненависть // КП. 1935. 23 сентября.
Доклад товарища И. В. Сталина о проекте Конституции Союза ССР // КП. 1936. 26 ноября.
Баскин М. П. Советская интеллигенция // КП. 1936. 26 декабря.
Крупская Н. К. К сельской интеллигенции // КП. 1937. 26 июля.
Идейно вооружать интеллигенцию колхозной деревни // КП. 1938. 6 октября.
Энциклопедия марксистских знаний // КП. 1938. 12 октября.
Молодая интеллигенция страны социализма // КП. 1939. 14 февраля.
О полной победе социализма в области культуры // КП. 1939. 5 марта.
Интеллигенция страны социализма // КП. 1939. 4 апреля.
За процветание передовой науки // КП. 1939. 17 мая.
Корабельников Г. Талант и направление // Литературная газета (далее — ЛГ). 1933. 23 апреля.
Колесникова О. «Три измерения Калерии Липской». Новый роман Н. Огнева // ЛГ. 1933. 29 июля.

Библиография

- Анализ практик субъективации в раннесталинском обществе // *Ab Imperio*. 2002. № 3.
Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

- Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России: конец XIX — начало XX в. М.: Наука, 1969.
- Берто Д.* Трансмиссии социального статуса в экстремальной ситуации // Судьбы людей: Россия XX век: Биографии семей как объект социологического исследования / Под ред. В. Семеновича, Е. Фотеевой. М., 1996. С. 207–239.
- Бовкало А. А.* Дворянство и церковь в Петрограде в 1920–1930-е годы // Союз дворян = Union de la noblesse russe. Париж, 1999. № 69. С. 9–11.
- Бурдые П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Васильев А.* Красота в изгнании. М.: Слово, 1988.
- Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.* Социоллингвистика и социология языка. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», ЕУСПб, 2004.
- Вихавайнен Т.* Внутренний враг. СПб.: Коло, 2004.
- Волков В. В.* Концепция культурности, 1935–38 гг.: Советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1/2. С. 203–221.
- Волков В. В.* О концепции практик в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–23.
- Герасимова Е. Ю.* Советская коммунальная квартира: историко-социологический очерк // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 224–243.
- Герасимова Е. Ю., Чуйкина С. А.* От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: Изменение социально-пространственной структуры города в 1920–1930-е гг. // Нормы и ценности повседневной жизни / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 2000.
- Глезерман Г. Е.* Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. М.: Госполитиздат, 1949.
- Голофаст В. Б.* Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–89.
- Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России / Под ред. В. П. Старка.* СПб.: Искусство—СПб; Набоковский фонд, 2000.
- Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2003.

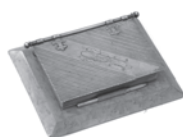
- Добкин А. И.* Лишенцы, 1918–1936 // Звенья: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 600–628.
- Дьякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л.: Наука, 1978.
- Дьякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: Разложение третьеиюньской системы. Л.: Наука, 1988.
- Иванов В. А.* Миссия Ордена: Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20–40-х гг.: на материалах Северо-Запада РСФСР. СПб.: ЛИСС, 1997.
- Ильин В. И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ, 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар. ун-т; Ин-т социол. РАН, 1996.
- Каждан Т. П.* Художественный мир русской усадьбы. М.: Традиция, 1997.
- Кантор Ю. З.* Реальность и соцреализм: Эрмитаж в 1917–1941 гг. // Звезда. 2003. № 5. С. 182–194.
- Коллонтай А. М.* Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1972.
- Константинов Н. А., Медынский Е. Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М.: Учпедгиз, 1948.
- Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России (1861–1904 гг.): Состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979.
- Корляков А.* Русская эмиграция в фотографиях. Париж: Имка-Пресс, 1999. Т. 1; 2001. Т. 2.
- Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917–1925). Л.: Наука, 1984.
- Лебина Н. Б.* Коммунальный, коммунальный, коммунальный мир... // Родина. 1997. № 1. С. 16–21.
- Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города, 1920–1930 гг. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 1999.
- Ливен Д.* Аристократия в Европе, 1815–1914. СПб.: Академический проект, 2002.
- Лихачев Д. С.* Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л.: Наука, 1982.
- Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства XVIII–нач. XIX в. СПб.: Искусство—СПб, 1994.

- Манхейм К.* Проблема поколений // НЛО. 1998. № 30. С. 9–23.
- Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–нач. XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- Муравьева О. С.* Как воспитывали русского дворянина. М.: Linka-Press, 1995.
- На корме времени: интервью с ленинградцами 1930-х годов / Под ред. М. Витухновской. СПб.: Журнал «Нева», 2000.
- Нормы и ценности повседневной жизни / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 2000.
- Обертрейс Ю.* «Бывшее» и «излишнее»: изменение социальных норм в жилищной сфере в 1920–1930-е гг. На материалах Ленинграда // Нормы и ценности повседневной жизни в России, 1920–1930-е годы / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб.: Журнал «Нева», 2000. С. 75–98.
- Осокина Е. А.* Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. М.: Изд-во МГОУ, 1993.
- Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1997.
- Паперный В.* Культура Два. М.: НЛО, 1996.
- Полян П.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001.
- Радаев В. В., Шкаратан О. И.* Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913): Статистические очерки. М.: Госстатиздат, 1956.
- Руус Й. П.* Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад к основам автобиографии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара / Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. СПб., 1997. С. 7–14. (Труды ЦНСИ; № 5).
- Санкт-Петербург: окно в Россию. Город, модернизация, современность: Материалы международной научной конференции / Под ред. Е. Берар. СПб.: Феникс, 1997.
- Селунская В. М.* Изменения социальной структуры советского общества 1921–середины 1930-х годов. М.: Мысль, 1979.
- Семенова В. В.* Биографии и общество: в поисках социального в индивидуальном // Социологические чтения. М., 1996. Вып. 1. С. 146–159.

- Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998.
- Смирнова Т. М. Политика «ликвидации эксплуататорских классов» в Советской России в 1917–1920 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1995.
- Смирнова Т. М. «Бывшие»: штрихи к социальной политике советской власти // Отечественная история. 2000. № 2. С. 37–48.
- Смирнова Т. М. Социальный портрет «бывших» в Советской России 1917–1920 годов (по материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 г. в Москве и Петрограде) // Социальная история. Ежегодник 2000. М., 2000. С. 87–126.
- Смирнова Т. М. Образ «бывших» в советской литературе // История России XIX–XX веков: новые источники понимания. М., 2001. С. 229–230.
- Смирнова Т. М. «Бывшие» в условиях НЭПа: «широкие перспективы» или новые проблемы? // Cahiers du monde russe. Vol. 44(1). Janvier–Mars, 2003. P. 111–134.
- Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003.
- Смирнова Т. М. «...Чтобы нам дали возможность мирно дожить нашу жизнь...». Представители бывших привилегированных слоев в поисках новой социальной ниши. Октябрь 1917–1921 годы // Советская власть — народная власть? Очерки истории народного восприятия советской власти в СССР. СПб.: Европейский дом, 2003. С. 67–87.
- Советская власть — народная власть? / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб.: Европейский дом, 2003.
- Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л.: Наука, 1990.
- Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992.
- Трифонов И. Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921–1937 гг.). М.: Госполитиздат, 1960.
- Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М.: Политиздат, 1975.
- Фотеева Е. Социальная адаптация после 1917 года: жизненный опыт состоятельных семей // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М., 1996. С. 240–275.

- Фукс-Хайнриц В.* Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология, практика. М.: Ин-т социологии РАН, 1994. С. 17–31.
- Хархордин О.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: ЕУСПб; Летний сад, 2002.
- Чуйкина С. А.* Дворяне на советском рынке труда (Ленинград, 1917–1941) // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920–30-е годы / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб., 2000. С. 151–192.
- Чуйкина С. А.* Реконфигурация социальных практик: семья поместных дворян в до- и послереволюционной России, 1870–1930 // Социологические исследования. 2000. № 1. С. 81–92.
- Чуйкина С. А.* Биографическое интервью и социология памяти // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 291–308.
- Чуйкина С. А.* Проблема имени и семейной памяти в семьях «бывших» дворян в 1920–1950-е годы // Право на имя: биографический метод в социальных и исторических науках / Под ред. В. Воронкова, И. Флиге, Е. Чикадзе. СПб.: НИЦ «Мемориал», Норд-Вест, 2004. С. 150–172.
- Элиас Н.* Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Alexopoulos G.* Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca: Cornell University Press, 2003.
- Augier P.* Quand les grands ducs valsaient à Nice. Paris: Fayard, 1981.
- Bailes K.* Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941. Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1978.
- Bajoit G.* Exit, voice, loyalty... and apathy: Les reactions individuelles au mecontentement // *Revue française sociologie*. 1988. Vol. 39. P. 325–345.
- Bastide R.* Les religions africaines au Brésil. Paris: PUF, 1960.
- Bastide R.* Mémoire collective et sociologie du bricolage // *L'année sociologique*. 1970. N 3. P. 65–108.
- Becker S.* Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. Dekalb (Ill.): North. Ill. University Press, 1985.
- Berelowitch W.* La soviétisation de l'école russe, 1917–1931. Lausanne: L'âge d'homme, 1990.

- Bertaux D.* Les recits de vie: Perspective ethnosociologique. Paris: Ed. Nathan, 1997.
- Beyrau D.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion, 1917–1985. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993.
- Bidou-Zachariassen C.* Le «jet d'eau d'Hubert Robert» ou Proust analyste de la mobilité sociale // Ethnologie française. 1990. Vol. 20. N 1. P. 34–41.
- Bidou-Zachariassen C.* Proust sociologue: de la maison aristocratique au salon bourgeois. Paris: Descastes et Cie, 1997.
- Blum J.* The End of the Old Order in Rural Europe. Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1978.
- Bobrinsky O.* La Première République tchécoslovaque et l'émigration russe (1920–1938): la spécificité d'une politique d'asile // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 1995. N 1. P. 153–175.
- Bourdieu P.* Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1984.
- Bourdieu P.* L'illusion biographique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1986. N 62/63. P. 69–72.
- Bourdieu P., Boltanski L., Saint-Martin M., de.* Les stratégies de reconversion // Information sur les sciences sociales. 1973. N 12(5). P. 61–113.
- Bozon M., Thiesse A.-M.* La Plaine et la Route, mémoire populaire du Vexin français et du Pays de France. Asnières-sur-Oise: Fondation Royaumont, 1982.
- Brooks J.* «Thank You, Comrade Stalin!». Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Cerda A., de la.* La tournée des Grands-Ducs: Les Russes sur la Côte Atlantique. Biarritz: Atlantica, 1999.
- Certeau M., de.* The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.
- Channon J.* Tsarist Landowners after the Revolution: Former *Pomeshchiki* in Rural Russia during NEP // Soviet Studies. 1987. Vol. 39. N 4. P. 575–598.
- Cohen A.* The Symbolic Construction of Community. New York: Ellis Horwood Ltd., 1985.
- Colton T.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1995.
- David-Fox M.* Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca; London: Cornell University Press, 1997.

- David-Fox M.* What is Cultural Revolution? // *The Russian Review* 58 (April, 1999). P. 181–201.
- Debouzy M.* In Search of Working-Class Memory: Some Questions and a Tentative Assessment // *Between Memory and History* / Eds. M.-N. Bourguet, L. Valensi, N. Wachtel. Chur: Harwood Academic Publishers, 1990. P. 55–76.
- Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. München: Verlag C. H. Beck, 1994.
- Dunham V.* In Stalin's Time: Middle-Class Values in Soviet Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Elias N.* What is sociology? New York: Columbia University Press, 1978.
- Ellis L. R.* Les Russes sur la Côte d'Azur: La colonie russe dans les Alpes-Maritimes des origines à 1939. Nice: Serre, 1988.
- Emmons T.* The *Zemstvo* in Russia: An Experiment in Local Self-Government. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Engel B.* Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth Century Russia. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1983.
- Ewing E. T.* The Teachers of Stalinism: Policy, Practice and Power in Soviet Schools of the 1930s. New York: Peter Lang Publishing, 2002.
- Fitzpatrick S.* Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington, 1978.
- Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1979.
- Fitzpatrick S.* The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 1992.
- Fitzpatrick S.* Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // *Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. N 4. P. 745–771.
- Fitzpatrick S.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999.
- Fitzpatrick S., Slezkine Yu.* In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Fleishman L., Hughes R., Raevsky-Hughes O.* Русский Берлин, 1921–1923. Париж: Имка-Пресс, 1983.

- Fuchs W.* Biographische Forschung: eine Einfuehrung in Praxis und Methoden. Opladen: Wd Verl., 1984.
- Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Cambridge (U. K.): Polity Press, 1984.
- Garros V., Korenevskaya N., Lahusen T.* Intimacy and Terror: Soviet Diaries in the 1930s. New York: New Press, 1995.
- Geiger K.* The Family in Soviet Russia. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1968.
- Geldern J., von.* Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley etc.: University of California Press, 1993.
- Glaser B., Strauss A.* The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. Chicago: Aldine, 1973.
- Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London: Penguin Books, 1990.
- Goldman W.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1993.
- Golofast V., Protasenko T.* Family Histories — Country History. Russian Gentlemen under Soviet Regime: Problems of Declassment or Survival. Summary Verison to be Presented at the Conference on «Old and New Aristocracies, 1880 to the present». Toulouse, 21–24 September, 1994.
- Gorboff M.* La Russie fantôme: l'émigration russe, 1920–1940. Lausanne: L'âge d'homme, 1995.
- Gousseff C.* Immigrés russes en France, 1900–1950: contribution à l'histoire politique et sociale des réfugiés. Paris: EHESS, 1996.
- Grange C.* Gens du Bottin Mondain: y être, c'est en être. Paris: Fayard, 1996.
- Haimson L.* The Politics of Rural Russia, 1905–1914. Bloomington: Indiana University Press, 1979.
- Halbwachs M.* La mémoire collective. Paris: PUF, 1950.
- Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: Mouton & Co, 1976.
- Halbwachs M.* Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Halfin I.* From Darkness to Light: Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000.

- Hamburg G.* Politics of the Russian Nobility (1881–1905). New Brunswick (N. J.): Rutgers University Press, 1984.
- Hellbeck J.* Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // *Russian Review* 60 (July, 2001). P. 340–359.
- Hellberg-Hirn E.* Imperial Imprints: Post-Soviet St. Petersburg. Helsinki: SKS Finnish Literature Society, 2003.
- Hirschman A.* Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations and States. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1970.
- Hoffmann D.* Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca: Cornell University Press, 1994.
- Holmes L.* Part of History: The Oral Record and Moscow's Model School N 25, 1931–1937 // *Slavic Review*. Summer 1997. Vol. 56. N 2.
- Holmes L. E.* Stalin's School: Moscow's Model School N 25, 1931–1937. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1999.
- Johnston R. H.* New Mecca New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920–1945. Kingston, Montreal: McGill-Queen University Press, 1988.
- Karady V.* La conversion socio-professionnelle des élites: deux cas historiques en Hongrie // *Les élites: formation, reconversion, internationalisation*. Stockholm; Paris: Institute of Education CSEC, 1995. P. 87–114.
- Kaurinkoski K.* L'emigration blanche. Les russes a Nice. Memoire de D.E.A. Departement d'Ethnologie. Faculte des lettres et des sciences sociales. Universite de Provence (AIX — Marcelle 1), 1992.
- Kaurinkoski K.* Les communautés russe et italienne de l'entre-deux-guerres à Nice: similitudes et différences // *Cahiers de la Méditerranée*. Vol. 58. Juin 1999. P. 133–155.
- Kessler G.* The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // *Cahiers du monde russe*. 2001. Vol. 42. N 2–4. Avril–Decembre. P. 477–504.
- Lamont M.* Money, Morals and Manners: The Culture of the French and the American Upper-Middle Class. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Lampert N.* The Technical Intelligentsia and the Soviet State: A Study of Soviet Managers and Technicians, 1928–1935. London; New York: Macmillan, 1979.
- Lavabre M.-C.* Usages du passé, usages de la mémoire // *Revue française de science politique*. 1994. Vol. 44. N 3. Juin. P. 480–493.

- Lavabre M.-C.* Usages et mésusages de la notion de mémoire // Critique internationale. 2000. N 7. P. 48–57.
- Lazarewitch I. & N.* L'école soviétique (enseignements primaire et secondaire). Paris: Les îles d'or, 1954.
- Ledrè Ch.* Les émigrés russes en France. Ce qu'ils sont, ce qu'ils font, ce qu'ils pensent. Paris: SPES, 1930.
- Lehmann A.* Erzaehlen eigener Erlebnisse im Alltag: Tatbestaende, Situationen, Funktionen // Zeitschrift für Volkskunde. 1978. N 74. S. 198–216.
- Lehmann A.* Erzaehlstruktur und Lebenslauf: Autobiogr. Untersuchungen. Frankfurt: Campus Verl., 1983.
- Lewin M.* The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. London: Methuen, 1985.
- Le Wita B.* La mémoire familiale des Parisiens appartenant aux classes moyennes // Ethnologie française. 1984. T. 14. N 1. Janvier–Mars. P. 57–66.
- Le Wita B.* «Ni vue, ni connue...»: Approche ethnographique à la culture bourgeoise. Paris: MSH, 1998.
- Mally L.* Culture of the Future. The Proletkult Movement in Revolutionary Russia. Berkeley etc.: University of California Press, 1990.
- Manning R.* The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government. Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1982.
- Marrese M. L.* Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861. Ithaca: Cornell University Press, 2002.
- Mayer A.* The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War. New York: Pantheon Books, 1981.
- Menegaldo H.* Les Russes à Paris, 1919–1939. Paris: Autrement, 1988.
- Mension-Rigau E.* Aristocrates et grands bourgeois: éducation, traditions, valeurs. Paris: Perrin, 1998.
- Mension-Rigau E.* L'enfance au chateau: l'éducation familiale des élites françaises au vingtième siècle. Paris: Rivages, 1990.
- Mension-Rigau E.* Une certaine image de l'histoire // Ethnologie française. 1990. T. 20. N 1. Janvier–Mars. P. 27–33.

- Mension-Rigau E.* La vie des chateaux: mise en valeur et exploitation des chateaux privés dans la France contemporaine: strategies d'adaptation et de reconversion. Paris: Perrin, 1999.
- Meyer A.* The Impact of World War I on Russian Women's Lives // *Russia's Women: Accomodation, Resistance, Transformation* / Eds. B. E. Clements, B. A. Engel, C. D. Worobec. Berkeley, 1991. P. 208–224.
- Mingay G. E.* The Gentry: The Rise and Fall of a Ruling Class. London: Longman, 1976.
- Moine N.* Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de d'identité sociale // *Cahiers du monde russe.* 1997. Vol. 38. N 4. P. 587–600.
- Moniot H.* The Uses of Memory in African Studies // *Between Memory and History* / Eds. M.-N. Bourguet, L. Valensi, N. Wachtel. Chur: Harwood Academic Publishers, 1990. P. 173–182.
- Muxel A.* Individu et mémoire familiale. Paris: Nathan, 1996.
- Owen T.* Impediments to a Bourgeois Consciousness in Russia, 1880–1905: The Estate Structure, Ethnic Diversity and Economic Regionalism // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Eds. E. Clowes, S. Kassow, J. West. Princeton, 1991. P. 75–92.
- Petrone K.* Life Has Become More Joyous, Comrades. Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000.
- Pinçon M., Pinçon-Charlot M.* Dans les beaux quartiers. Paris: Seuil, 1989.
- Pinçon M., Pinçon-Charlot M.* Grandes fortunes. Dynasties familiales et formes de richesse en France. Paris: Payot, 1995.
- Pinçon M., Pinçon-Charlot M.* Le capital cosmopolite des élites: conversions et reconversions // *Formation des élites et culture transnationale* / Eds. D. Broady, N. Chmatko, M. de Saint-Martin. Paris; Uppsala, 1997. P. 35–45.
- Pinçon M., Pinçon-Charlot M.* Sociologie de la bourgeoisie. Paris: La Decouverte, 2003.
- Raeff M.* Origins of Russian Intelligentsia: The 18th Century Nobility. New York: Harvest Books, 1966.
- Raeff M.* Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. New York: Oxford University Press, 1990.
- Rieber A.* The Sedimentary Society // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Eds. E. Clowes, S. Kassow, J. West. Princeton, 1991. P. 343–366.

- Robinson P.* The White Russian Army in Exile, 1920–1941. Oxford: Clarendon Press, 2002.
- Roosevelt P.* Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History. New Haven; London: Yale University Press, 1995.
- Rosenthal G.* Social Transformation in the Context of Familial Experience: Biographical Consequences of a Denied Past in the Soviet Union // Biographies and the Division of Europe. Experience, Action and Change of the 'Eastern Side' / Eds. R. Breckner, D. Kalekin-Fishman, I. Mieth. Opladen: Leske & Budrich, 2000. P. 115–138.
- Ruane C., Eklof B.* Cultural Pioneers and Professionals: The Teacher in Society // Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / Eds. E. Clowes, S. Kassow, J. West. Princeton, 1991. P. 199–214.
- Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History* / Ed. H. Balzer. Armonk; New York: M. E. Sharpe, 1996.
- Ruth J.-E., Birren J. E., Polkinghorne D. E.* The Projects of Life Reflected in Autobiographies of Old Age // Ageing and Society. 1996. N 16. P. 2–23.
- Saint-Martin M., de.* Une «bonne» éducation: Notre-Dame des Oiseaux à Sèvres // Ethnologie française. 1990. T. 20. N 1. P. 62–70.
- Saint-Martin M., de.* L'espace de la noblesse. Paris: Métailié, 1993.
- Saint-Martin M., de.* Vers une sociologie des aristocrates déclassés // Cahiers d'histoire. 2002. Vol. 45. N 4. P. 785–801.
- Schattenberg S.* Stalins Ingenieure: Lebenswelten zwischen Technik und Terror in den 1930er Jahren. Studien zur Ideengeschichte der Neuzeit. München: R. Oldenbourg Verlag. 2002. Bd 11.
- Scherer J.* Die sozialistische Intelligentsia. Ihre Rolle in der russischen Kulturrevolution vor und nach 1917 // Comparativ. 1995. Heft 6. S. 94–119.
- Schlapentokh V.* Soviet Intellectuals and Political Power. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Segalen M.* Quinze générations de Bas-Bretons. Mariage, parentèle et société dans le Pays bigouden sud 1720–1980. Paris: PUF, 1985.
- Semenova V.* The Message from the Past: Experience of Suffering Transmitted Through Generations // Biographies and the Division of Europe: Experience, Action and Change of the 'Eastern Side' / Eds. R. Breckner, D. Kalekin-Fishman, I. Mieth. Opladen: Leske & Budrich, 2000. P. 93–114.

- Shearer D.* Elements Near and Alien: Passportization, Policing and Identity in the Stalinist State, 1932–1952 // *Journal of Modern History*. 2004. Vol. 76. N 4. P. 835–881.
- Singly F., de, Thélot Cl.* Racines et profils des ouvriers et cadres supérieurs // *Revue française de sociologie*. 1986. Janvier–Mars. XXVII–1. P. 47–86.
- Struve N.* Soixante-Dix Ans d'Emigration Russe, 1919–1989. Paris: Fayard, 1996.
- Studer B., Unfried B., Herrmann I.* Parler de soi sous Staline: la construction identitaire dans le communisme des années trente. Paris: MSH, 2002.
- Ssysphus.* Sociological Studies. Warsaw, 1982. Vol 2: Polish Memoir Sociology.
- Tchouikina S.* «Old» and «New» Intelligentsia and the Soviet State // *The Soviet Union — A Popular State?* / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб.: Европейский дом, 2003. С. 88–113.
- Thompson E. P.* The Making of the English Working Class. London: Penguin Books, 1991.
- Thurston R. W.* The Soviet Family during the Great Terror, 1935–1941 // *Soviet Studies*. 1991. Vol. 43. P. 553–574.
- Timasheff N.* The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. New York: Dutton & Co, 1946.
- Tisseron S.* Secrets de famille. Paris: Ramsay, 1996.
- Tolz V.* Russian Academicians and the Revolution: Combining Professionalism and Politics. New York etc.: St. Martin's Press, 1997.
- Tovrov J.* The Russian Noble Family: Structure and Change. Chicago: Garland Publishing, 1987.
- Vaissié C.* Pour votre liberté et pour la nôtre: le combat des dissidents de Russie. Paris: Robert Laffont, 1999.
- Wachtel A.* The Battle for Childhood: Creation of a Russian Myth. Stanford: Stanford University Press, 1990.
- Wachtel N.* Introduction // *Between Memory and History* // Eds. M.-N. Bourguet, L. Valensi, N. Wachtel. Chur: Harwood Academic Publishers, 1990. P. 1–18.
- Znaniecki F.* Ueber die Sammlung und Verwertung des soziologischen Materials // *Zeitschrift fuer Voelkerpsychologie und Soziologie*. 1927. N 3. S. 274–293.
- Zonabend F.* La mémoire longue. Temps et histoires au village. Paris: PUF, 1980.

тематический указатель

биографические методы и социология биографии:

- автобиографические повествования 213–220
- аутентичность 216–218
- идентификационные параллели 185, 187
- интервью глубинное биографическое, способы анализа 184–188, 215–225
- интерпретация социологическая 216–218
- история семьи (семейная хроника, семейная история) 180–184, 223
- конструктивистский и реалистский подходы в социологии биографии 215
- контекстуальность автобиографического повествования 216–218, 220
- мемуары дворянские советского периода 38, 180, 223
- непровоцированные и спровоцированные источники 213
- референциальность 216–217
- рефлексивность 216
- траектории биографические (жизненные пути) как объект исследования 10, 17, 70–78
- фиктивные воспоминания 216–217
- этносоциологические исследования (термин Д. Берто) 215

дворяне, дворянская культура, дворянские практики:

- биография дворянская 60, 69–77
- — советская 141–147, 156
- благотворительность 65
- воспитание и образование дворянское (до революции) 66–70, 93, 132–134
  - Императорское училище правоведения 67, 71, 74, 83
  - институты благородных девиц 62–63, 69–70, 141–142
- дворянин (определение понятия) 9–10
- дворянский статус до революции 60, 68, 132
- дворянство дореволюционное как сословие, класс, статусная группа 199
- «декоративные люди» (термин В. А. Оболенского) 64
- помещики 33–34, 60–61, 63, 175–176, 202, 207
- светские навыки дворян и их конвертация 63–80
- хобби аристократические 63–64, 67–68, 70–73, 78
  - коллекционирование 64
  - музыка (игра, пение, сочинение музыки) 70–73
  - охота 68
  - театр 67

дворянское культурное наследие сегодня:

- дворянские ассоциации современные российские 190, 220–221
- музеи современные российские 188, 217

дискриминация дворян и репрессии см. также стигматизация:

- анкета как инструмент дискриминации 9, 76–77, 84, 87–89, 142, 162
- дискриминация дворян при поступлении в вузы 85–90
- людей, обладавших статусом «бывших» 41, 46, 87, 160
- лишение избирательных прав и восстановление в правах 34–35, 52, 57, 82
- матросский суд 16
- погромы периода Гражданской войны 20
- показательные процессы кон. 1920–нач. 1930-х гг. 30–31, 51, 102–103
- репрессии 1935 г. в Ленинграде 58, 83–84, 161, 173
- кон. 1930-х гг. (Большой террор) 19, 58, 78, 165, 170
- стратегии преодоления дискриминации 94, 142–143, 146, 159–160, 186, 189, 202, 220
- увольнение с работы и исключение из вуза 88, 92
- чистки в Академии наук 43
- советского и партийного аппарата 56, 81, 168
- в школах 116–117

жилищные пространства, быт и обиход:

- вещи памятные 133, 173–175
- дача 84, 139–140
- имение (усадьба, поместье) 33–34, 60–61, 133, 175–178
- коммунальные квартиры 80–81, 153, 172–175
- соседство, соседи 80–81, 84, 153

исторические периоды, исторические события:

- Гражданская война 17–21, 43–44, 50, 83, 141–142, 218
- индустриализация 196
- кампания «за культурность» (сер. 1930-х гг.) 108–110, 122
- Конституция 1936 года (сталинская) 58, 110, 122
- культурная революция сталинская (термин Ш. Фитцпатрик) 87–88, 160–161
- НЭП 34, 54, 67, 69, 71
- пятилетка вторая 56, 58, 107–108, 118
- первая 11, 26, 30–31, 51, 117, 160–161
- репрессии 1935 г. см. дискриминация дворян / репрессии 1935 г.

категории советского идеологического языка, используемые прессой применительно к «бывшим» дворянам:

- аристократы 43
- «барышни» 101
- буржуазные специалисты 47, 51, 54, 56, 98
- буржуи («буржуазный класс») 41–47, 54, 98
- бывшие люди («бывшие эксплуататорские классы») 41, 43, 98

дворяне, дворянство 43–44, 46
 «жоржики» 101
 интеллигенты-обыватели 99, 104–105
 интеллигенты-революционеры («пролетарии по призванию») 47, 99
 интеллигенция «старая» 98, 102–105, 114, 120–127 *см. также* стратификация
 «мадемуазель» и «мадам» 101
 нетрудовые элементы 39, 54, 59, 79, 94, 98
 офицеры 43
 прочая молодежь 101
 чужаки 103
 эксплуататорские классы 41–43, 98, 110, 192, 201–202

места работы (официальные) дворян в послереволюционный период:

Академия наук, научные учреждения 43, 88, 91–92
 высшие учебные заведения 90–91, 118
     преподавание иностранных языков в советском вузе 38, 69, 73
 инженерные учреждения, производственные объединения, заводы 81, 87–89
 кинотеатр, театр 67, 91–92, 141, 145
 Красная армия 31, 48–50, 53, 93
     военные училища 70
 лесничество 68, 83
 музеи 69, 91–92
 НКВД 93–94, 169
 оркестр 71
 ЧОН (Части Особого Назначения) 166
 школы
     общеобразовательные 91–92, 116–117
     детские дома 142, 167
     музыкальные школы, техникумы, студии 81, 92

образование, образовательные институции советские:

бригадные методы обучения 169–170
 вузы 85–89, 102, 117–120
 детские дома 141–142, 167
 комсомол 101
 курсы иностранных языков профессора Боянуса 69, 73, 88
 Ленинградский государственный университет 118, 120, 122
 рабочие факультеты (рабфаки) 86, 169
 Хореографическое училище (ныне Академия русского балета им. А. Я. Вагановой) 90,
 145–146
 школы 92, 114–117, 135–136, 142

профессии дворян в послереволюционный период см. также стратегии выживания:

- артист(ка) 67, 90, 141, 144–145
- астроном 180
- военный 31, 50–51, 70
- геодезист 26
- гувернантка 16, 38, 80, 144
- инженер 30–31, 88–89, 118, 143, 180
- летчик 88
- машинистка 69
- музыкант (аккомпаниатор, дирижер, преподаватель музыки) 70–73, 81, 141
- охотник 68
- преподаватель (школа, вуз) 38, 69, 73, 116–117
- пчеловод 72
- счетовод, бухгалтер 69, 71–73
- ученый 28–30, 51, 93
- физик 90
- чертежник 81, 88–89

рынок труда 40–41, 58

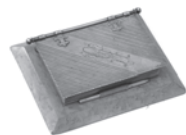
- безработица и безработные 48–49, 78–79, 81
- высшее образование 85–88
- регистрация бывших офицеров, помещиков и капиталистов (декрет) 50–51
- статус трудящегося 54

социология:

- классового воспроизводства
  - воспроизводство классовое, воспроизводство статуса 204–205
  - вторичная социализация 117, 156, 194–196
  - габитус (понятие П. Бурдьё) 208
  - капитал культурный 156
    - символический 42
    - социальный (социальная сеть) 42, 81, 83, 85, 89, 102, 126, 158
  - капиталы (термин П. Бурдьё) 204–208
  - класс как социологическое понятие 199, 204–205
  - мобильность профессиональная и социальная 60, 179, 202, 205
  - статус (социальная позиция) 155–158, 179–197
  - статусное чувство (чувство позиции, рефлексия по поводу статуса) 145, 180–185
- памяти
  - память как социологическое понятие 210–212
    - воплощенная 10–11, 189
    - генеалогическая (термин Б. Ле Вита) 185–186, 194, 212
    - городского среднего класса 157, 185–186

- дворян о приспособлении (адаптации) 37–39, 179–182, 193
- дворянская 11, 191–192
- коллективная (термин М. Хальбвакса) 130–131, 157–159, 210–212
- короткая и длинная 185
- крестьянская 186
- материализованная (материально-вещественная) 11, 173–174
- мигрантов 186
- о пережитом (термин Б. Ле Вита) 185–186, 194
- о прошлом как источник информации для социолога 218–220
- рабочих 157, 185
- семейная 158–159
- сценария (термин Р. Бастида) 130
- элиты 157–159, 185–186, 194, 210–212
- трансляция семейной памяти 159, 172–173, 180–185
- практик
  - коллективная память как практика 10, 189, 210–212 *см. также* социология / память
  - прагматическое объяснение социальных изменений 10, 205–206
  - реконфигурация социальных практик и социальный контекст 11, 66–78, 201
  - фигурация (термин Н. Элиаса) 10, 198
- элит
  - буржуазия современная как объект исследования 126, 203, 210, 212
  - деклассирование и реклассирование 42, 78–85, 125, 184, 204, 206
  - диверсификация капиталов и ресурсов 83
  - как дисциплина 10, 210
  - культурная инерция 37
  - матримониальные стратегии 42, 124, 146–151, 176 *см. также* элитарное воспитание / венчание / правила ухаживания
  - мультилокальность 83, 188
  - регламентация и ритуализация повседневности 10, 132, 140, 151–152
  - реконверсионная стратегия 184, 193, 204–208
  - реконверсия (конвертация) элит (термин П. Бурдьё и М. де Сен-Мартэн) 41–42, 66–73, 78, 90–91, 96–97, 156, 193, 204–208
  - светское пространство 10, 206
  - социальная исключительность 11, 134, 140–145
  - «старая» элита (традиционная) 42, 95–98, 113, 158–159, 184, 189, 210–212
  - стиль, стилизация повседневности 10, 155, 177–178
  - трансляция наследия 134, 194, 202, 210
- стигматизация и «заклейменная» идентичность *см. также* дискриминация дворян:
  - «большой компромисс» 8–9, 161, 171, 210, 220
  - идентичность стигматизированная («заклейменная», термин И. Гофмана) 208–209
  - конструирование новой идентичности 78, 97, 113, 141–147
  - механизм символизации 209
  - молчание 113, 127, 156

- объяснение и оправдание дискриминации 142
 секреты и тайны семейные 170, 179, 209–210, 218
 сокрытие фактов биографии в анкетах 84, 87, 161, 162, 165–171, 218
 стигма (социальное клеймо, термин И. Гофмана) 208–211, 216
 страх 127, 160, 171, 189–190
 фамилия как социальное клеймо 18–19, 39, 83–84, 161, 162–165
 стратегии выживания, ресурсы адаптации деклассированных дворян и «теневая»
 занятость *см. также* профессии:
 вышивание и шитье (частные заказы) 79–80
 гендерное измерение социального неравенства 94
 дамы «из бывших» пожилые 78–81, 101, 153
 конвертируемые навыки и знания дворян (нематериальные ресурсы адаптации) 60–69
 манипуляции и махинации 44, 54, 89, 102, 161, 162, 165
 миграции дворян по территории СССР 26–27, 34, 161, 165–170, 188
 музеев в бывшем имении 33–34
 обмен вещами или услугами 80–83
 пайки, еда скудная 72, 80–81, 139
 продажа личных вещей дворянами после революции 16, 36, 66, 79, 83, 90
 работа «вчерную» (теневая занятость) 54, 79–81
 риторические стратегии 162–165
 «ручной коммунист» (понятие С. М. Голицына) 83
 трудовая коммуна в имении 32
 церковь (работа при церкви) 38, 79
 частные уроки 79–81, 90, 138
 стратификация и социальная структура СССР:
 выдвиженцы 116–120
 интеллигенция, интеллигенты 28, 30, 96–127 *см. также* категории советского идеоло-
 гического языка
 интеллигенция «инженерно-техническая» 104–107
 — «настоящая» 124–127, 195–196
 — «новая» советская 105–110, 116–117, 122–126, 195–196
 — «рабочая», «пролетарская» 109, 118–119
 — «сельская» 111
 — «социально-культурная» 107–108
 — «старая» 98, 102–105, 120–127, 131, 140, 196–197
 класс как понятие советской идеологии 41
 конфликты между «старой» и «новой» интеллигенцией 114–124
 «приписывание к классу» (понятие Ш. Фитцпатрик) 41
 профессионализация 193, 205
 система социального неравенства (стратификации) в СССР 40–41
 социальная структура СССР 10–11, 40–41, 96–97, 192
 социально-географическая стратификация СССР 26–27

теория рационального выбора, ее применение и критика 17, 27, 37–39

элитарное воспитание и домашнее образование:

- балы детские, танцы бальные 138–139, 142
- библиотеки домашние 136, 173–174
- венчание в послереволюционный период 148–149
- детство счастливое («золотое») 132–134, 152
- игры домашние (комнатные) 138–140
- искусство молчания 132, 156
- круг общения 134, 138–140, 151–153, 194
- манеры (правила хорошего тона, *bon ton*) 63, 136–137, 147–148, 155
- моральные нормы 179–185
- музыка 93, 133, 139
- переписка, эпистолярный жанр 22–23
- правила ухаживания и вступление в брак 83–84, 146–151, 200
- рисование 93
- сервировка стола 34, 137, 175
- спектакли домашние 139–140
- трансформация модели воспитания в советское время 130–154, 194
- честь 154
- этика 154–156
- языки иностранные 68–69, 133, 136, 144, 149, 174

эмиграция:

- аристократии 18, 19
- дворян за границу в 1920-е гг. 17–25, 28, 36, 141, 144, 203, 207
  - в Болгарию 25
  - в Италию 24
  - в Китай 24
  - в Сербию 25
  - в Чехию 25
  - во Францию 24–25
  - ученых 28–31
- остров Лемнос 24
- полуостров Галлиполи и «галлиполийцы» 24

языки самоописания и социальная структура:

- дискурс (понятие социологии языка и социолингвистики) 112
- дискурс советский 112–114, 122, 196
- освоение советского языка населением 56, 97–98, 112–114, 162–165
- самописание и самоидентификация 112–116, 196
- символические границы сообщества 123, 203–204

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аксаков С. Т.** 132
Аксакова-Сиверс Т. А. 148, 178
Александр III 166
Александра Федоровна 26, 43
Алексопулос Г. (Alexoroulos G.) 202
Анфимов А. М. 199
Арнольд И. В. 84, 162
- Бабушкин Я.** 122
Бажуа Г. (Bajoit G.) 37
Бастид Р. (Bastide R.) 211
Башмакова (Грузинова) М. 62
Бейлз К. (Bailes K.) 31
Бекер С. (Becker S.) 199
Берар Е. (Berard E.) 203
Берто Д. (Bertaux D.) 202, 215
Бестужев-Рюмин А. П. 163
Бестужев-Рюмин М. П. 163
Биду-Захариасен К. (Bidou-Zachariasen C.) 203, 206
Бовкало А. А. 202
Бологовской Б. П. 74
Будённый С. М. 46
Бурдые П. (Bourdieu P.) 203–204, 208, 210
Бурлакова В. В. (урожд. Шешина, в первом браке Гагарина) 88, 90, 148, 163
Бялыницкий-Бируля В. К. 34
- Ваганова А. Я.** 90
Васильев А. 207
Вахарловский Г. А. 31, 33, 180
Вёдрова М. М. 33
Велиховы 153
- Вест Дж. (West J.)** 199
Ветошникова Н. Б. 133, 173
Вилламов Г. Н. 141
Витухновская М. А. 203
Виहाвайнен Т. 203, 222
Водарский Е. А. 149
Волков О. В. 19, 28, 38
Волков-Муромцев Н. В. 60, 178
Волковы-Манзей 175–176
Волконская С. А. 38
Воронцова-Вельяминова А. П. 84
Воронцов-Вельяминов Б. А. 180
Воронцовы-Вельяминовы 188
Ворошилов К. Е. 46
Вошинин А. И. 89, 118, 152
Вошинина Е. И. 37, 62, 80, 83, 89, 118, 123, 125, 136, 139, 152, 163, 172
Вошинины 20
Врангель П. Н. 24
Выгодский А. Г. 122
- Гагарин А. Г.** 163–164
Гагарин А. П. 221
Гагарин П. А. 163–165
Гагарина (Оболенская) М. Д. 148
Гарфинкель Г. (Garfinkel H.) 214
Гедимин 187
Гедройц И. Е. 136, 149, 162, 187
Георгиев 84
Георгиевская Е. Б. 69
Герасимова Е. Ю. 80, 222
Гессе Е. Ф. 166–170
Гессе Н. В. 166–170
Глазунов А. К. 72

Глезерман Г. Е. 201
 Голицын К. Н. 19, 67, 93
 Голицын С. М. 19, 38
 Головкина И. В. 38
 Голофаст В. Б. 202
 Горбатовская Т. Б. 32
 Гофман И. (Goffman E.) 208
 Граве 43
 Гранж С. (Grange C.) 203, 210
 Горбофф М. (Gorboff M.) 203
 Гуссефф К. (Gousseff C.) 203, 207

Данзас Ю. Н. 26
Данэм В. (Dunham V.) 8
Деникин А. И. 171
Джонстон Р. (Johnston R.) 203
Дмитриева Е. Е. 198
Долгорукая В. 64
Достоевские 84
Друри М. 138
Дьяконов И. М. 122
Дьяконова Н. Я. 116, 118, 122
Дякин В. С. 198

Евреинов Н. Н. 67
Ефремова М. Н. 142

Жданов А. А. 111
Жиде́ И. Г. 116
Жуков Г. К. 38

Закс С. И. 116
Зворыкин А. А. 137
Зворыкин А. И. 21
Зворыкин И. А. 21–22
Зворыкин Н. А. 67–68, 82, 153
Зворыкин Н. И. 153

Зворыкин Ф. А. 71–73, 78, 153, 173
Зворыкина (Матвеева) О. А. 72, 173
Зворыкина Е. Н. 34, 153
Зворыкина К. А. 34–35, 153
Зворыкина Н. А. 34, 153, 175
Зворыкина Н. Ф. 13, 33, 67, 71, 116, 173, 175, 182
Знанецкий Ф. (Znaniecki F.) 214
Зюганов Г. А. 144

Ива́нов Л. В. 89, 175
Ива́нова Е. В. 36, 80, 89–90, 93, 136, 145, 152
Иванов В. А. 161, 202
Измайлова Е. П. 81
Ипатьев В. Н. 29–30

Каждан Т. П. 198
Калугин Н. И. 48, 52–53
Каради В. (Karady V.) 207
Кауринкоски К. (Kaurinkoski K.) 203
Кассов С. (Kassow S.) 199
Керенский А. Ф. 29, 32
Киров С. М. 44
Клавин Б. 108
Конквест Р. (Conquest R.) 8
Корелин А. П. 199
Корнилов Л. Г. 32
Коэн Э. (Cohen A.) 203
Красовские 153
Крейслер 34
Крупская Н. К. 107, 111
Крушинский С. 111
Купцова О. Н. 198
Кутузов М. И. 163
Кутузовы 163
Кшесинская М. 220

- Ламонт** М. (Lamont M.) 204
Лебина Н. Б. 203
Левада Ю. А. 190
Ле Вита Б. (Le Wita B.) 203, 212
Левина В. Г. 116
Левитан И. И. 34
Левицкая Н. С. (урожд. Стрелецкая) 182
Ледре Ш. (Ledre Ch.) 207
Леман А. А. 87, 183
Леман Н. А. 87
Ленин В. И. 29, 47, 51, 104, 163, 168
Лозинские 153
Лотман Ю. М. 198
Луганин 71
Львов Ю. С. 148
Львовы 148
Люба Б. В. 69–70, 73, 78
Люба Ю. Б. 69, 138
Любошинский 43
Лядов А. К. 72
- Манзей** А. И. 176
Маннинг Р. (Manning R.) 198–199
Мансион-Риго Э. (Mension-Rigau E.) 203, 210
Матвеев Н. Н. 36
Матвеева Н. Н. (в замуж. Водарская) 149
Матвеева М. Н. (в замуж. Матвеева-Раппапорт) 69, 80, 84, 88, 90, 147–149
Медведская К. Д. (урожд. Вильчковская) 136
Мейендорф Н. Н. 65
Менегальдо Е. (Menegaldo H.) 203
Мещерские 177–178
Миллер Е. К. 24
Мионов Б. Н. 199–200
Миткевич В. Ф. 165
- Михайлов** Б. С. 88, 118, 137, 141–145, 150
Михайлов С. Л. 141–142
Моравов А. В. 34
Морозов Павлик 145
Муравьева О. С. 63, 154, 198
Мухин К. В. 72
- Негребецкая** Е. В. 172
Некрасов Н. А. 116
Нелидов И. 90
Нелидова Л. 60–61
Николай 34
Николай II 32, 43
Никольская В. В. (урожд. Голицына) 81
- Оболенская** (Гудович) В. А. 19
Оболенская (Дитерихс) Е. К. 19
Оболенская (Шереметева) П. В. 19
Оболенская Е. В. 19
Оболенская К. И. 19
Оболенская С. Л. 19
Оболенский А. А. 19
Оболенский А. Д. 19
Оболенский В. А. 60, 62, 64, 178
Оболенский В. В. 19
Оболенский В. Д. 19
Оболенский Е. В. 177
Оболенский М. В. 19
Оболенский М. Ф. 19
Оболенский Н. Ф. 19
Оболенский П. И. 19
Оболенский С. Д. 19
Осоргины 38
Оуэн Т. (Owen T.) 199
- Панаева** Н. П. 32, 69, 84, 114, 136, 138–139, 171

- Первольфы 163
 Петр I 79
 Пикин Ф. М. 34
 Пикина С. К. 55, 121
 Пикок 34
 По Э. 142
 Протасенко Т. З. 202, 228
 Пруст М. 206
 Путятина А. Ф. 123
 Пушкин А. С. 120, 122
 Пэнсон М. (Pinçon M.) 203, 210
 Пэнсон-Шарло М. (Pinçon-Charlot M.) 203, 210
- Раев М.** (Raeff M.) 203
 Раппапорт (Раппа-де-Порта) О. 84, 88
 Ратиева 148
 Рибер А. (Rieber A.) 199–200
 Ринкевич 88
 Рихтер В. А. 69
 Розенталь Г. (Rosenthal G.) 210
 Ростовцев Я. Н. 43
 Рузвельт П. (Roosevelt P.) 198
 Руус Й. П. (Roos J. P.) 214
- Свечина М. А.** 141
 Свиньин А. Д. 79
 Свиньина Е. А. 25, 79
 Селунская В. М. 201
 Семенова В. В. 210
 Сементовская З. С. 133
 Сен-Мартэн де М. (Saint-Martin M., de) 203, 207, 210
 Серто де М. (Certeau M., de) 206
 Смирнова Т. М. 202
 Соловьев Ю. Б. 198
 Соловьева Е. М. 117
- Сталин И. В. 51, 104–106, 110, 122
 Стракач В. С. 141
 Стракач-Вилламова О. Н. 141
 Стрелецкие 182
 Струве Н. (Struve N.) 203
 Сциборские 137
- Тамарченко Ю.** 122
 Татариновы 38
 Тимашев Н. (Timasheff N.) 8
 Тиссерон С. (Tisseron S.) 209
 Товров Дж. (Tovrov J.) 198, 200
 Толстой Л. Н. 132
 Томпсон Э. П. (Thompson E. P.) 206
 Трифонов И. Я. 201
 Троцкий Л. Д. 29
 Трубецкой Е. Н. 151
 Трубецкой С. Е. 60, 132, 151
 Тулупов М. Е. 82
 Тучковы 163
- Ухтель А.** (Wachtel A.) 132, 198
 Уссаковская М. В. 142
 Ушаков Н. В. 34
 Ушаков В. В. 183
 Ушакова С. Г. 183
 Успенская Л. А. 20, 32, 133, 135
- Фитцпатрик Ш.** (Fitzpatrick S.) 41, 86
 Фотеева Е. 202
 Фридлиндер Ю. 122
 Фрунзе М. В. 163
- Халфин И.** (Halfin I.) 113
 Хальбвакс М. (Halbwachs M.) 158, 210
 Хамбург Г. (Hamburg G.) 198
 Хельбек Й. (Hellbeck J.) 113

Хиршман А. (Hirschman A.) 17, 37
Хованская 166
Ходот Г. А. 115

Челюскин 116
Ченнон Дж. (Channon J.) 33, 202
Черемисинов 70

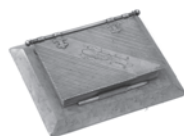
Шамлиян М. И. 81
Шереметев С. Б. 177–178
Шереметева (Оболенская) П. В. 19
Шешин В. М. 171
Шидловский И. А. 26, 87
Шидловский А. Ф. 43

Штаден О. Л. 65
Шувалова Е. В. 124, 172, 189

Эйлерс 36
Элиас Н. (Elias N.) 10, 198, 206
Эмме А. 122
Эмме В. Е. 89
Энгельс Ф. 104
Эрдели О. 34

Юрьев Ю. М. 67
Юсупов Н. Ф. 67

Якимов И. Ф. 117

Научное издание

Софья Чуйкина
Дворянская память: «бывшие» в советском городе
(Ленинград, 1920–30-е годы)
Серия Территории истории; Вып. 1

Редактор, корректор *Т. Л. Ломакина*
Дизайнер *А. Ю. Ходот*
Верстка *А. Б. Левкиной*

Издательство
Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
www.eusp-press.spb.ru
e-mail: books@eu.spb.ru

Усл. печ. л. 16,25. Уч.-изд. л. 14
Тираж 1000 экз.